

Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына

Bibliothèque Tourguéniev

**МЫСЛЯЩИЕ МИРЫ РОССИЙСКОГО
ЛИБЕРАЛИЗМА:
Павел Милюков (1859—1943)**

**Материалы Международного научного colloquium
Москва, 23—25 сентября 2009 г.**

Москва, 2010

Составитель и куратор Коллоквиума

М.Ю.Сорокина

Редколлегия: *Н.Ф.Гриценко, Л.А.Пухова, Н.Ю.Масоликова, А.А.Жидкова*

ISBN 5-86983-087-7

© Авторы публикаций, 2010

© Составление М.Ю.Сорокина

© Издательство «Любавич», 2010

© Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына

В оформлении сборника использован рисунок Ю.П.Анненкова

СОДЕРЖАНИЕ

Сорокина М.Ю. От составителя	5
Вайль Б. Милюков и Сахаров	8
Шувалов В.И. Российский либерализм: взгляд со стороны	19
Горин М.М. Московские адреса П.Н. Милюкова	23
Гайда Ф.А. П.Н. Милюков: историк в политике	37
Амашер К. Юбилей Герцена 1912 года: чье наследство и кто наследники?	45
Трибунский П.А. Письма П.Н. Милюкова Д.В. Соскису в Архиве Палаты лордов (Великобритания)	67
Гутнов Д.А. Материалы, наблюдения за П.Н. Милюковым в Архиве парижской полиции	81
Братолобова М.В. Конституционные демократы в Области Войска Донского в начале XX века: особенности формирования либеральных идей	88
Котюкова Т.В. П.Н. Милюков и проблема национального представительства в Государственной думе России	104
Селезнёв Ф.А. Конституционные демократы и проблема иностранного экономического присутствия в России (1905–1917)	118
Оськин М.В. П. Н. Милюков накануне Февраля: обратная связь с армией 0, 4 п.л.	130
Гюнтер Р. The Provinces of Russia and Provincial Russia: Russian Liberalism in the European Context	139
Бочарова З.С. «Я не знаю, как мы придем в Россию, но я знаю, как мы туда не придем» (П. Милюков против Е. Кусковой в дискуссии о возвращении на родину).	144
Базанов П.Н. П.Н. Милюков как инициатор и руководитель издательской деятельности «Республиканско-Демократического Объединения»	162

Соколов М.В. П.Н. Милюков в поиске контактов с оппозицией внутри СССР в 20-е гг. По материалам ГАРФ и ЦА ФСБ РФ	173
Урядова А.В. Советская внешняя политика в восприятии П.Н. Милюкова и «Последних новостей»	190
Талалай М.Г. «Самый близкий в мире человек»: Т.С.Варшер и ее свидетельство о П.Н.Милюкове.....	200
Родионова Н.А. Участие Милюковых в судьбе семьи В.Д. Набокова после его гибели	214
Ёхина Н.А. П.С.Боранецкий – П.Н.Милюкову: В поисках «Пореволюционного синтеза». (П.Н.Милюков и народники–мессианисты)	226
Лаптева Л.П. Контакты русских ученых с чешским ученым и политическим деятелем Т.Г.Масариком (до 1917 г.)	237
Муромцева Л.П. С.А.Муромцев - член ЦК кадетской партии и председатель Первой Государственной Думы	249
Волошина В.Ю. Политические взгляды А.А.Кизеветтера в условиях эмиграции в контексте феномена «профессорской культуры»	260
Кротова М.В. Н.В. Устрялов: между либерализмом и сталинизмом	268
Петрова Т.Г. П.Н. Милюков о русской классике и современной литературе.....	280

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Публикуемый сборник статей подготовлен на основе докладов, прочитанных 23—25 сентября 2009 г. в Москве в рамках международного научного colloquium «Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милоков», проводившегося Домом русского зарубежья им. Александра Солженицына. Colloquium был приурочен к 150-летию со дня рождения выдающегося российского историка, общественного и политического деятеля Павла Николаевича Милокова (1859—1943) и стал первым в серии конференций, посвященных исторической судьбе российского либерализма в России и эмиграции. Прошедший colloquium вызвал широкий общественный и научный резонанс, его участниками стали исследователи из шести стран (Великобритания, Дания, Италия, Россия, США, Франция, Швейцария).

Сквозь призму судьбы П.Н.Милокова (оппозиционер / лидер / аутсайдер) — историка, публициста, редактора крупнейших газет, лидера конституционно-демократической партии и главы думской оппозиции, министра иностранных дел и политического эмигранта — на colloquium был рассмотрен широкий круг проблем идейного наследия и практической деятельности российских либералов в политической, общественной, научной, культурной, интеллектуальной жизни Российской Империи и СССР, российских диаспор, различных профессиональных сообществ и стран-реципиентов российской эмиграции¹.

---

¹ См. основные работы о П.Н.Милокове, опубликованные в последние десятилетия: Riha T. A Russian European Paul Miliukov in Russian Politics. Notre Dame; L., 1969; Нильсен Е.П. Милоков и Сталин: о политической эволюции П.Н. Милоков в эмиграции (1918—1943). Осло, 1983; Меду-

Работа коллоквиума строилась вокруг трех стержневых направлений:

1. История и идеология / Политика и политики: историческая судьба российского либерализма на родине и в эмиграции. Либерализм как идеология, общественная мысль и политический институт – мировая практика и российский контекст / Империя и либеральные реформы / Интеллектуальная элита и власть / Эволюция либеральной мысли: отношение к важнейшим проблемам современности — война и мир, революция, национальное возрождение, антисемитизм и др. (доклады Б.Б.Вайля, В.И.Шувалова, Ф.А.Гайды, К.Амашер, Т.В.Котюковой, О.В.Шевченко, М.В.Братолобовой, Ф.А.Селезнева, М.В.Оськина, Р.Гюнтер).

2. Вокруг Милокова: предшественники и учителя, семья, друзья и враги, коллеги и попутчики, спонсоры и меценаты, авторы и рецензенты, последователи и недоброжелатели, секретные службы и пресса. «Профессорская» культура» XIX—XX вв. Рецепция и влияние идей и личности П.Н.Милокова в эмиграции, СССР, мире (доклады М.М.Горина, А.В.Топычканова, А.И.Лахтиной, Л.А.Пуховой, А.Б.Бушева, П.Н.Базанова, М.В.Соколова, З.С.Бочаровой, А.В.Урядовой, Л.П.Лаптевой, Л.П.Муромцевой, Н.А.Ёхиной, Н.А.Родионовой, В.Ю.Волошиной, М.В.Кротовой, Т.Г.Петровой, А.С.Кручинина).

3. Источники по истории российского либерализма: архивное наследие российских либералов как историко-культурная и архивоведческая проблема. Основные архивные центры, частные коллекции, документы: история их формирования, приобретения, бытования (доклады П.А.Трибунского, М.Г.Талалая, Д.В.Гутнова).

шевский А.Н. Милоков: ученый и политик // История СССР. 1991. № 4; Вандалковская М.Г. П.Н. Милоков, А.А. Кизеветтер: историк и политик. М., 1992; Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости (Исторический портрет П.Н. Милокова). М., 1993; Брейар С. Портрет Милокова // Отечественная история. 1993. № 3; Александров С.А. Лидер российских кадетов П.Н. Милоков в эмиграции. М., 1996; Stockdale M. Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880—1918. Ithaca; L., 1996; Bonn T.M. Russische Geschichtswissenschaft von 1880 bis 1905. Pavel N. Miljukov und die Moskauer Schule. Köln; Weimar; Wien, 1998; П.Н. Милоков: историк, политик, дипломат. Материалы Международной научной конференции. Москва. 26—27 мая 1999 г. М., 2000; Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милоков (1859—1904): труды и дни. Рязань, 2001; и др.

Настоящий сборник — это не только дань памяти выдающемуся историку и политическому деятелю П.Н.Милюкову, но и попытка заново переосмыслить научное и публицистическое наследие, ценности и приоритеты, традиции и реальные достижения отечественной либеральной интеллигенции, которые остаются важнейшей составляющей российской национальной культуры.

Все статьи и выступления публикуются в авторской редакции.

Считаю своей приятной обязанностью отметить поддержку, оказанную проведению Коллоквиума руководством Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына в лице В.А.Москвина, Н.Ф.Гриценко, В.С.Угарова и М.А.Васильевой, а также президентом Тургеневской библиотеки в Париже госпожой Сабин Брейар (Франция). Поистине бесценное содействие успешной и напряженной трехдневной работе Коллоквиума оказали Л.А.Пухова, Н.Ю.Масоликова и Е.В.Кривова.

М.Ю.Сорокина,
зав. отделом истории российского зарубежья
Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына,
кандидат исторических наук

МИЛЮКОВ И САХАРОВ

В 4-томном словаре Ушакова (конец 1930-х гг.) к слову «либерал», «либерализм» даются примеры и определения, в которых дважды фигурирует слово «трусовость». Почему-то советским идеологам казалось, что либерал должен быть трусливым, а если он — не труслив, то он и не либерал вовсе. Мужество и смелость — качества революционеров или так называемых «революционных демократов».

Но вот два столпа российского либерализма: Милюков и Сахаров. Их-то никто не может назвать революционерами, а, тем не менее, им обоим присуще личное мужество. В случае Милюкова: Выборгское воззвание, знаменитая речь в Думе 1916 г., или, даже, перемена ориентации с союзников на Германию. «Новая тактика», провозглашенная им в конце декабря 1920 г. В случае Сахарова... Но это все на нашей памяти: один человек, правда, поддерживаемый небольшой группой неименитых единомышленников, бросает вызов Государству.

Однако, парадоксальным образом, советские составители словаря Ушакова оказались правы по отношению к ... советской либеральной интеллигенции, в частности, по отношению к коллегам Сахарова — академикам. Когда А.Д. Сахаров предлагал другим академикам подписаться под его письмом — ну хотя бы с призывом к отмене смертной казни — то ни один из академиков не подписал, хотя, конечно, в душе многие из них и были согласны с ним. Единственно чем они рисковали — это заграничными командировками, да и то на какое-то время. А ведь если бы они подписали, то — как писал сам Сахаров — правительство не могло бы игнорировать их подписей (Замечу в скобках: тема советской интеллигенции — совсем особая, и я не буду здесь ее касаться. Скажу только в ее оправдание: многолетний террор настолько

запугал всех советских людей, что и до сих пор они боятся, что в общем-то и понятно).

Необходимо отметить, что в России, как и в СССР — традиции либерализма связаны с Государством и с реформами сверху. Именно тут общность между позициями Милюкова и Сахарова и отличие от современного западного либерализма.

Милюков был лидером партии и депутатом Госдумы. Сахаров был как бы негласным духовным лидером диссидентов, и после возвращения из ссылки — депутатом Съезда народных депутатов СССР, участником «Московской трибуны» и Межрегиональной группы народных депутатов.

Вообще же, их судьбы развертываются на фоне двух совершенно разных государств: сословно-монархического и тоталитарного. В России с 1905 г. стало возможным легальное существование партий, была отменена политическая цензура, которая-то и до этого была не настолько свирепой, как советская. Так что Милюкову не надо было требовать многопартийности. Но поразительным образом в 1905 г. Милюков настаивал на ограничении власти монархии, а через 70 лет Сахаров настаивал на ограничении власти КПСС, своего рода коллективного самодержца. Некоторые требования кадетов 1905 г. совпадали с требованиями Сахарова 1970–80-х гг., а именно: освобождение политзаключенных и отмена смертной казни. Как недалеко — за 70 лет — страна ушла от 1905-го года!

Надо признать, что эволюция этих двух людей, проходила в «обратном» направлении: у Милюкова от либерализма — к поддержке диктатуры Сталина; у Сахарова — от Сталина — к либерализму.

Будучи лидером либеральной партии, Милюков был в ней признанным специалистом по внешней политике. После 1917 г. его внимание было сосредоточено не столько на либерализме, сколько на отношениях партии с союзниками по антибольшевистской борьбе: сначала это были иностранные государства, а затем — российские партии, левее кадетов. «Новая тактика» Милюкова заключалась в том, что только внутренние силы в СССР могут преодолеть большевизм. Иностранная интервенция исключалась. Все это

имеет отношение к антибольшевистской борьбе, к тактике кадетизма, а не к либерализму как к таковому.

Как Милюков пришел к Сталину? Об этом есть прекрасная работа норвежского ученого Енса Петера Нильсена¹. Начало «сменовеховства» было положено советско-польской войной. Тут лозунги «единой и неделимой» России заставляли эмигрантов — внешних и внутренних — сочувствовать большевикам. Даже бывший царский министр иностранных дел С.Д. Сазонов признавался, что у него сердце разрывается на части при мысли о том, «желать ли победы полякам или большевикам». Логика здесь простая: восстановление Российской Империи в границах до 1914 г. А большевики — они ведь не вечны (то, что большевики продержатся у власти 74 года — этого, конечно, никто не предполагал). Итак, стремления «окраин» к независимости в расчет не принимались. По этому поводу Милюков писал в своем дневнике в 1919 г.: «Я могу соединиться с Лениным и Пуришкевичем на идее защиты России, хотя теперь, как бы далеко ни протягивал руки влево и вправо, не могу дотянуться ни до Ленина, ни до Пуришкевича». Милюков сам в «Последних новостях» заявлял, что у сменовеховцев «что-то есть и от меня»², и что некоторые из них перешли на новую платформу через его «новую тактику». Однако кадеты в эмиграции прекрасно понимали сущность сменовеховства. Например, Н.В. Тесленко в докладе на заседании парижской группы партии Народной Свободы 31 мая 1923 г. говорит: «сейчас за границей имеются все течения русской политической мысли, не исключая и большевиков. Конечно, здесь большевики не по совести, а по службе, ибо все сторонники большевиков оплачены; возьмите сменовеховцев...»³. (В еще большей степени, чем о сменовеховцах, можно говорить об «оплаченности» младороссов).

Милюков в «Последних новостях» следил за развитием нэпа, притом оценивал его чисто по-марксистски: экономические, дескать, отношения определяют «политическую надстройку». Вообще, политика нэпа вдохнула оптимизм в эмиграцию. После смерти Ленина Милюков полагал, что Сталин лучше Троцкого, а потом, что Сталин лучше Зиновьева. В 20-е годы можно было позволить себе иметь подобные иллюзии. Но, как пишет Енс Петтер

Нильсен, «нас поражает, однако, тот факт, что Милоков продолжал настаивать на преимуществах Сталина даже в 30-е годы, т.е. тогда, когда стало совершенно ясно, что режим Сталина по методам и средствам не только не отстает от жестокостей и эксцессов гражданской войны и «красного террора», но далеко их превосходит». Милоков писал о Сталине: «Сталин силен не умом, а простецким инстинктом, связующим его с реальными требованиями дня и волей к действию»⁴. Но ведь «обаянию» Сталина подвергся не только Милоков. Сколько западных интеллектуалов—попутчиков приезжало в 30-х годах в «красную Мекку»! Милоков — как и эти западные интеллектуалы — не сомневался в достоверности московских процессов. Как отмечает норвежский ученый, Милокову можно сделать упрек в том, что ему следовало знать обо всем этом лучше других.

Милоков был непоследователен и не любил признаваться в ошибках, — заметим, кстати, что это его отличает от Сахарова.

Поразительно, но в 1937 г. Милоков писал: «Россия, наша родина, явно вступает в полосу выздоровления. И организм ее, как бывает после тяжелой болезни, крепнет на наших глазах»⁵.

Оппозиция — что в дореволюционной России, что в эмиграции во времена Сталина — должна была по мысли Милокова по-разному относиться к внешней политике своего государства, чем к внутренней. Еще во время гражданской войны в дискуссии с генералом Гурко Милоков сказал — и записал это в своем дневнике — «я предпочитаю, чтобы наш народ страдал от большевиков, чем от румын, которые хотят отторгнуть часть России»⁶ (очевидно, речь идет о Бессарабии).

Широко известно высказывание Милокова в отношении советско-финской войны 1939—1940 гг.: «Мне жаль финнов, но я — за Выборгскую губернию!».

Возьмем вопрос о федерации, который поставили кадеты в эмиграции. В 1921 г. Милоков выдвинул программу из 10 пунктов. Пункт 8-й гласил: «принцип добровольного согласия с отделившимися (за исключением Польши и Финляндии) народностями с целью установления федеративного

строю»⁷. Федеративный принцип Милюков отстаивал как умный тактик: «отрицание «сепаратизма» привело к «погубившему нас лозунгу» — «единой и неделимой» и должно быть заменено признанием федерации»⁸. Притом, как указывал Милюков в 1923 г. в споре с группой «Крестьянской России», он настаивал на том, что федерация должна создаваться «на началах добровольного соглашения». «Против этого, — говорит Милюков, — они («Крестьянская Россия» — *Б.В.*) возражали, опасаясь поощрения этим самостийников, а я настаивал на своем, указывая, что без такого дополнения их «мирные способы» могут быть истолкованы как заключающие в себе двусмысленность и что в самом понятии «федерация» подразумевается уже добровольное соглашение, в каком смысле мы все время и проповедовали ее»⁹.

Характерен спор Милюкова с «либеральным националистом» и бывшим вождем кадетов — П.Б. Струве.

Как известно, Струве писал, что русские в Харбине — «под японской властью» — живут лучше, чем русские во Владивостоке. И не только материально, но и в культурном отношении, свободно ходят в православные храмы тогда как в СССР гонения на религию. Любое отторжение части территории от СССР — по мнению Струве — ослабило бы советскую власть.

Такого аргумента Милюков не принимал. В 1932 г. ему был задан вопрос: «Что предпочитает докладчик: страдания 160 миллионов населения или потерю части территории?» Не колеблясь, Милюков ответил: «Я предпочитаю страдания... Страдания населения временны, а государство постоянно. Терять территорию ни при каких обстоятельствах нельзя. С потерей территории могут мириться только плохие патриоты, несознательные граждане»¹⁰. Норвежский ученый называет эту позицию «циничной». Я полагаю, что в ней нет ни грамма либерализма. С этой позицией Милюкова мог бы согласиться и Сталин... Сталин после войны расширил территорию Российской империи: такой огромной она никогда не была. Все славяне — не говоря о румынах, албанцах и восточных немцах — оказались под властью Кремля... Милюков мог бы гордиться Сталиным! (Хотя Финляндия и не вернулась непосредст-

венно в состав России—СССР, однако, понятие «финляндизация» надолго вошло в политический словарь Запада).

«...предпочитаю страдания» населения — сказал тогда Милуков.

«Страдания населения» — теперь уже от испытаний ядерного оружия — хотя бы и в целях укрепления военной мощи государства — вот, что не мог принять А.Д. Сахаров как участник атомного проекта и как человек. Притом, что он одобрял в целом политику советского государства. И он сумел доказать властям, что необходимо запретить ядерные испытания в атмосфере.

Михаил Левин пишет в своих воспоминаниях о Сахарове, что тот «пожалел, что слишком долго жил с моделью «царь–батюшка добрый, а министры — злые»¹¹. Царь–батюшка, это, прежде всего, Сталин, ну, а затем и Хрущев. В марте 1953 г. Сахаров писал в частном письме, адресованном жене: «Я под впечатлением смерти великого человека. Думаю о его человечности». «Я чувствовал себя причастным к тому же делу, которое, как мне казалось, делал также Сталин — создавал мощь страны, чтобы обеспечить для нее мир после ужасной войны». Потом Сахаров «изгнал» из своего сознания Сталина. «Но оставались государство, страна, коммунистические идеалы. Мне потребовались годы, чтобы понять и почувствовать, как много в этих понятиях подмены, спекуляции, обмана, несоответствия реальности... Потом я уже рассматривал наше государство на равных с остальными: дескать, у всех есть недостатки... Это то, что можно назвать теорией симметрии»¹². Потом, уже в свой диссидентский период, Сахаров понял, что «нельзя говорить о симметрии между раковой и нормальной клеткой»¹³.

Идея симметрии двух систем проявилась в теории конвергенции.

Знаменитой статье «Размышления о прогрессе...» предшествовала другая статья Сахарова футурологического характера, написанная по «заказу» председателя Комитета по науке и технике В. Кириллина (заместителя Косыгина) и опубликованная в сборнике для служебного пользования «Будущее науки». Так что можно сказать, что власти сами подтолкнули академика на размышления о будущем.

Теорию конвергенции можно считать наивной. Но стоит подчеркнуть, что она создавалась на фоне убеждения в том, что «две социальные системы должны сближаться, чтобы предотвратить мировое самоубийство»¹⁴.

Сахаров считал, что «загнанный в угол противник всегда опасен»¹⁵. Под этими словами мог бы подписаться и «реальный политик» Милуков, пронизательно заметивший в своем дневнике: «На вопросы С.В. [Паниной], мешаю ли уже я сейчас решительной победе союзников, я, между прочим, отвечаю сомнением в выгодности для нас «решительной» победы в смысле отнятия у Германии всякой возможности экономического развития»¹⁶. Милуков как в воду глядел: загнанная в угол Версальским миром, Германия стала главным очагом второй мировой войны.

В «Размышлениях о прогрессе...» Сахаров выступает как сторонник социализма. Но уже в 1973 г. он писал: в 1968 г. «мне казалось, что я понимаю, что такое социализм, и я считал, что социализм — это хорошо. Но постепенно я очень многое перестал понимать, и у меня возникло сомнение в правильности наших экономических основ, недоумения, есть ли в нашей системе что-нибудь кроме пустых слов, кроме пропаганды для внутреннего и международного потребления»¹⁷.

В «Размышлениях...» автор сожалеет, что «еще не стал реальностью научный метод руководства политикой, экономикой». «Научным» он считает «метод, основанный на глубоком изучении фактов, теорий и взглядов, предполагающий непредвзятое, бесстрастное в своих выводах, открытое обсуждение». Тут Сахаров воскрешает теорию идеального государства Платона: править страной должны мудрецы. Хотя и с серьезной поправкой: обсуждение должно быть публичным.

А.Д. Сахаров до 1968 г. не вступал в конфликт с властями. Но именно страдания, даже гибель людей в местах испытания ядерного оружия не давали ему покоя. Поэтому угроза термоядерной войны стоит на первом месте в разделе «Опасности» в статье «Размышления о прогрессе...». В этой же статье он поднимает вопрос об амнистии политзаключенным и о проблеме цензуры. Он еще не требует отменить цензуру, он лишь предлагает принять

«специальный закон о печати и информации, который бы четко и аргументированно определил — что можно и чего нельзя».

Многие положения ранней статьи Сахарова актуальны до сих пор. Так, например, сейчас в международной прессе, проблема выбросов CO₂ в атмосферу стоит в центре всех экологических дискуссий. А вот что писал об этой проблеме Сахаров в 1968 г.: «Углекислота от сжигания угля меняет теплоотражательные свойства атмосферы. Рано или поздно это примет опасные масштабы».

В работе «О стране и мире» (1975 г.) Сахаров выступил как подлинный критик советской системы. И ряд положений этой книги злободневен до сих пор, хотя советской системы уже нет.

Некоторые его советы Западу актуальны и сегодня. Например, вот что он советует Западу в условиях энергетического кризиса 1973-го г.: «Очень важно, чтобы основная масса населения, профсоюзы, предприниматели нашли возможность поступиться какой-то частью уже достигнутого уровня жизни, пойти на временные самоограничения. Западная цивилизация должна обладать свободой экономического манёвра»¹⁸. В настоящее время мировая экономика переживает кризис, сравнимый с тем, о котором писал 35 лет назад Сахаров. И вот именно сейчас — читали ли люди на Западе Сахарова или нет — я вижу — как они следуют этому совету Сахарова о «самоограничении». Я имею в виду такую ситуацию: некое предприятие стоит перед дилеммой: или сокращение штатов или же все работники должны добровольно решиться на сокращение своей зарплаты на 10 процентов. И вот, в Дании, где я живу, люди — не все, конечно — но более половины работающих по найму — готовы добровольно пойти на снижение своей зарплаты!

Много сил отдал Сахаров в борьбе за право на выезд из страны и возвращение в нее. (Такой проблемы Милюков в царской России не знал). Притом, что Сахаров всегда подчеркивал, что это только часть проблемы свободного выбора страны проживания и места проживания и свободы передвижения внутри страны. А свобода передвижения нужна и для получения информации, и для научного обмена, и просто, чтобы люди могли сравнивать

страны между собой. Если же люди голосуют ногами из какой-то страны, то власти этой страны должны призадуматься, в чем же дело и что не так. На упрек Солженицына о том, что весь народ не может же уехать, Сахаров подчеркивал, что право уехать должно быть у всех, в том числе и у тех, кто уезжать не собирается. «Только имея все права, человек свободен. Живя в доме с дверью на замке, ты чувствуешь себя узником, даже если у тебя и нет необходимости выйти на улицу»¹⁹.

Что касается федеративного устройства многонационального государства, то в начале Сахаров говорил, что нельзя преследовать людей за то, что они обсуждают вопрос о выходе какой-либо республики из состава СССР. Кремль рассуждал довольно последовательно: если дать им волю обсуждать, то дело дойдет и до выхода. (Какая уж тут добровольность!). В 1975 г. Сахаров написал, что необходимо «законодательное подтверждение права на отделение союзных республик, права на обсуждение вопроса об отделении»²⁰. Он, как и Милуков, подчеркивал принцип добровольности объединения государства.

Он написал Конституцию, где — как говорит Гасан Гусейнов — «между строк прочитывается уверенность в том, что огромное государство удастся сохранить»²¹. Его проект конституции «вполне мог бы стать моделью и примером для Российской Федерации», — считает немецкий ученый Дитрих Байрау²². Сахарова — как и Горбачева — можно упрекнуть лишь в том, что они не учитывали мощности центробежных течений, недооценили подозрительности национальных элит и нерусских народов по отношению к «старшему брату». Как записал в своем дневнике Милуков: «Маклаков с грустью говорит: боюсь, что время прошло для федерации: подавай самостоятельность. Попытки убеждения начаты, что будущая Россия не угрожает централизмом: могли бы пойти на федерацию. Но они отвечают: [...] мы хотим разговаривать как равные с равными, потому что боимся, что это будет не сестра, а мачеха»²³.

«Мировое правительство», о котором писал Сахаров, можно рассматривать как утопию.

Но если посмотреть на Евросоюз, объединяющий ныне 27 стран (а еще несколько стран — в том числе Исландия — стучатся в него), то эта утопия уже стала реализовываться в рамках «европейского правительства».

Как говорит Сергей Ковалев, Сахаров — «политик будущего, еще не наступившего»²⁴.

Милуков был вполне светский человек, и знал, как разговаривать с дамами. Сахаров был интроверт, а многолетнее пребывание в закрытом поселке усугубило его необщительность. Тем не менее, Сахаров призывал «бороться за каждого человека в отдельности, против каждого случая несправедливости» (Нобелевская лекция), и это разительно отличает его от Милукова, особенно — от позднего Милукова.

Каждый контакт с иностранцами, каждое интервью, каждое свое выступление, Сахаров использовал для передачи списка политзаключенных. Не раз он ездил на процессы по политическим делам. После одного процесса над «самолетчиками» родственники подсудимых подошли к Сахарову и сказали ему: «Спасибо, А.Д., за то, что Вы защищаете евреев!» На это Сахаров ответил: «Я защищаю людей, а не евреев».

---

¹ Новая и новейшая история. 1991. №2.

² Последние новости. 1922. 28 июля.

³ Протоколы заграничных групп к-д. партии. Т. 6, кн. 2. М., 1999. С. 102.

⁴ Последние новости. 1937. 30 января.

⁵ М.М. Винавер и русская общественность начала XX века. Париж, 1937. С. 7.

⁶ Дневник П.Н. Милукова, 1918—1921. М., 2005. С. 276.

⁷ Исторический архив. 1993. №2. С. 150.

⁸ Там же. С. 154.

⁹ Протоколы заграничных групп... С. 121.

¹⁰ Последние новости. 1932. 4 марта.

¹¹ Андрей Сахаров. Воспоминания. Т. 2. М., 1996. С. 731.

¹² Там же. С. 229.

¹³ Там же. С. 230.

¹⁴ Горелик Г. Андрей Сахаров: наука и свобода. Москва—Ижевск, 2000. С. 372.

¹⁵ Андрей Сахаров. Воспоминания. Т. 2. М., 1996. С. 288—289.

-
- ¹⁶ Дневник П.Н. Милокова... С. 144.
- ¹⁷ Андрей Сахаров. Воспоминания. Т. 2. С. 449—450.
- ¹⁸ Сахаров А.Д. О стране и мире. Нью-Йорк: Изд-во Хроника, 1976. С. 28.
- ¹⁹ Там же. С. 54.
- ²⁰ Там же. С. 84.
- ²¹ Ab Imperio. Казань, 2004. №4. С. 392—398.
- ²² Там же.
- ²³ Дневник П.Н. Милокова... С. 418.
- ²⁴ Материалы конференции: к 30-летию работы А.Д. Сахарова «Размышления о прогрессе...». М.: Изд-во «Права человека», 1998. С. 222.

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

П.Н. Милоков не только повлиял на политическое становление российского либерализма, но и попытался осмыслить специфику этого феномена в теории. В «Очерках по истории русской культуры» он подчёркивал, что, исходя из современного ему уровня развития исторической науки, термин «общественное или национальное самосознание»¹ целесообразно определять как идеологию. Соответственно возможны традиционный, охранительный, националистический вариант такой идеологии и комплекс идей, которые включают в себя различные аспекты доктрины либерализма. Учёный пытался осмыслить неудачу идеологии либерализма применительно к условиям России, однако в определённых пунктах его концепция выглядит схематично. По нашему мнению, более взвешенно проанализировать эту проблему можно, учитывая взгляды ряда известных отечественных ученых конца XIX — первой половины XX вв. (Н.Н. Алексеева, Е.Е. Голубинского, И.А. Ильина, Н.О. Лосского, Н.С. Трубецкого, г.П. Федотова, г.В. Флоровского и др.)², в контексте их анализа специфики духовной истории России и роли в этом процессе русского западничества.

Противоречивым итогом сложного исторического развития России стало появление прослойки людей, ориентировавшихся не на национальную самобытность своего социума, а на идеалы «западного мироощущения». Специфика их положения в российском социуме заключалась в двойственности установок, предъявляемых жизнью к интеллектуальной деятельности. По нашему мнению, интеллектуал (т. е. человек, который реализовал себя в творческой, в том числе научной сфере на основе соревновательных, «ры-

ночных» принципов) в России всегда был аномалией, а вот интеллигентом (т.е. человеком, который разгадал тайну России и переживал за ее судьбу) мог стать любой потому, что государство нуждалось в значительной прослойке людей, транслирующих официальную идеологию.

Западный либерализм в итоге был заимствован формально, что привело к ряду негативных последствий. Подчеркнём, что в определённых моментах привлекаемый нами материал дополняет концепцию П.Н. Милокова, в ряде случаев привносит новое в осмысление проблемы. В целом это создаёт более многообразную картину рассматриваемого феномена духовной жизни России.

Во-первых, общественное мнение в России абсолютизирует идею представительных учреждений. В итоге искание правды у русских людей, в особенности же у так называемой прогрессивной интеллигенции, вылилось в некое «общественное мирозерцание», которое, выражаясь образно, стало формой особой религии.

Еще с декабристов, подчеркивал, например, Н.Н. Алексеев, русская интеллигенция уверовала в существование некоторой абсолютной общественной правды, уверовала, что существует некоторое безусловное, конечное решение общественного вопроса, которое составляет основной смысл человеческой жизни и разрешает все проблемы человеческого существования. Вопросы личного добра и зла отошли, таким образом, на второй план, центр внимания занял вопрос о добре и зле социальном. Отсюда вытекает дальнейшая, всем русским западникам свойственная черта — «вера в преимущественную культурную силу учреждений, призванных к перевоспитанию “косного” народа, и преимущественное служение “правде внешней”, а не “правде внутренней”, идеалам общественным, а не идеалам личным»³. Спор в таком случае шёл о роде учреждений, а не о том, в состоянии ли данные учреждения стать условием органичного развития социума. Это привело в России к появлению очень специфической прослойки образованных людей.

П.Н. Милоков также напряженно размышлял над этим вопросом. По его мнению, проблема связана с «переменами в состоянии верований»⁴. Если

на Западе церковь как социальная структура смогла сохранить в обществе активное отношение к теоретическим и нравственным истинам веры, то в России образованный русский, в большинстве случаев, относился к своей вере совершенно безразлично. Подробно этот феномен учёный не объяснил, но очень метко заметил, что на рубеже XV—XVI вв. вера уже приобретает характер «формализма», «ритуализма». Однако даже национальный канон из-за последовавшего затем раскола сложиться не успел. В итоге церковь в России не имела вообще никаких рычагов неформального воздействия на массы. «Народная вера» и «интеллигентное общественное мнение» оказались чужды не только власти, но и друг другу. «Дальнейшее развитие творчества на религиозной почве, — подчёркивал учёный, — как и развитие национальной веры, совершалось только контрабандой — преимущественно среди оппозиционных, малоинтеллигентных течений народной религиозной мысли»⁵. В итоге в России возникла система образования, не нужная ни собственно народу, ни интеллигенции. Страна попала в духовный вакуум, заимствованные чисто внешне западные идеи получили распространение лишь у незначительной прослойки образованного населения.

Развивая эту установку, получаем любопытную конструкцию. Интеллигенцию вовсе не смутила ограниченность своего влияния на российский социум, и она вступила в открытое противостояние с государством в сфере идеологии, разрушая всё, что власть пыталась искусственно насадить. В конечном счёте, российская государственность оказалась разрушена, а интеллигенция, которая приложила к этому столько усилий, уничтожена. Таков печальный итог нашей истории, реконструированной на основе ряда теоретических принципов, предложенных, в том числе, П.Н. Милоковым.

Во-вторых, российская интеллигенция воспринимала окружающую действительность на основе чисто дедуктивных, «выдуманных» понятий. Интеллигенция вовсе не собиралась «понимать» отечественную историю. Она пыталась на неё воздействовать на основе уже готовых, пусть абстрактных, но «правильных» принципов.

Так, нелепый призрак некоего «общинного быта» (одна из граней рассматриваемого феномена) оказывал огромное влияние на интеллектуальную эволюцию русского социума. Его идеализировали и славянофилы, и западники; под влиянием псевдотеорий общинного быта оформлялось пореформенное устройство русской деревни. Все это культивировало только два явления: «произвол схода и бесправие личности»⁶.

Милуков в «Очерках по истории русской культуры» также обратил внимание на эту проблему. Анализируя феномен славянофильства, учёный видел надуманность самого принципа так называемого «истинного» «просвещения» народа на основе некоей «эмоциональной» стороны его естества⁷. Вместе с тем уже в эмиграции он сам не раз апеллирует к «коллективной народной мудрости». Это лишний раз подчёркивает, что социально–психологический аспект осмысления истории не содержит ещё достаточного инструментария для постижения наиболее дискуссионных вопросов развития человеческих обществ.

В заключение констатируем, что проблема духовного своеобразия России, культурной политики, учитывающей национальные интересы страны, остаётся актуальной. В этом контексте научное наследие П.Н. Милукова, по нашему мнению, нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении.

---

¹ Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х тт. Т. 3. Национализм и европеизм. М., 1995. С. 7, 29.

² Шувалов В.И. Социально-психологический аспект изучения истории в российской историографии последней трети XIX — первой пол. XX вв. М., 2001.

³ Алексеев Н.Н. Русское западничество // Н.Н. Алексеев. Русский народ и государство. М., 1998. С. 140.

⁴ Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х тт. Т. 2. Вера. Творчество. Образование. Ч. 2. Искусство. Школа. Просвещение. М., 1994. С. 469.

⁵ Там же. С. 474.

⁶ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство // Н.Н. Алексеев. Русский народ и государство. М., 1998. С. 101.

⁷ Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х тт. Т. 2. Вера. Творчество. Образование. Ч. 2. Искусство. Школа. Просвещение. М., 1994. С. 467.

Михаил Михайлович ГОРИНОВ
кандидат исторических наук
Дом русского зарубежья
им. Александра Солженицына, Россия

МОСКОВСКИЕ АДРЕСА П.Н. МИЛЮКОВА

Москва сыграла большую роль в жизни Павла Николаевича Милюкова (1859—1943). Здесь он родился, окончил два учебных заведения, в этом городе прошли его детство и юность. В Москве развернулась его деятельность как преподавателя, ученого, общественного деятеля, здесь им сделаны первые политические шаги. За последние двадцать лет издан целый ряд серьезных работ, посвященных биографии Милюкова. В то же время в них недостаточно подробно и не всегда верно сообщается о конкретных домах и местах столицы, где жил и бывал Павел Николаевич. Авторы часто принимают на веру сведения, приводимые Милюковым в мемуарах, не учитывая, что он писал их в преклонном возрасте, оторванный от архивов и библиотек. Биография Милюкова еще нуждается в уточнении. Для этого требуется обращение к широкому кругу источников, в частности, к таким дореволюционным справочникам, как «Вся Москва», «Книга адресов жителей Москвы» К. Ништрема, а также к архивам.

В своих воспоминаниях Милюков пишет, что не может вспомнить то место, где родился. Но мы, благодаря метрической книге, находящейся в фонде Московской духовной консистории, узнаем, что «Павел Николаевич Милюков родился 15 января 1859 г. в Москве в доме артиллерии подполковника К.В. Тишенинова. 26 января младенец был крещен в Предтеченской, что в Кречетниках церкви, Пречистенского сорока, приходским священником А.К. Смирновым». Отец (Николай Павлович) — архитекторский помощник, мать (Мария Аркадьевна) — во втором браке, из дворянской семьи.

Церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи XVII в., где был крещен Милюков и неподалеку от которой родился, располагалась на углу Крещетниковского переулка и Новинского бульвара (Новинский бульвар, 12). Теперь этот переулочок уничтожен (влился в проложенный в 1960-е гг. Калининский проспект — ныне Новый Арбат), а на месте разрушенной в 1930 г. церкви стоит 10-этажный жилой дом-башня (построен в 1937 г. по проекту Л. Талалая; Новый Арбат, 28).

Вскоре после рождения сына Милюковы переехали в Лефортово. Их одноэтажный дом располагался на улице Коровий брод (ныне 2-я Бауманская) прямо напротив здания (основанного в 1830 г.) Императорского технического училища (2-я Бауманская, д.5; теперь — МГТУ им. Н.Э. Баумана). Дом Милюковых в своем первоначальном виде не сохранился, но он оказался включенным в комплекс длинного четырехэтажного дома №10 конца 1880-х годов, стоящего как раз напротив Технического Университета. В советское время в этом здании (2-я Бауманская, 10) находилась военная Академия химической защиты. Теперь дом пустует.

Вскоре Милюковы переезжают в новый район — Приарбатье. Эта часть Москвы была заполнена дворянскими особняками и слыла самым аристократическим районом города. Милюковы поселились в Староконюшенном переулке в большом каменном доме поручика Александра Федоровича Спечинского (дом 12, не сохранился). Милюков вспоминал, что «почти напротив дома Спечинских стояла пятиглавая церковь во имя Иоанна Предтечи». Он имел в виду церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи (построена в 1691 г.; в настоящее время не сохранилась). В этой церкви происходили первые исповеди Милюкова. На месте Предтеченской церкви и дома Спечинских в 1933—1938 гг. был выстроен длинный восьмиэтажный жилой дом №19. Здесь жили писатель М.А. Шолохов, партийные и государственные деятели Никита Хрущев и Анастас Микоян.

Следующий адрес Милюкова — дом Арбузова, стоявший на пересечении Староконюшенного переулка и улицы Сивцев Вражек. Согласно справочнику Карла Нистрема, Милюковы жили в доме Аркадия Герасимовича

Арбузова (участок №343—23) с 1868 г. Здесь они проживут почти 10 лет (до 1877 г.) Тут прошла большая часть детства Павла. Дом Арбузова до нас не дошел. Теперь на его месте — один из первенцев советского строительства (Староконюшенный, д. 25/15), построенный в 1929—30 гг. по проекту Д.С. Лебедева. В 1930-е гг. в нем жил экономист академик Е.С. Варга.

В 1869 г. перед Милюковыми встал вопрос об образовании сыновей. Николай Павлович отдал их в Первую московскую мужскую гимназию. Она помещалась на Волхонке, в здании бывшей усадьбы Долгоруких (д. 16/2—18). В советское время дом I гимназии занимали институты «красной профессуры». Сегодня в одном из зданий гимназии (Волхонка, 18) — Институт русского языка им. В.В. Виноградова, а в другом (Волхонка, 16) — ОАО «Росагрохим». Павел Милюков обучался в гимназии 8 лет (1869—1877), окончил ее с серебряной медалью и в августе 1877 г. был принят в число студентов Императорского Московского университета.

Широкая любознательность Милюкова объединила его с несколькими гимназическими сверстниками в своего рода кружок. Его участники собирались чаще всего у происходившего из богатой княжеской семьи Николая Долгорукова, в его усадебном доме в Малом Знаменском переулке (д. №5). Младшие братья Долгорукова — близнецы Петр и Павел — станут позднее близкими соратниками Милюкова по кадетской партии. Особняк Долгоруковых был построен в XVIII в. и сначала являлся собственностью князей Голицыных; в 1790 г. усадьбу приобрело семейство Вяземских. Потом владение купили Тутолмины и только затем — Долгорукие. К концу XIX в. усадьба потеряла старое дворянское очарование и стала сдаваться внаем (тут проживал художник В.А. Серов). В 1933 г. дворец отдали под музей Маркса и Энгельса. В начале 1990-х здание музея передали «возрожденному» дворянскому собранию. Участники собиравшегося в этом здании гимназического кружка знакомились с учением О. Конта и Дж. С. Милля, читали доклады, непринужденно обменивались мнениями.

Когда Милюков учился в выпускном классе гимназии (1876—1877 гг.), дела его отца пришли в расстройство. Из комфортабельной четырехком-

натной квартиры в Староконюшенном переулке пришлось переехать в более скромную на Чистые пруды (дом не сохранился).

В сентябре 1877 г. Милюков приступил к занятиям на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета (Моховая, д. 15, теперь — МГУ им. М.В. Ломоносова). Главное здание Московского университета, основанного 12 января 1755 г., было построено М.Ф. Казаковым в 1786—1793 гг. и перестроено после пожара 1812 г. Д.И. Жилярди в 1816—1819 гг. На первом курсе история как наука не затронула души Милюкова. Павел Николаевич активно занимался у молодого специалиста по санскриту В.Ф. Миллера, который вел на дому семинары по русскому фольклору. Миллер жил в собственном доме, у церкви св. Харитония, что в Огородниках (XVII в.). Церковь и дом не сохранились, на их месте теперь школьное здание (Большой Харитоньевский переулок, д. 11).

Зимой 1879 г. умер отец Милюкова. Материальное положение семьи резко ухудшилось. Сначала мать сдала на зиму опустевшую комнату покойного, подмосковную дачу в Пушкино, а Милюков умножил число уроков. Затем семья решила разделиться. По сведениям Н.Г. Думовой, братья поселились в отдельной, просторной и недорогой квартире на Маросейке (к сожалению, автор не дает более точного адреса). А мать осенью 1880 г. переехала в комнату в меблированных номерах дома Андреевых, находившегося на углу Большой Бронной и Большого Козихинского переулков. Теперь тут советская 9-этажная жилая башня (Большой Козихинский, д. 1/9). Позже Павел Николаевич переехал поближе к матери. Согласно справочнику «Вся Москва», в 1882—1885 гг. он жил на Малой Бронной, в гостиничных номерах Андреева (в номере 6). В 1980 г. на этом месте были выстроены строения детского сада-яслей, напоминающего сказочный терем (д. 13).

С начала третьего курса (с сентября 1879 г.) среди других дисциплин на первое место для Милюкова выдвинулась история. Этому решению во многом способствовало появление в университете В.О. Ключевского. Осенью 1879 г. он был избран доцентом по кафедре русской истории. Однокурсники Милюкова были первыми слушателями Ключевского после его перехода из

Духовной академии в университет. Семинары Василий Осипович вел у себя дома в Замоскворечье. В 1883—1895 гг. он жил на улице Малая Полянка в доме статского советника А.Д. Хвостова под №6. Милюков двояко относился к его семинарам: восхищался аналитическим мастерством профессора, но отмечал, что тот не прилагал особых усилий для передачи секретов этого мастерства слушателям. Дом Ключевского на Малой Полянке (д. 6) хорошо сохранился: сейчас в нем располагается теплоснабжающая организация. В этом доме Милюков познакомился с А.С. Смирновой, дочерью ректора Московской духовной академии С.К. Смирнова, которая впоследствии станет его женой.

В начале 1880-х гг. Милюков принимал участие в студенческом движении, председательствовал в студенческом суде. Он присутствовал на сходке 5 декабря 1880 г., которая проходила во дворе нового здания университета на Моховой (д. 9; Аудиторный корпус; в своей основе — дом XVIII в., переделанный Е.Д. Тюриным в 1833—1835 гг. для нужд университета и перестроенный К.М. Быковским в 1904 г.). Во дворе собралось более четырехсот студентов, которые бурно требовали восстановления исключенных товарищей. Участники сходки (и в их числе Милюков) были отправлены в Бутырскую тюрьму (Новослободская ул., д. 45, во дворе), где провели ночь. Сегодня от старого Бутырского замка остались круглые башни и часть стены.

За участие в очередной студенческой сходке (31 марта 1881 г.) Милюков в апреле 1881 г. был исключен из университета с правом поступления на следующий год. По возвращении на четвертый курс он уже не обременял себя посещением лекций. После окончания летом 1882 г. Московского университета и получения кандидатской степени Милюков был оставлен на кафедре Ключевского (русской истории) для подготовки к профессорскому званию. Оставление на кафедре в университете налагало обязанность готовиться к магистерским экзаменам, давало возможность вести преподавание в средних учебных заведениях. С 1 сентября 1882 г. Милюков был принят в IV московскую женскую гимназию в качестве учителя истории и проработал там (вел класс) вплоть до высылки из Москвы в феврале 1895 г. Дошедшее до

нас здание Четвертой гимназии на Садовой-Кудринской улице (д. 3) было построено в 1887 г. архитектором М.К. Геппенером. До этого женская гимназия располагалась в доме стат. советника М.А. Немчинова в Мерзляковском переулке (д. 1). В советское время в здании бывшей гимназии на Садовой помещались медицинские учреждения, а сейчас в нем располагаются офисы.

Вторым постоянным местом работы Милюкова была Московская земледельческая школа (Смоленский бульвар, д. 19, здание находится во дворе административного здания 1970-х гг.), где он числился учителем истории с 1 сентября 1882 по 1 марта 1895 г. Здание школы имеет богатую историю. Первоначально это была воздвигнутая в конце XVIII в. усадьба русских полководцев Каменских. С 1833 г. в здании обосновалась Земледельческая школа. В 1920 г. школа была преобразована в Зоотехнический институт. В его стенах преподавали выдающиеся ученые: В.М. Бехтерев, Н.И. Вавилов. Сегодня здание находится в заброшенном, полуразрушенном состоянии.

Милюков творчески относился к преподаванию. Он упразднил зубрежку по учебнику. Читал лекции, в которых обращал главное внимание не столько на биографии лиц, сколько на суть исторических процессов. В оставшуюся часть урока проводил опрос всего класса и сразу по всему пройденному материалу, что позволяло вовлечь в работу практически каждого ученика.

При всей «живости» гимназического преподавания Милюков стремился стать преподавателем университетским. В 1885 г. он сдал три магистерских экзамена и после удачного прочтения пробных лекций остался в университете. В 1886 г. Милюков стал приват-доцентом Московского университета. Он читал спецкурсы по русской историографии, истории колонизации, которые имели большой успех у студентов.

Хотя жизнь Милюкова была до отказа заполнена работой, он, тем не менее, находил время и для общения с друзьями, и для занятия музыкой, и для личной жизни. 11 января 1885 г. Павел Николаевич обвенчался в церкви села Ахтырка Дмитровского уезда с А.С. Смирновой. 23 мая 1885 г. молодожены отправились на дачу в Пушкино. В ответ на какую-то выходку Марии

Аркадьевны Милюковой, болезненно отнесшейся к женитьбе сына, молодые собрались и уехали в село Хотьково Дмитровского уезда. В начале сентября 1885 г. они вернулись в Москву. Милюков подыскал квартиру в доме купца Александра Архиповича Салтыкова в Крестовоздвиженском переулке (д. 5), в Тверской части, куда они вселились 3 сентября 1885 г. В начале 1980–х гг. все дома по левой стороне переулка (в том числе, д. 5) были снесены, а на их месте архитектор М.Н. Посохин возвел большое белое 8–этажное здание Министерства обороны.

В 1886 г. Милюковы по-прежнему живут в доме Салтыкова, но уже в 1887 г. переезжают в район Новинского бульвара. Они живут в доме дворянина Александра Петровича Власова (д. 11) в Прогонном переулке (переименованном в Прямой). В следующем, 1888 г., Милюковы вновь меняют квартиру. Они переехали в дом 12 (звенигородского купца Егора Егоровича Вебера) в том же Прогонном переулке (данные справочника «Вся Москва» за 1885—1888 гг.). Оба этих дома не сохранились, на их месте теперь современное высотное здание, сдающееся под квартиры.

В 1889 г. Милюковы переезжают в район Плющихи, в дом купца Александра Ефимовича Байдакова в Ружейном переулке (д. 9–11). Дом не сохранился, на его месте — огромное современное 8–этажное здание детского сада. В 1890 г. Милюковы переехали на улицу Плющиха, в дом титулярного советника Александра Ивановича Коптева (д. 30), а в 1891 г. — в дом подполковника Алексея Алексеевича Бартенева (д. 32, кв. 5) на той же улице, в котором живут до 1895 г. Сегодня на месте домов Коптева и Бартенева кирпичная советская 8–этажная жилая многоэтажка.

Большую роль в жизни Павла Николаевича сыграло знакомство с профессором И.И. Янжулом — специалистом по финансовому праву. Янжул вместе с М.М. Ковалевским, А.И. Чупровым, С.А. Муромцевым составляли сплоченную либеральную группу, выделявшуюся среди университетской профессуры. Янжул и его жена Екатерина Николаевна жили на ул. Арбат, в трехэтажном доме 55 (дом почетного гражданина Н.И. Рахманова), построенном в 1877 г. архитектором М.А. Арсеньевым. Позднее был пристроен чет-

вертый этаж. В этом доме в 1880 г. родился и до 1906 г. жил также поэт А. Белый и сейчас здесь — музей «мемориальная квартира Белого» и аптека. В этом доме собирался так называемый кружок Янжула, куда входили экономисты, юристы, философы. Общение с Янжулом привлекло внимание Милюкова к рабочему вопросу.

Положение приват-доцента изменило и социальное положение Милюкова, и круг его знакомств. Павел Николаевич стал членом многих научных обществ. Он также принадлежал к кружку молодых историков, которые в конце 1880-х — начале 1890-х гг. собирались на квартире у П.Г. Виноградова в доме священника Ф.М. Ловцева (Большой Левшинский переулок, д. 4). Работа кружка заключалась в чтении рефератов «по выдающимся вопросам и явлениям исторической литературы». Помимо квартиры Виноградова, «более тесный кружок» собирался у Милюкова (на Плющихе, д. 32), у которого бывали журфиксы по вторникам, а по воскресеньям — у С.Ф. Фортунатова: на его квартире в доме вдовы коммерц-советника А.И. Епишкиной (Девятинский переулок, д. 14; на месте этого дома сейчас находится посольство США).

По мере роста известности Милюкова постепенно расширялись его знакомства и связи и в литературном мире Москвы. Он стал «своим человеком» в редакции «Русской мысли» — научного, литературного и политического журнала либерального направления. В 1880—90-х гг. редакция находилась в доме 21 по Леонтьевскому переулку (сейчас в этом четырехэтажном доме соседствуют Барклайс-банк и международная конфедерация театральных союзов). Милюков писал в журнал рецензии на исторические книги и периодику; был ответственным за раздел по истории России в библиографическом отделе «Русской мысли». Важным для Павла Николаевича было и знакомство с членами редакции «профессорской» либеральной газеты «Русские ведомости» (главный редактор — В.М. Соболевский). В 1886—1918 гг. редакция располагалась в доме 7 по Большому Чернышевскому переулку (переименован в Вознесенский). В советские годы тут находилась типография газеты «Гудок». Ныне тут отель Courtyard Marriott и ресторан Терранео.

Открытие для Милюкова дверей редакции «Русских ведомостей» явилось как бы официальным признанием его политической репутации. В начале 1890-х гг. состоялась встреча Милюкова с Толстым — в усадьбе писателя (ул. Льва Толстого, д. 21; сейчас здесь находится музей-усадьба Льва Толстого «Хамовники»).

17 мая 1892 г. в актовом зале Московского университета Милюков защитил в качестве магистерской диссертации свою монографию «Государственное хозяйство России в I четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого». Во второй половине 1880-х — первой половине 1890-х Милюков не только занимался научной работой, но также активно участвовал в неформальном общении университетских преподавателей, став равноправным членом профессорской корпорации. Он посещал многочисленные профессорские журфикусы (у Н.В. Бугаева — Арбат, д. 55, Н.И. Стороженко — Ружейный переулочок, д. 9 и др.). В январе 1895 г. Милюков выступил одним из организаторов встречи московских либералов для обсуждения программной речи Николая II от 17 января 1895 г., в которой тот заявил о «бессмысленных мечтаниях» о смене курса верховной власти. Собрание состоялось 19 января на квартире врача Н.Ф. Михайлова в доме Общества врачей (Староконоюшеный переулочок, д. 43; в 1939 г. двухэтажный особняк был надстроен еще четырьмя этажами). Председательствовал Милюков. Участники совещания сошлись на том, что писатель Лев Толстой должен выступить с осуждением речи императора в иностранной печати, но тот выразил опасение, что его выступление не будет иметь желаемого эффекта.

К первой половине 1890-х гг. относится просветительская деятельность Милюкова. В начале января 1895 г. он читал в Нижнем Новгороде лекции о русском общественном движении XVIII—XIX вв., в которых осуждались правительственные притеснения. Вскоре после этого П.Н. Милюков был уволен из Московского университета и выслан в административном порядке в Рязань. 1897—1899 гг. он провел в Болгарии и Македонии. В 1902—1905 гг. путешествовал, читал лекции за границей, был одним из организаторов либерального журнала «Освобождение». Начавшаяся в январе 1905 г. рево-

люция подтолкнула Павла Николаевича к возвращению в Россию. В своих «Воспоминаниях» он пишет, что по приезде в Москву (в апреле 1905 г.), нашел приют на квартире адвоката Михаила Львовича Мандельштама в районе Никитских ворот. Удалось установить, что речь идет о большом жилом доме №4 в Столовом переулке. Этот дом благополучно сохранился. Он был построен в 1901—1902 гг. архитектором Н.Д. Струковым. В нем была также явочная квартира для приезжавших из-за границы членов ЦК РСДРП. Мандельштам жил в квартире №3. Сегодня в этом, по-прежнему жилом, доме располагаются стоматологическая клиника, туристическое агентство, юридическая компания и магазин кофемолок. В Москве Милюков сразу же вошел в кружок русских правоведов, занимающихся переработкой проекта конституции, напечатанной за границей «Освобождением» и предназначенной для обсуждения членами будущей партии. Возможно, что члены кружка собирались у Милюкова в Столовом переулке. Они спорили о преимуществах одно и двухпалатной парламентской системы.

Милюков был частым гостем в «португальском замке» младшего сына богатой фабрикантки Варвары Алексеевны Морозовой (ул. Воздвиженка, 16), где выступал на собраниях либеральных организаций. Этот причудливый, в мавританском стиле особняк, частично скопированный с португальского замка Синтра, был построен в 1899 г. архитектором В.А. Мазыриным. С 1928 по 1952 в доме находились дипломатические представительства, а в 1959 г. был открыт Дом дружбы с народами зарубежных стран. В доме Варвары Морозовой Милюков спорил с бывшим университетским товарищем А.П. Гучковым по вопросу о польской автономии. Милюков поддерживал эту автономию; Гучков высказывался против предоставления полякам политических прав.

Милюков пытался наладить взаимодействие между либералами и социалистами и свои «первые шаги с примирительной миссией» связывал с публичными выступлениями в Москве. На его первое выступление в особняке Ю.А. Новосильцева (Большая Никитская, 52; особняк не сохранился, на его месте — четырехэтажный жилой дом 1920-х гг., в котором располагается

Академия поэзии) в начале мая 1905 г. собралась вся Москва. Здесь присутствовали титулованная московская интеллигенция, представители различных политических течений. Это выступление являлось «моментом» так называемого «официального принятия» Милокова «в ряды русской общественности». Третье публичное выступление Павел Николаевич сделал в купеческом дворце на Смоленском бульваре для гостей хозяйки, вдовы Михаила Морозова, Маргариты Кирилловны Морозовой (Смоленский бульвар, 26). Тема лекции — вопрос пожертвований на организацию политической партии. Хозяйка особняка проявила большой интерес к личности оратора, стала часто приглашать его в свой дом на беседы. Постепенно беседы вышли далеко за пределы политики. Купеческий особняк на Смоленском бульваре был построен в 1877 г. для чаеоторговца К.С. Попова (архитектор А.И. Резанов). В 1890—1900-х гг. усадьба принадлежала фабриканту М.А. Морозову. В 1918 г. здесь состоялось торжественное открытие клуба имени Октябрьской революции, на котором выступил Ленин. С середины 1920-х гг. в особняке помещался райком партии, а сейчас там Райффайзен банк.

Летом—осенью 1905 г. Милоков активно включился в работу по созданию политической партии. Он представил составленный им проект партийной программы на учредительном съезде Конституционно-демократической партии (партии кадетов). Съезд проходил с 12 по 18 октября 1905 г. в особняке Павла Долгорукова (Малый Знаменский переулок, 5) На съезде были приняты программа и устав кадетской партии.

Прямо со съезда его участники отправились на заранее заготовленный банкет — в Литературно-художественный кружок, который собирался с 1905 г. в особняке 1824 года постройки на Большой Дмитровке. Павел Николаевич часто посещал этот Литературно-художественный кружок, являвшийся важным центром культурной жизни дореволюционной Москвы. Это был блистательный клуб с рестораном, библиотекой, концертным залом, картинной галереей портретов. В результате многократных перестроек дом на Большой Дмитровке был включен в комплекс большого здания под №15, в

котором сейчас располагается Генеральная прокуратура Российской Федерации.

В 1905 г. закончился «московский период» жизни Милюкова. Начался «петербургский», связанный с деятельностью Павла Николаевича в Государственных Думах. Он фактически возглавил партию кадетов (с марта 1907 г. председатель ее ЦК), руководил кадетскими фракциями четырех Государственных Дум. После объявления Германией войны России (в 1914 г.) выступил за единение с правительством. После свержения самодержавия в марте 1917 г. вошел в состав Временного правительства в качестве министра иностранных дел. Но опубликование ноты Милюкова, подтвердившей намерение России вести войну до победного конца, вызвали первый кризис Временного правительства и отставку Милюкова (2 мая 1917 г.). Весной–осенью 1917 г. Милюков оказывал заметное влияние на политическую жизнь страны как председатель кадетского ЦК. Он присутствовал на Государственном совещании в Москве (12–14 августа 1917), которое проходило в Большом театре, где солидаризировался с предложениями ген. Л.Г. Корнилова по стабилизации положения в стране. Когда в Петрограде началось Октябрьское вооруженное восстание, Милюков спешно покинул столицу, чтобы организовать в Москве сопротивление большевистской партии. В Москве Павел Николаевич остановился у известного московского кадета, профессора П.И. Новгородцева, который жил на Зубовском бульваре, в доме 15. На квартире Новгородцева часто происходили совещания Милюкова с друзьями по партии, входившими в первую в Москве подпольную антисоветскую организацию — так называемую «девятку». В Москве Милюков пробыл недолго. После недели кровопролитных боев, завершившихся установлением в городе советской власти, оставаться здесь для лидера кадетов стало опасно. Милюков выехал на юг (в Новочеркасск). С 1920 г. жил в Париже, был главным редактором газеты «Последние новости» (1921—1940 гг.), и в Москву больше не вернулся.

Источники:

ЦИАМ. Ф. 203. Московская духовная консистория. Оп. 745. Д. 559. Метрические книги. Пречистенский сорок. 1859 год.

ЦИАМ. Ф. 418. Московский университет. Оп. 55. Канцелярия Совета. Д. 140. О принятии в число приват-доцентов магистранта П.Н. Милокова.

Милоков П.Н. Воспоминания (1859—1917). Т. 1—2. М., 1990.

Вся Москва. Адресная и справочная книга за 1875—1895, 1905, 1916—1917 гг. М., 1875—1917.

Нистрем К.М. Книга адресов жителей Москвы. 1859—1869 гг. М., 1859—1869.

Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989.

Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Прага, 1929.

Конституционно-демократическая партия. Съезд 12—18 октября 1905. М., 1905.

Морозова М.К. Мои воспоминания // Наше наследие. 1991. №6.

Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания. Прага, 1939.

Шаховской Д.И. Л. Толстой и русское освободительное движение // МГ. 1908. №9.

Литература:

Бирман М.А. К истории изучения жизненного и творческого пути П.Н. Милокова // Отечественная история. 1997. №1. С. 93—98.

Вандалковская М.Г. Он никогда не отделял науку от жизни: П.Н. Милоков // Историки России. XVIII — нач. XX в. Сб. ст. М., 1996.

Вандалковская М.Г. П.Н. Милоков. А.А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992.

Вандалковская М.Г. П.Н. Милоков // П.Н. Милоков. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 3—37.

Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Ист. портрет П.Н. Милокова. Ч. 1. М., 1993.

Думова Н.Г. Судьба либерала в России // Павел Милоков. Воспоминания. М., 2001. С. 2—26.

Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февр. Революции. М., 1988.

Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982.

Думова Н.Г. Кончилось ваше время... М., 1990.

Думова Н.Г. Черчилль и Милоков против советской России. М., 1989.

Думова Н.Г. «Сказка» Старого Арбата // Арбатский архив. Ист.-краеведч. альманах. Вып. 1. М., 1997. С. 198—239.

Земенков Б.С. Памятные места Москвы. Страницы жизни деятелей науки и культуры. М., 1959.

Колодный Л.Е. Москва в улицах и лицах. Центр. М., 2006.

Курлат Ф.Л. Москва от центра до окраин. М., 1989.

- П.Н. Милоков: историк, политик, дипломат: Материалы междунар. науч. конф. М., 2000.
- Макушин А.В.* Из истории университетской деятельности П.Н. Милокова // Российские университеты в 19 — нач. 20 века. Сб. статей. Вып. 2. Воронеж, 1996. С. 123—139.
- Медушевский П.Н.* П.Н. Милоков: ученый и политик // История СССР. 1991. №4. С. 20—41.
- Милоков П.Н.* Сб. материалов по чествованию его 70-летия, 1859—1929. Париж, 1930.
- Милоков: историк, политик, дипломат. Материалы междунар. научной конфер. 26—27 мая 1999 г. М., 2000.
- Митрофанов А.Г.* Прогулки по старой Москве. Арбат. М., 2006.
- Москва. Энциклопедия. Гл. ред. С.О. Шмидт. М., 1997.
- Найденев Н.А.* Москва. Соборы, монастыри и церкви. Альбом фотогравюр. Переизд. 4-х ч. альбома, изд. в 1882—1883 гг. СПб., 2004.
- Нечкина М.В.* В.О. Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.
- Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984.
- Паламарчук П.Г.* Сорок сороков. Москва в границах 1917 года: Действующие и закрытые церкви. М., 2004. Т. 2—3.
- Протоколы ЦК и зарубежных групп конституционно-демократической партии. Т. 1. М., 1994.
- Романюк С.К.* Из истории московских переулков. М., 2000.
- Стокдейл М., Нарский И.В.* Милоков // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 3. К—М. М., 2000. С. 584—586.
- Stockdale, Melissa Kirschke.* Paul Miliukov and the quest for a liberal Russia, 1880—1918. Ithaca; London, 1996.
- Трибунский П.А., Макушин А.В.* Павел Николаевич Милоков: труды и дни (1859—1904). Рязань, 2001.
- Федосюк Ю.А.* Москва в кольце Садовых. М., 1991.
- Шаццлло К.Ф.* Русский либерализм накануне Революции 1905—1907 гг. Организация. Программы. Тактика. М., 1985.
- Шелохаев В.В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с Революцией 1905—1907 гг. М., 1983.
- Шелохаев В.В.* Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905—1920. Т. 1. 1905—1907 гг. М., 1997.
- Шмидт О.Р.* Арбат. Путеводитель. М., 1992.

Фёдор Александрович ГАЙДА

кандидат исторических наук

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова, Россия

П.Н. МИЛЮКОВ: ИСТОРИК В ПОЛИТИКЕ

Тема исторических взглядов П.Н. Милюкова рассматривалась неоднократно и достаточно подробно. Совсем не обойден вниманием и Милюков–политик. Однако научно–историческая мотивация либерального оппозиционера и лидера кадетов затрагивалась гораздо меньше. Между тем, она играла огромную роль в принятии Милюковым политических решений и, соответственно, в судьбах русского либерального движения начала XX в. Настоящий доклад призван пробудить интерес к данной теме.

Дополнительное значение настоящего сюжета связано также с тем, что позиция Милюкова повлияла не только на политическую конъюнктуру, отозвалась она и в вечности. Ведь если говорить о целостном рациональном подходе к истории России начала XX в., то, как в научном, так и в общественном сознании, он до сих пор воспринимается через призму взгляда двух крайних столпов русского освободительного движения — В.И. Ульянова (Ленина) и П.Н. Милюкова. Соответственно господствующим является тезис о фатальной неспособности российского политического режима к политической эволюции и неизбежности революции — социальной или политической. Однако, если для первого революционное преобразование России (точнее, мира) было скорее самоцелью, то для второго революция была возможным (неизбежным) средством радикальных политических изменений. Тем не менее, даже в своем отношении к революции как к проблеме власти они, по верному замечанию Н.Г. Думовой, были более близки друг другу, нежели романтически настроенным эсеровским или меньшевистским лидерам¹. Сто-

ит отметить, что Ленин, как уже отмечали исследователи, понял это гораздо раньше Милюкова².

Россия накануне революции 1905 г. активно сравнивалась Милюковым с французским Старым порядком. Соответственно, особенно важным становился опыт французских революций. В «Истории второй русской революции» Милюков писал: «Читайте историю французской революции Тэна, — и вы увидите, как до мелочей повторяется с упоминанием лозунга «буржуазии» в нашей революции все то, что в гражданской войне великой революции применялось к «дворянству»»³. В разгар политической кризиса 1915 г. Милюков перечитывал Тэна и сравнивал его с «русским опытом» революции⁴. Небезынтересным для Милюкова было историческое наследие других европейских стран. «Я как раз недавно изучал документы франкфуртского парламента», — признавался он перед партийными товарищами сразу после третьеиюньского переворота⁵.

Однако классическая революционная традиция вынужденно противопоставлялась российской, что также было связано с отсталостью России. Революция 1917 г. противопоставлялась французским революциям 1792 и 1870 гг. с их национальным пафосом⁶. Русскую революцию отличал левый и правый максимализм, стихийность происходивших событий и слабость индивидуальной воли. «Тесно связана с двумя указанными чертами, слабостью русской государственности и примитивностью русской социальной структуры, и третья характерная черта нашего революционного процесса, идейная беспомощность и утопичность стремлений, «максимализм» русской интеллигенции». Милюков подводил печальный итог: «...в нашем прошлом... заложены лишь корни нашей слабости и нашего бессилия»⁷. Отзываясь на чужие сравнения событий гражданской войны с национальным движением 1613 г., он писал: «Быть может, можно надеяться, что в 1919 г. такое просветление перед лицом великой национальной катастрофы примет более культурную форму — чего-либо вроде германского возрождения начала XIX-го века»⁸.

Поколение Милюкова в целом воспринимало Россию как страну, значительно отставшую от Запада и имеющую задачу нагнать его (простран-

ные общие рассуждения об этом содержатся, например, в заключении к второму тому «Очерков по истории русской культуры»⁹). И тут взгляд историка, в сравнении со взглядом правоведа, имел одно неоспоримое преимущество. Если юрист мог формулировать идеал и общее направление движения, то историк, чьи представления базировались на том же философском и социологическом фундаменте (прежде всего, стоит отметить учение Конта и Спенсера), кроме этого, заранее знал саму дорогу, ее повороты и ухабы, и в каждой конкретной ситуации мог указать наиболее простой и безболезненный путь к этому идеалу. Историк становился богом политических обстоятельств. Именно на этом был построен авторитет Милюкова в кадетской партии. Говоря в «Истории второй русской революции» о своем подходе историка-политика, Павел Николаевич особо отмечал, что не подгонял факты под схему, а, как профессиональный историк, на основе самих фактов делал политические выводы¹⁰. Конечно, логика построений основывалась в данном случае на многочисленных исторических аналогиях. Однако гибкость ума и знание реалий еще само по себе не спасало от догматизма и утопизма.

Кроме того, возникала дополнительная «методологическая» трудность: в стране с комплексом нерешенных проблем существовал не только деспотический строй, но и мощное социалистическое движение, политико-культурная отсталость которого была оборотной стороной деспотизма. В этой связи основным вопросом для Милюкова становилась диалектика эволюции и революции: как воспользоваться благими плодами практически неизбежной революции и обойти ее эксцессы, логическим последствием которых стала бы реакция? Таким образом, возникали два наиболее важных тактических аспекта — поведения накануне революции и в ходе ее завершения.

Милюков-историк ставил перед Милюковым-политиком акушерскую задачу: корректировать процесс слома Старого порядка. Подход к такой задаче был предельно рационализированным, по существу научным. Восприятие роли Русско-японской войны 1904—1905 гг., поражение Милюкова определялось представлением о связи неудачных войн и внутривнутриполитических изменений. Война могла стать катализатором политического кризиса и усту-

пок со стороны власти. Так было в России в 1856 г., так было во Франции в 1870 г. В ходе революционных событий исторические примеры также диктовали определенное политическое поведение. Не вступать в стратегические соглашения со Старым порядком было неизменным принципом Павла Николаевича. Переговоры с Витте — Лафайетом Первой русской революции — были сорваны самими кадетами. Возможность тактической сделки со Столыпиным в период II Думы (осуждение террора в обмен на легализацию) Милюковым, как известно, одно время допускалась, поскольку веры в успех революции уже не было, но была также отвергнута из стремления сохранить оппозиционную репутацию партии. За степень жесткости столыпинских мер никто поручиться не мог, чем на практике окажется Дума при новом премьере — бесправным Законодательным корпусом первого консула Бонапарта или умеренно-либеральным парламентом Луи-Филиппа — Милюков еще не знал. От того, установится в России военизированный режим под реформистскими лозунгами или подновленная монархия, зависело, следует ли ждать новой революции в исторически краткой перспективе. Договариваться следовало только с Бонапартом — из чувства самосохранения.

В ноябре 1909 г., уже констатируя ослабление позиций Столыпина, на партийной конференции Милюков настаивал, что основная опора премьера — «буржуазный конституционализм» (прежде всего, октябристы) — постепенно размывалась и сходила с политической сцены. Правительство в этой ситуации должно было неизменно поправеть, спровоцировать кризис и роспуск палат, причем новые выборы могли пройти на основании вновь измененного избирательного закона. Страна (и особенно «городская демократия»), в свою очередь, по мнению Милюкова, неуклонно переходила в лагерь «демократического конституционализма». Всякое соглашение с властью или октябристами было невозможно¹¹. Иными словами, описывалась эволюция Июльской монархии во Франции. Борьба за конституционные гарантии, подобно французской парламентской оппозиции того времени, в подобных обстоятельствах была единственно верной тактикой.

В революционные годы Милюков также искал способы приблизить ситуацию к европейской и локализовать течение процесса в нужном русле: отсюда его внимание к Корнилову, прогерманская позиция в 1918 г., стремление создать «классовую партию» в начале 1920-х гг. В своей «Истории второй русской революции» Милюков уделили очень большое внимание Корнилову — с точки зрения классической революционной традиции его выступление должно было бы стать настоящим завершением революции, подобно событиям 1848 г. во Франции. Но этого, как известно, не произошло: Кавеньяком Корнилов не стал. Приход к власти большевиков был для Милюкова следствием отсталости России, но, вместе с тем, соответствовал некоторым западноевропейским примерам. После этого Русская революция стала восприниматься Милюковым в соответствии с иной, более масштабной, моделью революционного развития. Этим определялась неожиданно занятая Милюковым в 1918 г. прогерманская позиция. Опыт 1870—1871 гг. подсказывал, что с помощью оккупационных сил можно подавить революционное движение в центре страны и стабилизировать ситуацию в умеренно-либеральной фазе. Историк А. Тьер, ставший из самого яркого и известного либерального оппозиционера президентом республики, служил верным примером.

Переход к «новой экономической политике» после гражданской войны как будто свидетельствовал о прекращении якобинского этапа Русской революции и близости контрреволюции «нуворишей». И уже летом 1921 г. Милюков звал партию вступить на классовый путь. Вполне традиционный для кадетов аргумент Петрункевича о том, что Россия еще не доросла еще до классовых партий («Россия еще не может претендовать на классовые партии, ибо она отстала от Западной Европы»), Милюковым уже был отброшен, поскольку в ближайшем будущем он предполагал новый, более зрелый, этап революционного развития, который должен был наступить после этапа якобинского¹². Попытка сговориться с умеренными социалистами вполне могла быть подсказана представлением о бонапартистских настроениях крестьян, которые проявились во Франции в начале XIX в., а могли проявиться и в Рос-

сии по окончании гражданской войны. Впоследствии Павел Николаевич откажется и от такого взгляда. После появления теории «социализма в одной стране» Милюков заявил, что коммунисты и Сталин — сторонники реакционной идеи уникальности России; иными словами, они осуществили контрреволюцию собственными руками. Уже у Ленина, по мнению Павла Николаевича, присутствовал этот взгляд, хотя и «несколько прикровенно», вследствие чего марксистское учение, изначально отрицавшее русскую уникальность, русскими большевиками было изменено¹³.

Из взглядов Милюкова о характере революционного процесса и о фазах революции в России вытекало и представление о роли партии как авангарда этого процесса; она выступала основной российской политической ценностью, маяком для страны. Именно представление об отсталости диктовало необходимость создания партии всенародной (надклассовой, т.е. на практике интеллигентской). Интеллигенция воспринималась как единственная передовая сила в «отставшей стране», а интеллектуальная оппозиция — сильнее любой другой. Отсюда — убежденность в центральной роли парламента в революции 1905 г. и после неё. Представление о I Думе явно связывалось с событиями 1789 г. — созывом Генеральных Штатов и самопровозглашением Национального собрания. Впоследствии Милюков сравнивал I Думу с Франкфуртским парламентом, которые, несмотря на формально верные лозунги, были распущены, поскольку не имели реальной опоры. В то же время III Дума, как и парламент Наполеона III, могла постепенно наращивать градус оппозиционности, почему ее следовало беречь¹⁴.

Парламентская традиция отнюдь не противопоставлялась революционной. Объясняя партийным товарищам свое знаменитое выражение об «опозиции Его Величества», Милюков напоминал им английские события 1642 и 1688 гг. Указывая на парламентские традиции англичан, историк отмечал, что они, сохраняя верность монархическому принципу, тем не менее, в 1642 г. именно в парламенте объявили войну королю. «Эту идею ... пытались провести и мы», — отмечал Павел Николаевич¹⁵. Вторую русскую революцию Милюков встретил, имея за плечами уже личный революционный опыт,

что усиливало критический настрой в отношении подобного явления. Прогрессивный блок, в котором Павел Николаевич играл едва ли не руководящую роль, стал по сути институционализированной «банкетной кампанией», однако ее тактическая задача была иной: если во Франции 1847—1848 гг. и в Первой русской революции необходимо было организовать единство рядов оппозиции, то накануне 1917 г. — сделать процесс «выбивания уступок» у власти управляемым.

Требовать реализации максимальной либеральной программы в отсталой стране, по мнению Милокова, можно было именно потому, что в силу ее отсталости либералы и социалисты накануне и в начале революции двигались к своим целям параллельными курсами, лишь используя разные средства. Подобный расчет неизменно превозмогал над горьким опытом первых Дум и подталкивал к радикальным шагам, к закреплению побед над Старым порядком. На практике опасение реакции всегда доминировало над осторожностью в отношении «союзников слева». Отношение к рабочим, к террору как вспомогательным инструментам политического процесса формировалось исходя из того же тезиса. Отсюда — и фатальные политические ошибки 1917 г.: «штурм власти», форсированная «демократизация», разрушение административных и военных структур. Осознание необходимости завершающей фазы революции присутствовало у Милокова изначально, но вовремя найти нужную точку перелома и заставить события течь в нужном направлении было совсем не просто. Делать революции «по-научному» не получилось.

---

¹ *Думова Н.Г.* Предисловие к настоящему изданию // Милоков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 13.

² *Густарников В.Ф.* Социологическая концепция П.Н. Милокова — антитеза метафизической философии истории // П.Н. Милоков: Историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции, Москва, 26–27 мая 1999 г. М., 2000. С. 12—13.

³ *Милоков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 18.

⁴ *Милоков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 404.

⁵ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 1. М., 1997. С. 651.

⁶ *Милоков П.Н.* Воспоминания. С. 487.

---

⁷ Милоков П.Н. История второй русской революции. С. 11—13, 18—19.

⁸ Там же. С. 21.

⁹ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. 2. С. 466—481.

¹⁰ Милоков П.Н. История второй русской революции. С. 11.

¹¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 2. М., 2000. С. 236—252.

¹² Протоколы ЦК и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 5. М., 1997. С. 87, 93.

¹³ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. С. 63.

¹⁴ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 1. С. 651.

¹⁵ Там же. Т. 2. С. 175, 177.

Корин АМАШЕР
доктор филологии
Женевский университет, Швейцария

ЮБИЛЕЙ ГЕРЦЕНА 1912 ГОДА: ЧЬЕ НАСЛЕДСТВО И КТО НАСЛЕДНИКИ?

В России на рубеже XIX—XX вв. дискуссии о наследии русского освободительного движения и революционной традиции были особенно оживлёнными в среде интеллигенции. Наиболее часто употреблялся именно термин «наследство», который обычно обозначает передачу какого-то имущества, хотя в данном случае речь, конечно, шла о ценностях, оставленных предыдущими поколениями нынешним, «отцами» — «детям». Это наследство иногда принимали с большим воодушевлением, даже отстаивали свое право на него, иногда отвергали. Например, вопрос о наследстве шестидесятников, чья роль и деятельность резко защищались одними и критиковались другими, стал предметом нескольких статей. В 1891 г. в статьях «Почему мы отказываемся от “наследства 60—70-х годов”?» и «В чем главный недостаток наследства 60—70-х годов?» Василий Розанов писал об отсутствии идеализма и философской глубины у «людей шестидесятых годов», об их демократической и революционной тенденции рассматривать человека «только как средство», которым «становится и сама истина»¹. Эти статьи вызвали полемику, в которой приняли участие, в том числе, один из идеологов народничества Николай Михайловский и будущий лидер большевизма Владимир Ленин².

Во время революции 1905—1907 гг. русские интеллектуалы, в особенности представители либеральной и демократической тенденций, проявляли усиленный интерес к истории русского освободительного движения. Обращение к революционному прошлому России позволяло им лучше понимать настоящее, находить истоки современных революционных событий. Этому интересу к недавней истории русского освободительного движения

благоприятствовало частичное открытие государственных архивов, в которых хранились материалы по социальной и политической истории XIX в. Прежде содержимое этих архивов, например, документы, посвященные судебным делам декабристов, были недоступны исследователям. Благодаря отмене в ноябре 1905 г. предварительной цензуры и снятию запрета на упоминание судьбы некоторых деятелей русского социального движения XIX в. (декабристы, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, братья Серно-Соловьевичи и т.д.), в печати появилось большое количество публикаций, посвященных оппозиционным царизму движениям.

Вдохновленная этими публикациями, русская интеллигенция продолжала обсуждать вопрос о наследстве и революционной традиции. Каждое из течений в зависимости от своих политических настроений создавало себе политическую генеалогию, рассматривало некоторых авторов и произведения как опережающие, предвещающие, заранее узаконивающие современные события. Революция 1905 г. и ее последствия до июня 1907 г. (дата роспуска второй Думы и изменения избирательного закона) часто представлялись удачным завершением длительного исторического процесса, их подготовившего. Годовщины некоторых деятелей освободительного движения — двадцатилетие со дня кончины Н.Г.Чернышевского в 1909 г., 75-летие со дня рождения и 50-летие со дня смерти Н.А. Добролюбова в 1911 г., 100-летие со дня рождения А.И. Герцена в 1912 г. — дали повод празднованиям, которые обогащали как зарождающуюся историографию, так и полемику по вопросу «наследства».

1905—1917 гг. являются центральным этапом в оформлении революционного «наследства» и открывают длительную мемориальную и историографическую традицию. Именно в это время утверждаются главные точки зрения на наследие русского освободительного движения, которые будут оказывать глубокое влияние и на советскую историографию 1920-х годов, поскольку часть интеллектуальной элиты дореволюционной эпохи оставалась активной и после 1917 г.

Что касается вопроса о наследстве, то особый интерес представляет пример А.И. Герцена — центральной фигуры интеллектуального и социального движения в России. Действительно, для его идей характерны открытость, иногда противоречивость и, что очень важно, непрерывное развитие на протяжении всей его жизни. «Отсутствие категоричности, незамкнутость суждений, их глубинная противоречивость»³ давали возможность разным наследникам претендовать на его наследство, воспринимать Герцена как «духовного отца», «черпать в его живом источнике»⁴ необходимые слова и идеи. Сотая годовщина его рождения в 1912 г. вызвала к жизни огромное количество текстов — статей, книг, речей. Социал-демократы, либералы, социалисты-революционеры, все ссылались на Герцена. Особенно активно отмечали этот юбилей либералы.

С другой стороны, именно в 1912 г. В.И. Ленин написал статью «Памяти Герцена», которая была опубликована в мае того же года в Париже в центральном органе русской социал-демократической партии («Социал-демократ»). По мнению Ленина, Герцен принадлежал к поколению «дворянских революционеров» — формула, которая приобретёт позже, как мы знаем, огромный успех. «Чествуя Герцена, писал он, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции». «Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен», потом «революционеры-разночинцы», поколение к которому принадлежат Чернышевский и «герои Народной Воли». Наконец, пролетариат, «единственный до конца революционный класс», который «учится» на примере Герцена «великому значению революционной теории»⁵. Согласно историческому детерминизму, эта смена поколений должна была неотвратно вести к победе большевиков.

Ленин начинает свою статью раздраженными словами: «Минуло сто лет со дня рождения Герцена. Чествует его вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы социализма, тщательно скрывая, чем отличался революционер Герцена от либерала»⁶. В советское время историки, авторы статей, посвященных юбилею Герцена, рассматривали публикации либерального лагеря с точки зрения этих идей Ленина, а его статья интерпретирова-

лась как ответ на попытку либералов «узурпировать» наследие Герцена. По их мнению, юбилей отражал политическую атмосферу, которая тогда окружала образ Герцена⁷. Наконец, именно на статью Ленина советские идеологи будут опираться с конца 1920-х гг., чтобы прекратить дискуссии о наследстве не только Герцена, но всего русского освободительного движения. В этот период вопрос о наследстве, революционных традициях и об истоках Революций 1905 и 1917 гг. решался уже под идеологическим контролем самой власти.

Политическая борьба за наследие Герцена была в эти годы очень острой. Как мы покажем далее, Герцен, чье наследство питает и либеральное, и марксистское, и эсеровское направления, служил средством легитимации тех политиков, которые объявляли себя наследниками освободительной традиции. Однако, годовщина была отнюдь не только поводом для столкновения между различными политическими течениями за присвоение себе «наследства» Герцена (хотя именно такое видение проблемы усердно насаждали советские историки). На самом деле, анализ текстов, опубликованных во время празднования столетия со дня его рождения, показывает, что юбилей дал также возможность высказать некоторые идеи, общие для всех течений. Произошла «мифологизация» Герцена, превращение его в героическую и трагическую фигуру русской эмиграции. Причем такое толкование образа было принято практически всеми авторами, независимо от их политических установок.

Наследники Герцена

Первый легальный труд о Герцене был опубликован в России в 1897 г.⁸ Тридцатая годовщина со дня его смерти в 1900 г. и пятидесятилетняя годовщина создания «Колокола» в 1905 г. способствовали появлению многочисленных статей и книг, в которых различные общественные деятели определяли роль и место Герцена в русском освободительном движении⁹. Поток публикаций не уменьшался и в последующие годы, поскольку 1905 г. сделал

имя Герцена легальным в России. В этом же году вышло, хотя с цензурными изъятиями, первое в России семитомное собрание сочинений Герцена¹⁰. В конце того же года, пользуясь отменой предварительной цензуры, Петр Струве создал журнал «Полярная звезда», в котором революционные события были представлены как завершение борьбы, начатой в 1825 г. Название журнала совпадало не только с названием литературного альманаха, который выпускался между 1823 и 1825 гг. поэтом и декабристом Кондратием Рылеевым, но и с названием сборников, которые Герцен выпускал в Лондоне с 1855 по 1862 гг. В первом номере журнала редакция декларировала свою программу: «Мы желаем стать под знамя тех великих революционных и культурных традиций», которые связаны со «славными» именами Рыльева и Герцена. Эти культурные традиции — не только «исторические воспоминания, а живая правда, которую мы желаем внедрять в умы и воплощать в дела»¹¹. Что касается Струве, то он определил в 1906 г., что предсмертные герценовские «Письма к старому товарищу», обращенные к Бакунину, были «существом нашего мирозерцания»¹². Наконец, в своей статье в сборнике «Вехи» (1909), Струве отделил Герцена от освободительного движения 1860-х гг., от Чернышевского в особенности, который являлся, по его мнению, «другим духовным типом»¹³.

Но появление наибольшего количества текстов, написанных как либералами, так эсерами и социал-демократами, вызвала именно сотая годовщина рождения Герцена в 1912 г. Кружок имени Герцена, созданный легально в 1908 г. в Санкт-Петербурге историком В.Я. Яковлевым-Богучарским, в деятельности которого принимали участие многие выдающиеся либеральные деятели, в том числе Александр Корнилов, Максим Ковалевский и Александр Лаппо-Данилевский, организовал 27 марта 1912 г. в одном из залов Думы вечер памяти Герцена, в ходе которого Петр Струве, Павел Милюков, Нестор Котляревский, Федор Родичев и Александр Корнилов читали доклады, широко распространенные впоследствии прессой обеих столиц¹⁴.

Советские историки настойчиво подчёркивали сложность политических условий, в которых проходили мероприятия, связанные с юбилеем Гер-

цена. Естественно, он не был официальным праздником царской России. Царское правительство противилось публикации некоторых работ, посвященных Герцену, иногда конфисковывало его труды или требовало представления материалов конференций для предварительного ознакомления. В Москве Общество любителей российской словесности решило перенести празднование дня рождения Герцена на осень, отказываясь подчиниться требованиям административных органов¹⁵. В Москве же, во время мемориального вечера, проводимого историком Сергеем Мельгуновым, представитель полиции ворвался в зал и прервал ход собрания, не дав возможность последним докладчикам произнести свои речи¹⁶. Однако, удивительны не столько эти неприятности, причиняемые организаторам юбилея, сколько сам факт, что юбилей Герцена, этого неумолимого искоренителя русского самодержавия, чье имя еще недавно было в России под запретом и которое для царской власти было неотделимо от ненавистного ей революционного движения, смог быть попросту отмечен в условиях царской России. Таким образом, на самом деле юбилей символизировал те политические изменения, которые глубоко преобразовали страну. Революция 1905 г. оставила неизгладимые следы, несмотря на свой «провал». Во время юбилея были опубликованы около ста статей в журналах и газетах обеих столиц¹⁷! Некоторые другие мероприятия проходили успешно и собирали многочисленную публику. Так, в Санкт-Петербурге незадолго до годовщины, в конце февраля, множество людей, в том числе студентов, пришли слушать лекции Нестора Котляревского и Федора Родичева¹⁸.

За границей Герцена также не забывали. Его юбилей отмечали в Ницце, Париже, Риме и Лондоне. В Ницце был создан комитет по организации празднования, в котором принимали участие, среди прочих, Анатолий Франс, Габриэль Моно, Петр Кропоткин и Георгий Плеханов. В Париже мемориальный вечер, на котором присутствовали Вера Фигнер, Анатолий Луначарский, Василий Яковлев-Богучарский, Илья Рубанович, Максим Горький, привлек, согласно отчетам французской и русской печати, большую публику¹⁹. В Риме эсер Виктор Чернов, побывавший также и на праздни-

нии в Ницце, произнёс речь в библиотеке Льва Толстого, основанной незадолго до этого русскими эмигрантами. В Женеве и Лозанне Анатолий Луначарский говорил о судьбе Герцена перед многочисленной публикой. А в Лондоне представители Общества Герцена читали на специальном вечере письмо Кропоткина, направленное участникам по случаю юбилея²⁰.

Мы уже упомянули, что в советское время празднование юбилея описывалось как борьба между либералами и марксистами за наследство Герцена. Однако, как это отметили сами советские историки, «некоторые представители социал-демократии, выступавшие в период юбилея иногда и на страницах большевистских изданий, не сумели разобраться в действительной сущности общественно-политических взглядов писателя»²¹. Или скорее, как это выражает более ясно и с долей иронии Виктор Чернов, некоторые социал-демократы (речь идет прежде всего о Юрии Стеклове и Кирике Левине)²² согласились «отдать Герцена либералам», которые, со своей стороны, согласились «взять его»²³. И в самом деле, анализ юбилейных текстов показывает, что Герцен, который именовался в юбилейных статьях в зависимости от идеологических и политических взглядов авторов то отцом народничества, то первым русским социалистом, то западником, близким к славянофилам, то «апостолом» свободы личности, то великим мыслителем, то талантливым писателем, описан прежде всего как сторонник политической постепенности и умеренности, а если как революционер, то революционер, который стоит «на перекрестке либерализма и революционизма». Притом эта интерпретация принадлежит не только авторам либеральной тенденции. Конечно, представителей социал-демократического лагеря раздражало, что либеральный «лагерь» использовал Герцена для собственной рекламы. Они обвиняли Милюкова в том, что он опирался на Герцена в своей предвыборной речи, они нападали на Струве, который настойчиво упоминал «чувство меры»²⁴ Герцена, наконец, они подчеркивали, что Герцен не терпел трусливую буржуазную умеренность, столь похожую, говорили они, на позицию либералов. Некоторые даже открыто смеялись над либералами. Так, большевистский поэт Демьян Бедный напечатал в журнале «Звезда» басню, где сравни-

вал либерала с кукушкой, которая, встречая орла, то есть Герцена, видит в нем не что иное, как крупную кукушку²⁵. В статье, опубликованной после юбилея, Юрий Стеклов сначала хвалил «основоположника русского социализма» и упрекал «наших буржуазных либералов»; «эти господа», говорит он, пытаются «зачислить» Герцена «по своему ведомству». Но «мы не отдадим этим жрецам умеренности и аккуратности нашего мятущегося Искандера. Он наш со всеми уклонениями и слабостями. Он наш в такой же степени, как и Чернышевский». Однако нельзя не заметить, продолжает Стеклов, что эти «нечистые руки» «не попробовали с [Чернышевским] родными счастьем». Следовательно, признает он, «было что-то такое в деятельности Герцена, что давало хотя бы кажущееся право буржуазным либералам попробовать испуаться в лучах герценовского солнца? Да, несомненно было, и об этой-то стороне Герцена мы и хотим сказать несколько слов». И, действительно, в своей статье Стеклов подвергает строгой критике Герцена, этого «выразителя дворянского либерализма», и противопоставляет ему Чернышевского, настоящего «революционного демократа». «Душевная драма» Герцена происходит от того, объясняет Стеклов, что ему не удалось перейти в другой лагерь, то есть «совлечь с себя ветхого Адама». Герцен, по своему «барскому происхождению», глубоко презирал «молодую русскую эмиграцию», составленную из революционных демократов. В политике Герцен, чьи европейские друзья, как Прудон, были в большинстве своем «мелкими буржуа», был оппортунистом, и его программа была либеральной и не больше²⁶. Статья Стеклова является на самом деле радикальной критикой всего творчества Герцена. Что касается Кирика Левина, автора статьи в большевистском журнале «Просвещение», то в его трактовке Герцен — мыслитель, ставший после 1848 г. бóльшим славянофилом, чем сами славянофилы. И те, кто утверждает, что Герцен был революционером, глубоко заблуждаются, пишет он. Герцен никогда не поддерживал революционную борьбу, он был «самым кротким либералом» и верил только в силу слов²⁷. Пожалуй, только Плеханов в своей речи, произнесенной на могиле Герцена в Ницце, описывает его как «гражданина мира», представителя «передового человечества», защитника

«свободного самоопределения народностей», который, будь он жив, поддерживал бы «точку зрения рабочего Интернационала» и «не разочаровался бы в Западной Европе»²⁸.

В 1912 г. наследие Герцена являлось, конечно, важным для либеральной интеллигенции, которая таким образом могла опереться на протяженную историческую традицию, позволявшую не только оправдывать свои политические действия, но и лучше их понимать. Однако эта политическая сила, как мы видели, не имела особенной необходимости «бороться» за «наследство» Герцена, т.к. почти никто не отрицал близость Герцена либералам, и сами социал-демократы подчеркивали его либеральные «слабости». Возможно поэтому в юбилейных статьях либералов нет даже намеков ни на отношение эсеров и социал-демократов к Герцену, ни на какую-либо борьбу за наследство Герцена, на которое претендуют другие политические силы. У либералов не было причин «бороться» за наследство Герцена, поскольку они с полной уверенностью воспринимали себя как естественных и законных наследников Герцена. Ленин оказался практически единственным, кто ввязался в борьбу за наследие Герцена и попытался разорвать связь между Герценом и либерализмом. Именно это он и делал в своей статье, показывая, «чем отличается революционер Герцен от либерала», и утверждая, что «при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх»²⁹. Однако, в 1912 г. наследство пока явно ускользало от лидера большевизма. Его статья, опубликованная за границей в органе, чье влияние было незначимо в России, не играла никакой роли в 1912 г. И ставя Ленина в центр полемики, превращая его в одного из главных персонажей юбилей Герцена, советская историография совершила «реконструкцию» *a posteriori* в очевидных идеологических целях.

Какое наследство?

Юбилей Герцена интересен для историка не только потому, что в этот момент представители различных партий и течений «боролись» за его

наследство, но и потому, что обсуждение этой фигуры в юбилейных статьях позволяет выявить некоторые общие для большинства участников юбилея представления о Герцене и его роли. Но сначала обратим внимание на то, какие цели ставили перед собой организаторы и участники празднования годовщины 1912 г. Одна из задач юбилея — явно дидактическая. Как подчеркивал автор длинного отчета о вечере, организованном Кружком имени Герцена, главная цель состояла не столько в том, чтобы «чествовать», сколько в том, чтобы «пропагандировать личность и творения» Герцена, который все еще оставался достоянием только «избранных кругов русского общества». «Широкие круги интеллигенции знают его или очень мало, или из вторых и третьих рук». В России его имя известно уже давно, но мало кто знаком с его «подлинной личностью, чувствами и мыслями». «Если торжественное чествование памяти Герцена пробудит живой интерес к его книгам и преодолет инерцию лени, мешающей многим подойти непосредственно к живому роднику его слов», то его задача, считает автор отчета, «будет вполне достигнута»³⁰. Поэтому большинство статей подробно описывали различные этапы жизни Герцена и резюмировали главные его идеи. Так, например, одна из статей Александра Корнилова была посвящена обзору самых важных монографий о Герцене, вышедших до 1912 г. Таким образом, Корнилов надеялся помочь подготовке речей будущих ораторов из русских провинций, где жизнь и произведения Герцена были еще мало известны и где пожелали бы распространить идеи Герцена в связи с его юбилеем³¹. Таким образом, годовщина явилась своего рода способом открыть Герцена широкой русской публике.

Зато в 1912 г. «избранные круги русского общества» уже хорошо знали Герцена и его произведения. В большинстве юбилейных статей, несмотря на разные политические направления их авторов, были высказаны некоторые общие идеи. Во-первых, для них Герцен являлся объединяющей фигурой, «нравственным центром движения», его «душой», «совестью партии»³², способной собрать вокруг себя представителей разных политических тенденций, которые обычно противостоят друг другу. Александр Корнилов,

Петр Струве, Павел Милуков, Федор Родичев, Михаил Гершензон, Петр Перцов, Виктор Чернов, Василий Яковлев-Богучарский, Нестор Котляревский, Максим Ковалевский, Михаил Осоргин, Петр Кропоткин, Александр Кизеветтер³³ и другие, менее известные авторы статей, написанных к юбилею, настаивали на том, что Герцен принадлежит всему русскому обществу, что никакой лагерь, политическая партия, доктрина, поколение или социальный класс не имеют на него исключительных прав³⁴. Он не поддается никакой классификации, и это то, что его делает «бессмертным», утверждал Милуков: «Если бы он явился в эту залу — он бы понял нас с полуслова, ничто не было бы для него чуждым или новым. До такой степени он поныне сохранил во всем свою жизненность и свежесть»³⁵. Участников юбилея из социал-демократического лагеря, таких как Юрий Стеклов, Кирик Левин, Демьян Бедный или Владимир Ленин, а впоследствии и советских историков, раздражали эти типично либеральные высказывания. Превращая Герцена в представителя всей России, далекого «как от мистической туманной романтики, так и от наивного революционизма»³⁶, либералы, утверждали они, превратили Герцена для своих политических нужд в «подлинного кадета», считающего одного себя в праве «обслуживать и рабочего, и заводчика, и крестьянина, и помещика, и приказчика»³⁷. Однако, в 1912 г., в период глубоких социальных и политических преобразований, когда происходило переосмысление роли и смысла интеллигенции самой интеллигенцией³⁸, когда часть интеллигенции воспринимала революцию 1905 г. как провал, речь шла не столько о том, чтобы сделать из Герцена либерала, столько о том, чтобы создать некий символический образ вождя, «духовного отца»³⁹, этическую икону, наивысший нравственный образ, позволяющий преодолеть все идеологические несогласия и смотреть в будущее России с доверием и гордостью. «Имя Герцена включает в себе нечто объединяющее. И вот почему чествование его так дорого в наше время, когда между живыми силами будущего брошено так много *разъединяющих слов...* и разъединяющих дел», объяснял Чернов, соглашаясь с Максимом Ковалевским⁴⁰. И это даже несмотря на то, что во многих статьях говорилось, что жизнь Герцена была наполнена неуда-

чами, ошибками и поражениями, а его судьба обычно описывалась как драма. Герцен, согласно заглавию статьи Виктора Чернова, «родился не вовремя». Поскольку он находился между двумя поколениями, двумя цивилизациями, русской и европейской, ему было не на что и не на кого опереться, и он был осужден историей на одиночество. На Западе, считал Нестор Котляревский, идеи Герцена о русском социализме никогда не имели никакого влияния, но и в России, все народнические попытки потерпели неудачу. Русский социализм был всегда, несмотря на мечту Герцена, плодом западных влияний⁴¹.

Однако, если жизнь Герцена — драма, наполненная неудачами, если он не смог выполнить то, для чего родился, не смог реализовать всю меру своих способностей и своего таланта, почему, спрашивает себя Котляревский, Герцен остается столь важным для нынешнего поколения? Ответ прост: именно его неудачи, поражения и ошибки подчеркивают грандиозный характер его судьбы. Без «трагизма», без одиночества, нет героизма, пишет даже Виктор Чернов⁴². А Герцен для всех является именно Героем с трагической судьбой. Величие Герцена, названного по очереди «великаном среди пигмеев», «рыцарем среди буржуа», непонятой всеми «Кассандрой», «героем духа среди малодушных», Прометеем, «прикованным к скале», «дивным сплавом неподкупного, беспощадного разума и изящного, рыцарски-благородного, великодушного и справедливого сердца»⁴³, пропорционально его способности нести тяжелый груз на своих плечах в одиночестве⁴⁴. Подобно Христу, произносящему проповедь в пустыне, «иностранец своей эпохи»⁴⁵, Герцен открыл дверь, через которую, однажды «весь мир пройдет».

Наконец, Герцен для всех, без исключения, — предмет гордости. Он первый и единственный русский человек, который говорил с европейцами как равный с равными. И хотя он не отрекался ни от одной из черт своего русского характера, европейцы признали его своим. Благодаря Герцену взгляд Европы на Россию изменился, пишет Гершензон⁴⁶, и Россия вошла в семью европейских граждан, добавляет Котляревский⁴⁷. Герцен показал, что в «России кнута и рабов» были свободные граждане⁴⁸. Он соединил таким образом гражданскую Европу с Россией в поисках свободы. Некоторые авто-

ры, например, Яковлев-Богучарский⁴⁹, подчеркивают, что он был наиболее уважаемым эмигрантом в Европе. Более уважаемым, чем европеец Иван Тургенев или Михаил Бакунин, знаменитый во всей Европе, но оставшийся в глазах европейцев «типичным русаком», а значит «странным», «нелепо-нескладным и ужасающе-хаотичным», пишет Петр Перцов⁵⁰. Однако, чувствуя себя свободно в Европе, будучи другом наиболее высоких европейских умов своего времени, Герцен так и не смог донести свои идеи до Запада. Несмотря ни на что, его идеи о «русском социализме» так и остались непонятыми в Европе⁵¹. И это, возможно, еще одна причина успеха Герцена среди русской интеллигенции: хотя Герцен всю жизнь жил в Европе, он служил своей стране и своему народу. По мнению Струве, Герцен, подобно Пушкину, который в отличие от Достоевского или Толстого оставался частично непонятым для Запада, «первый из первых», «национальная мощь»⁵².

Герцен положительно оценен всеми и в отличие от другого представителя освободительного движения — Чернышевского. Многие не только считали Чернышевского плохим писателем, но и критиковали якобы воспитанное им «молодое поколение» за отсутствие идеализма, философской глубины и разрыв с Герценом. По мнению Дмитрия Философова, например, «разночинцы порвали тонкую нить традиций, которая тянулась от Радищева, через декабристов, к Герцену». Они стали таким образом «подкидышами без роду и племени», оторванными от традиций и отказывающимися от любой попытки сближения с Герценом. Но сегодня, «отцы и дети» должны встретиться, потому, что у них «путь общий»⁵³. И встретиться они должны вокруг единственного человека, способного объединять всех вокруг себя, то есть — Герцена.

Герцен — это драма, но также страдание. Таков другой лейтмотив юбилея. «Жизнь Герцена была великим испытанием и тем самым стала великим поучением», пишет Струве⁵⁴. Этот «мученик общерусского горя», по выражению Чернова⁵⁵, вынес очень много страданий, и «мы также пережили иллюзии и страдаем разочарованием», считает Ковалевский⁵⁶. В 1848 г., пишет Кизеветтер, этот «бесстрашный мыслитель» «испытал величайшие раз-

очарования», но сумел «смотреть прямо в глаза самой горькой правде и среди мучительнейших сомнений и ударов судьбы» (смерть матери и младшего сына во время кораблекрушения в 1851 г., смерть жены в 1852 г. после рождения сына, который пережил мать только на несколько часов) не утратил до конца «веру гордую в людей и жизнь иную». Перечитывать Герцена — «вот лучшая школа политического воспитания, вот надежнейшее лекарство и от политического мечтательного романтизма, и от бесплодной прострации, порождаемой временными политическими разочарованиями»⁵⁷. «Нет ни одного русского писателя, который был бы так необходим русской молодежи, именно в данный момент, после поражения» 1905 г., говорил Петр Кропоткин из Лондона. Герцен тоже пережил «все ужасы восторжествовавшей реакции» в 1848 г. и в то же самое время семейную драму. «Но из этих тяжелых испытаний Герцен вышел сильнее прежнего. Его спасла вера в творческие силы народа...». Читайте Герцена, советует Милоков, и «сквозь его кровавые слезы, вы прочтете то, что вам даст веру»⁵⁸. За политической и культурной преемственностью, которую утверждают эти статьи и речи, чувствуется почти религиозный культ.

Культ этот тесно связан с историко-политическими обстоятельствами 1912 г. Как заметил Анатолий Луначарский, столетний юбилей Герцена не породил бы «целое море восторженных статей и ряд торжественных чествований», если бы имел место на три года раньше. «Да, Герцен, к великой радости нашей, воскресает», добавил он⁵⁹. Прав ли Луначарский? Действительно, 1912 год — это конец революционного спада, подъем социалистической агитации и возобновление освободительного движения. Именно в 1912 г. оживляется деятельность кадетской партии, до того пребывавшей в упадке. Примером этого служит Александр Корнилов, один из наиболее активных участников празднования юбилея. В 1908 г., во время столыпинской «реакции», он оставил пост секретаря Центрального комитета кадетской партии, чтобы сосредоточиться на исторических исследованиях, но в 1911 г. возвратился к активной политической деятельности. Сегодня невозможно определить, каков был бы размах юбилея Герцена, если бы он состоялся в 1909 г.,

но очевидно, что в 1912 г. фигура Герцена, ставшая во время юбилея настоящей иконой, знаменем свободы, символизировала обновленную веру в будущую победу после периода уныния и политических разочарований. Народ, который породил Герцена, должен смотреть свое будущее с доверием и гордостью, — такова главная идея, звучавшая в 1912 г. Как утверждал г.В.Плеханов, «нынешний день оживит и нашу веру в лучшее будущее нашей многострадальной страны. Каждый из нас уйдет с его могилы, бодро повторяя его бодрые слова: “Живуча русская жизнь”!»⁶⁰.

Во время юбилея в статье «Герцен в Риме» Михаил Осоргин замечал, что, если Италия «увенчала славой» своих борцов за свободу — итальянских друзей Герцена и «увековечила их памятниками» во всех городах, то Герцен остался непризнанным, отверженным в своей стране. Герцен — «наша гордость и наш великий стыд»⁶¹, писал Осоргин, резюмируя чувство всех участников юбилея. Из-за его продолжавшейся «ссылки» и молчания, окружавшего его творчество, по-прежнему остававшегося по большей части под цензурным запретом, Герцен являлся символом России, лишенной свободы. Герцен сможет «вернуться» в Россию только тогда, когда Россия станет свободной. В этом были уверены в 1912 г. все участники юбилея Герцена. Юбилей открывал, таким образом, новую эру свободы, он должен был не только воздать должное таланту Герцена, но и предвещал надежду на лучшее будущее.

Герцен и свободная Россия

Однако, участники годовщины трагически ошиблись. Если творчество Герцена и стало, наконец, доступным русскому обществу в 1917 г. в полном, без изъятий, объеме, то Россия не стала свободной страной. Если дискуссии о наследстве Герцена активно продолжались на всем протяжении 20-х годов, официальное представление о Герцене — революционере и демократе, царившее с начала 30-х годов, достаточно хорошо отражает это отсутствие свободы. Предложенная Лениным периодизация истории революционного движения в России признавалась канонической, благодаря чему большевист-

ская власть ретроспективно, *post factum*, встраивалась в тщательно выстроенную историческую цепь. Выбор событий и персонажей позволил укоренить революцию, так же как и большевиков, в русском историческом процессе, и приискать им достойных предшественников.

Представление о Герцене как о центральном звене революционной цепи будет господствовать в официальной идеологии до конца советской эпохи. Он был превращен в исключительно героическую фигуру в целях социальной сплоченности. В то же время некоторые интеллектуалы советской эпохи (Александр Солженицын, Лидия Гинзбург, Лидия Чуковская, Анна Ахматова или Натан Эйдельман, например) сумели в своих текстах интерпретировать Герцена иначе, чем предписывали официальные нормы. В глазах значительной части советской интеллигенции Герцен всегда оставался особенной фигурой революционного прошлого. Музей А.И. Герцена в Москве, открытый в 1976 г., был известен как место, где царила редкая атмосфера свободы. Здесь выступали поэты, барды и писатели, на которых власть смотрела с опаской, например, Булат Окуджава, Давид Самойлов и Анатолий Рыбаков. Герцен казался интеллигенции все-таки менее радикальным, менее догматичным, чем другие «предки» революции. Он позволял, пусть под защитой периодизации Ленина, выразить «многие темы, понятия и фигуры, запрещенные или заглушенные советской пропагандой»⁶².

В этом смысле начало XX в. было особым интеллектуальным моментом. Юбилей Герцена с его идеей политической преемственности стал показательным примером той интеллектуальной полифонии, которая царила в те годы. Вопреки утверждениям советской историографии, отнюдь не революция 1905 г. погрузила русскую интеллигенцию и либеральных историков в глубокий кризис⁶³. Напротив, в этот период историография русского освободительного движения начала бурно развиваться. Полемика о наследии революционного движения, о революционных традициях, развернувшаяся в печати во время празднования юбилея Герцена в 1912 г., оказала огромное влияние на эту зарождающуюся историографию. Однако торжество сталинизма сделало невозможными независимую публичную интеллектуальную полемику

ку и нестандартную постановку вопроса, столь необходимые для развития исторических исследований. Лишь на исходе «оттепели» обсуждение идейного наследия Герцена возобновилось, как об этом свидетельствует сборник, опубликованный в 1962 г. в связи со 150-летием со дня рождения писателя⁶⁴. Но только после 1991 г. дискуссии о Герцене, да и вообще о русском освободительном движении, стали носить свободный и независимый характер.

С началом политической перестройки в СССР труды либеральных мыслителей начала XX в., преданные поруганию в советские времена, вновь будут опубликованы, а их произведения будут читаться со страстью. Переиздание сочинений П.Н. Милюкова — прекрасный тому пример. Возвратятся к читателю работы и таких либеральных историков, как А.А. Корнилов⁶⁵. Представление о русском освободительном движении, выраженное в этих работах, нашло свое отражение в новых постсоветских школьных учебниках истории либеральной тенденции. Освободительное движение в них все еще интерпретируется как непрерывная цепь, но те, кто в советскую эпоху считались самыми важными звеньями этой цепи, то есть декабристы, Герцен и Чернышевский, описываются уже не как революционеры, а как умеренные деятели освободительного движения. В этих учебниках подчеркнут критический взгляд Герцена на насильственные политические действия, кровавую революцию, подчеркнута его осуждение покушения Д.В. Каракозова, его близость с либералами, Константином Кавелиным или Борисом Чичериным в особенности, цитируется его предсмертное «Письмо к старому товарищу (Бакунину)», которое, Струве, Милюков и Корнилов так глубоко ценили. Ленин теперь описывается не как соратник и продолжатель дела Герцена, а как единомышленник революционеров-экстремистов, «якобинцев» или террористов (П.Н. Зайчневский, С.Г. Нечаев, П.Н. Ткачев)⁶⁶. Впрочем, эта связь, очевидная в советское время для западной историографии и русской эмиграции, была понятна и некоторым современникам Ленина, противникам большевизма (Н.А. Бердяев, например), и даже самим большевикам (М.Н. Покровский). Разница лишь в оценке этой связи.

Однако в середине 1990-х годов эта точка зрения, близкая к самому распространенному представлению о Герцене во время юбилея 1912 г., постепенно уступает место другой. Когда такие западные ценности, как либерализм и демократия, по разным причинам утратили для многих в России свою прежнюю привлекательность, авторы некоторых новых учебниках стали подчеркивать, что деятели русского освободительного движения, от самых умеренных до наиболее радикальных, — враги Российской империи. Декабристы все еще остаются первым звеном революционной цепи, которая ведет к большевикам, но теперь она составлена из «злоумышленников», «заговорщиков» и «фанатиков», которые отрицают Бога и православную церковь и идеализируют Запад (который с точки зрения автора этих учебников — средоточие мещанства, индивидуализма и эгоизма). Герцен же изображен центральным звеном этой цепи, причинившей «бесчисленные несчастья» России и разрушившей царскую империю преступлением и террором⁶⁷.

Случаев такой интерпретации пока не очень много. Слишком сильно укоренено в русской интеллектуальной среде уважение к Герцену. Его продолжают воспринимать как мыслителя, талантливого писателя, умеренного и разумного представителя освободительного движения, не принимавшего позиции «цель оправдывает средства», эмигранта, который сохранил свою любовь к России, оставаясь, однако, «интернационалистом». Наконец, Герцен все еще воспринимается как борец за свободу личности: именно так, как воспринимали его все либеральные участники и 100-летнего юбилея в 1912 г., и 190-летней годовщины со дня его рождения в 2002 г., отмеченной в Музее Герцена. Во время последнего празднования вопросы о наследстве, о генеалогиях, восходящих к Герцену, были снова центральными⁶⁸. Через два года исполнится двести лет со дня рождения Герцена. Будет ли отпразднован этот юбилей? И если да, то кто будет вспоминать его? И можно ставить вопрос так: сегодня, чье наследство Герцена, и кто его наследники?⁶⁹

---

¹ *Розанов В.В.* Почему мы отказываемся от наследства 60—70 годов? // Русские ведомости. 1891. 25 июня. № 185; Он же. В чем главный недостаток наследства 60—70-х годов? // Там же. 18 июля. №192.

² *Михайловский Н.К.* О г. Розанове и о том, почему он отказывается от наследства? // Русское богатство. 1892. Сентябрь; *Ленин В.И.* От какого наследства мы отказываемся? // Полное собрание сочинений. 5-е изд. (далее — ПСС). Т. 2. М., 1967.

³ *Кантор В.К.* Пути и катастрофы русской мысли. Кого будил А.И. Герцен? // Вопросы литературы. 2009. №4. С. 294.

⁴ *Nivat G.* Vers la fin du mythe russe. Essais sur la culture russe de Gogol à nos jours. Lausanne, L'Age d'Homme, 1982. P. 54.

⁵ *Ленин В.И.* Памяти Герцена // ПСС. Т. 18. С. 9—15.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ См., например: *Володин А.И.* Юбилей Герцена 1912 г. и статья В.И. Ленина «Памяти Герцена» // Исторические записки. М., 1969. Т. 67. С. 77—102; *Зельдович М.* К истории статьи В.И. Ленина «Памяти Герцена» // Вопросы литературы. 1957. №3. С. 97—111; *Рейсер С.* Против кого направлена статья В.И. Ленина «Памяти Ленина» // Русская литература. 1962. №2. С. 27—38.

⁸ *Смирнов В.Д.* (псевдоним Е.А. Соловьева) Жизнь и деятельность А.И. Герцена в России и за границей. СПб., 1897.

⁹ См., например: *Милоков П.Н.* Памяти А.И. Герцена (9 января 1870 — 9 января 1900); А.И. и Н.А. Герцены // Из истории русской интеллигенции, СПб., 1902; *Булгаков С.Н.* Душевная драма Герцена // Вопросы философии и психологии. СПб., 1902. Кн. 4/5 (вторая публикация в кн.: От марксизма к идеализму: Сб. статей. СПб., 1903); *Батурицкий В.П.* А.И. Герцен, его друзья и знакомые. СПб., 1904; *Перцов П.П.* А.И. Герцен, 30-летие со дня смерти. СПб., 1902; *Яковлев-Богучарский В.Я.* Александр Иванович Герцен // Научное обозрение. 1900. №8/9; Он же. Три западника сороковых годов (П.Я. Чаадаев, В.Г. Белинский и А.И. Герцен): Историко-литературные очерки. СПб., 1901; Он же. Из прошлого русского общества. СПб., 1904; *Гершензон М.О.* Социально-политические взгляды А.И. Герцена. М., 1905; *Чешихин-Ветринский В.Е.* Герцен за границей // Русская мысль. 1905. Кн. 9; Он же. А.И. Герцен. СПб., 1908; *Родичев Ф.И.* Годовщина // Речь. 1905. 4 июля; *Семевский В.И.* А.И. Герцен // Общественное дело. 1907. №6; и др.

¹⁰ Собрание сочинений А.И. Герцена в 7 томах. СПб., 1905.

¹¹ Полярная звезда. 1905. 15 декабря. №1.

¹² *Струве П.Б.* Идеиные основы партии Народной свободы // Вестник партии народной свободы. 1906. 6 июля. №36. С. 1874. Смотри также его речь, произнесенную на Кружке имени Герцена и опубликованную в газете «Речь» 10 января 1908 г.

¹³ *Струве П.Б.* Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.

¹⁴ См., например: Русские ведомости. 1912. 18 марта. №65; 28 марта. №72; Речь. 1912. 29 марта. №85. Кружок имени Герцена также издал монографию Яковлева-Богучарского о Герцене (Александр Иванович Герцен. СПб., 1912).

¹⁵ Русские ведомости. 1912. 17 марта. №64; Русское слово. 1912. 22 марта.

¹⁶ Там же. 11 апреля. №84. Речь идет о вечере, организованном исторической комиссией учебного отдела Общества распространения технических знаний.

¹⁷ Например, в газетах «Русские ведомости», «Московские ведомости», «Биржевые ведомости», «Русское слово», «Речь», «Новое время», «Живое дело», «Звезда» и в журналах «Русская мысль», «Русское богатство», «Современник», «Запросы жизни», «Современный мир», «Новый журнал для всех», «Вестник Европы», «Просвещение», «Путь», «За семь дней», «Новое дело», «Крестьянское дело», и др.

¹⁸ 25 февраля (Федор Родичев) и 26 февраля 1912 (Нестор Котляревский). Об этом см.: *Корнилов А.А.* Две лекции (Памяти А.И. Герцена) // Речь. 1912. 10 марта. №68.

¹⁹ См., например: L'Humanité. 1912. 4 (17) Avril. №2920; Речь. 1912. 7 апреля.

²⁰ См. отчеты о юбилее за границей: Русские ведомости. 1912. 25 марта. №71; 28 марта. №72; 1 апреля. №76; 5 апреля. №79; 6 апреля. №80 (М.А. Осоргин); Русское слово. 1912. 28 марта. №72; Звезда. 1912. 10 апреля. №28; Речь. 1912. 7 апреля.

²¹ Володин А.И. Указ. соч. С. 90.

²² *Левин К.* Национализм и социализм А.И. Герцена // Просвещение. 1912. №5/7. С. 8—22; *Стеклов Ю.М.* Герцен и Чернышевский // Современник. 1912. №7. С. 319—333.

²³ *Чернов В.М.* Не вовремя родившийся // Заветы. 1912. №1. С. 64.

²⁴ *Струве П.Б.* Герцен // Русская мысль. 1912. №4. С. 131—139.

²⁵ *Бедный Д.* Маленький фельетон, Кукушка // Звезда. 1912. 23 февраля. №12. С. 10—11.

²⁶ *Стеклов Ю.М.* Герцен и Чернышевский. С. 319 и след.

²⁷ *Левин К.* Указ. соч. С. 19.

²⁸ *Плеханов Г.В.* Речь на могиле А.И. Герцена в Ницце // L'Avenir. Paris, 1912. 11 avril.

²⁹ *Ленин В.И.* Памяти Герцена. С. 12.

³⁰ Вечер в память А.И. Герцена // Речь. 1912. 29 марта. №85.

³¹ *Корнилов А.А.* По поводу предстоящего юбилея А.И. Герцена // Речь. 1912. 3 марта. №61.

³² *Чернов В.М.* Не вовремя родившийся. С. 49—50.

³³ *Корнилов А.А.* По поводу предстоящего юбилея А.И. Герцена; Он же, К столетию со дня рождения А.И. Герцена // Запросы жизни. 1912. №12; Он же, Две лекции (Памяти А.И. Герцена); Он же, Жизнь А.И. Герцена // Речь. 1912. 25 марта. №83; *Струве П.Б.* Герцен; Милюков П.Н. Герцен // Речь. 1912. 25 марта. № 83; *Родичев Ф.И.* Великий гражданин // Речь. 1912. 25 марта. №83; *Гершензон М.О.* Герцен и запад // Образы прошлого. М., 1912; *Перцов П.П.* Судьба Герцена // Новое время. 1912. 25 марта; *Чернов В.М.* Не вовремя родившийся; Он же (В. Ленуар), Великий образец самокритики // Заветы. 1912. №1. С. 68—97; Яковлев-Богучарский В.Я. Рыцарь

духа // Речь. 1912. 25 марта. №83; *Котляревский Н.А.* Первый разговор России с западом на общекультурную тему // Биржевые ведомости. 1912. 25 марта. №12854; *Ковалевский М.М.* Герцен и освободительное движение на западе // Вестник Европы. 1912. №5/6. С. 211—244; *Осоргин М.А.* К чествованию Герцена в Риме // Русские ведомости. 1912. 6 апреля. №80; Он же, Герцен в Риме // Там же. 29 марта. №73; *Кропоткин П.А.* (псевдоним Дионео) А.И. Герцен в Лондоне // Русские ведомости. 1912. 31 марта. №75; *Кизеветтер А.А.* Герцен как политик и мемуарист // Русские ведомости. 1912. 25 марта. №71.

³⁴ См. например, Ковалевский М.М. Герцен и освободительное движение на западе. С. 244.

³⁵ Вечер в память А.И. Герцена // Речь. 1912. 29 марта. №85.

³⁶ Там же.

³⁷ *Аркадьин Б.* Кадеты о Герцене // Живое дело. 1912. 30 марта. №11.

³⁸ См. Например: Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции, М., 1909.

³⁹ *Стеклов Ю.М.* Герцен и Чернышевский. С. 320.

⁴⁰ *Чернов В.М.* (В. Лениур) Великий образец самокритики. С. 97; *Ковалевский М.М.* Герцен и освободительное движение на западе. С. 244.

⁴¹ *Котляревский Н.А.* Первый разговор России.

⁴² *Чернов В.М.* Не вовремя родившийся. С. 62.

⁴³ *Мович Л.* Основные линии прогресса. Индивидуализм коллективиста // За семь дней. 1912. №14. С. 358—360.

⁴⁴ *Чернов В.М.* Не вовремя родившийся. С. 62.

⁴⁵ Журнал журналов. О Герцене // За семь дней. С. 362.

⁴⁶ *Гершензон М.О.* Герцен и запад.

⁴⁷ *Котляревский Н.А.* Первый разговор России.

⁴⁸ *Аишишов Н.П.* Сын свободы // Биржевые ведомости. 1912. 25 марта. №12854.

⁴⁹ *Яковлев-Богучарский В.Я.* Рыцарь духа.

⁵⁰ *Перцов П.П.* Судьба Герцена.

⁵¹ *Котляревский Н.А.* Первый разговор России.

⁵² *Струве П.Б.* Герцен. С. 139.

⁵³ *Философов Д.В.* Примирительная встреча // Русское слово. 1912. 25 марта. №71.

⁵⁴ *Струве П.Б.* Герцен. С. 139.

⁵⁵ *Чернов В.М.* Не вовремя родившийся. С. 66.

⁵⁶ *Ковалевский М.М.* Герцен и освободительное движение на западе. С. 243; *Игнатов И.И.* И все-таки движется // Русские ведомости. 1912. 25 марта. №71.

⁵⁷ *Кизеветтер А.А.* Герцен как политик и мемуарист.

⁵⁸ *Кропоткин П.А.* (Дионео) А.И. Герцен в Лондоне; *Милюков П.Н.* Герцен.

⁵⁹ *Луначарский А.В.* Памяти А.И. Герцена // Новая жизнь. 1912. №4. С. 167—191.

⁶⁰ *Плеханов Г.В.* Речь на могиле А.И. Герцена в Ницце.

---

⁶¹ *Осоргин М.А.* Герцен в Риме.

⁶² *Кантор В.К.* Указ. соч. С. 292. См. также статью Ирины Паперно «Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель» (Новое литературное обозрение. 2004. №68), в которой она показывает, как многие мемуаристы возводили свою «духовную генеалогию» к мемуарам Герцена.

⁶³ Многочисленные публикации анализируют «кризис» русской историографии до революции 1917 г. См., например: *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941; *Шапиро А.Л.* Русская историография в период империализма. Л., 1962; *Ковальченко И.Д., Шикло А.Е.* Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX века. // Вопросы истории. 1982. №1; и др.

⁶⁴ Проблемы изучения Герцена / Под ред. Ю.Г. Оксмана и др. М., 1963.

⁶⁵ *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М., 1993.

⁶⁶ См. например: *Павленко Н.И., Ляшенко Л.М., Твардовская В.А.* Россия в конце XVII—XIX веке. М., 1997; *Зырянов П.Н.* История России XIX — начало XX вв. М., 1998; *Шелохаев В.В., Зырянов П.Н.* и др. История России, 1861—1917, М., 1996; *Захарова Е.Н.* История России XIX — начало XX века. М., 2003; *Горинов М.М., Горский А.А., Данилов А.А.* и др. История России. М., 1998; *Левандовский А.А.* История России XVIII — XIX веков. М., 2003; и др.

⁶⁷ См., например: *Сахаров А.Н., Боханов А.Н.* История России, XVII—XIX века. М., 2006; *Боханов А.Н.* История России, XIX век. М., 2005.

⁶⁸ Об этом юбилее, см. *Сироткина И.* Конференция «Три юбилея. А.И. Герцен, Г.А. Гуковский, Л.Я. Гинзбург» // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. №2. С. 396—398.

⁶⁹ Сердечно благодарю Веру Мильчину и Татьяну Симоненкову за помощь в работе над русским текстом этой статьи.

Павел Александрович ТРИБУНСКИЙ
кандидат исторических наук
Дом русского зарубежья
им. Александра Солженицына, Россия

**ПИСЬМА П.Н. МИЛЮКОВА Д.В. СОСКИСУ
В АРХИВЕ ПАЛАТЫ ЛОРДОВ**

Архив Палаты лордов (House of Lords Record Office) — одно из крупнейших хранилищ «Россики» в Соединённом королевстве Великобритании и Северной Ирландии. Первое описание фондов и коллекций архива, содержащих документы по истории России — справочник Д.М. Хартли — вышло в 1987 г.¹. С тех пор техническое обеспечение архивного дела кардинально изменилось, дав заинтересованным пользователям возможность ознакомления с предельно детализированными описаниями материалов на сайте указанного хранилища².

Среди самых известных собраний документов, имеющих отношение к истории российской политической эмиграции в Великобритании, необходимо назвать бумаги барона Стоу Хилла, до получения титула носившего имя Фрэнк Соскис³. Фрэнк был сыном от второго брака эмигранта из России Давида Соскиса⁴ с Джулиет Хюффер. Женитьба ввела Д.В. Соскиса в круг британской интеллектуальной и культурной элиты (Джулиет — дочь музыкального критика газеты «Таймс» Ф. Хюффера, внука художника Форда Мэдокса Брауна). Как результат, Стоу Хилл стал наследником ценнейших материалов трех фамилий (Соскисы, Хюфферы и Брауны) за XIX—XX вв. В течение 1975–1977 гг. Стоу Хилл передал семейное собрание в Архив Палаты лордов. В обработке фонда большую роль сыграли К. Роуклифф и Д. Джонсон, результаты труда которых ныне доступны на сайте Архива⁵. Детализированное описание фонда Стоу Хилла занимает 52 страницы, из которых 14 страниц отведены документам Д.В. Соскиса, хронологически охватываю-

шим 1890-е — 1940-е гг. В составе бумаг Д.В. Соскиса рукописи его работ, подготовительные материалы, печатные издания, корреспонденция на русском, английском, французском и немецком языках, статьи британского ученого Б. Холлингворта, вышедшие в 1975—1976 гг. и посвященные биографии Д.В. Соскиса. Именно Б. Холлингворту принадлежит честь введения в научный оборот материалов фонда Стоу Хилла, относящихся к Д.В. Соскису и, шире, к истории российской политической эмиграции в Великобритании. Начиная с 1990-х гг. материалы из фонда Стоу Хилла начали публиковаться в российской научной периодике британским историком Д. Слэттером⁶.

Отметим, что помимо Великобритании небольшой фонд Д.В. Соскиса, хронологически охватывающий 1890-е — 1920-е гг., есть в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. Р-6398). Туда он попал в 1946 г. в составе Русского Заграничного исторического архива. В свою очередь в пражский архив материалы поступили лично от Д.В. Соскиса (точная дата неизвестна)⁷.

Знакомство и контакты П.Н. Милюкова и Д.В. Соскиса не подлежат сомнению: в конце XIX в. Соскис переводил милюковские «Очерки по истории русской культуры» на французский язык, в годы Первой русской революции Милюков общался с Соскисом в России как с корреспондентом британской ежедневной газеты «The Tribune», в гражданскую войну оба совместно участвовали в антибольшевистских акциях в Великобритании. Изложение контактов Милюкова и Соскиса в работах отечественных исследователей, как правило, строилось исключительно на данных из российских хранилищ. Письма Милюкова к Соскису в Архиве Палаты лордов, на наличие которых указано в обзорной статье Д. Слэттера о материалах по истории российской политической эмиграции в британских архивах⁸, оставались вне поля зрения ученых. В сентябре 2005 г., предварительно заручившись разрешением на доступ к бумагам Стоу Хилла от О.К.Х. Соскиса, мной были исследованы материалы его деда, Д.В. Соскиса, и, прежде всего, относящиеся к П.Н. Милюкову. Задача настоящей статьи — познакомить отечественных

исследователей с содержанием писем Милюкова и попытаться соотнести содержащиеся в них данные с деталями его биографии.

Предварительно несколько слов о состоянии материалов на русском языке в фонде Д.В. Соскиса. Физическая сохранность всех без исключения документов — вполне удовлетворительная. Научная обработка оставляет желать лучшего: в отличие от писем Соскиса на английском, французском и немецком языках, тщательно учтенных британскими архивистами, материалы на русском языке практически не разобраны и не описаны. Для того, чтобы обнаружить корреспонденцию Милюкова, потребовался сплошной просмотр всех русскоязычных документов. В результате удалось отыскать 10 писем Милюкова к Соскису за 1897—1899, 1903, 1904, 1916 гг., которые отложились в двух боксах⁹. Отметим, что в личном фонде Милюкова в России находятся лишь 3 послания Соскиса Милюкову, датированные 1916-м годом¹⁰. Текст ряда писем Соскиса к Милюкову за 1897—1899 гг. известен благодаря практики перлюстрации переписки неблагонадежных лиц: копии четырех писем за 1897—1899 гг. сохранились в фонде заведующего агентурой Департамента полиции на Балканском полуострове¹¹, копия одного письма (1897 г.) — в фонде Заграничной агентуры Департамента полиции¹². В целом, можно говорить о том, что сохранился значительный корпус переписки (за явной лакуной в письмах Соскиса Милюкову за 1903—1904 гг.). Все письма Соскиса датированы по григорианскому стилю. В письмах Милюкова присутствуют два вида датировки: григорианская — начиная с 1 августа 1899 г., и юлианская — до этой даты.

Обзор переписки можно сгруппировать вокруг трех периодов в развитии отношений между Д.В. Соскисом и П.Н. Милюковым. Первый период (1897—1899 гг.) — самый насыщенный и самый плодотворный. Именно к указанным годам относятся 7 писем Милюкова Соскису и 5 писем Соскиса Милюкову. Центральный вопрос переписки того периода — перевод «Очерков по истории русской культуры» Милюкова на французский язык. Помимо него в корреспонденции обсуждаются и другие издательские проекты.

«Очерки по истории русской культуры» в журнальном варианте

(1895 г.), а позже в виде отдельного издания (1896 г.), сделали Милокова хорошо известным российской читающей публике. Успех заставил Милокова задуматься о переводе «Очерков» на иностранные языки. В конце 1896 г. — начале 1897 г. он выслал первую часть труда своему французскому знакомому, лингвисту П. Буайе. По совету Буайе весной 1897 г. за перевод взялся его студент Л. Демей¹³, но, судя по всему, темп работы был невысок. Интенсивность милоковских поисков переводчиков для «Очерков» возросла летом 1897 г., когда он оказался в Париже на вакациях. По-видимому, с подачи коллеги, преподавателя Софийского Высшего училища, эмигранта из России Б.(Я.)Д. Минцеса, незадолго до того благожелательно отрецензировавшего второе издание первой части «Очерков»¹⁴, Милоков связался с эмигрантами Е. Давидсоном, П. Драмасом и Д. Соскисом. Знакомство с последним произошло, скорее всего, летом-осенью 1897 г. в Париже. Первое известное письмо Соскиса Милокову датировано 3 ноября 1897 г.¹⁵

Договоренность с Е. Давидсоном касалась перевода 1-й и 2-й частей «Очерков» на немецкий язык. Их издание состоялось в Лейпциге в 1898 и 1901 гг. соответственно¹⁶.

Детали договоренностей Милокова с Драмасом и Соскисом неизвестны. Последующие события позволяют предположить с большой долей уверенности, что Драмас и Соскис получили от Милокова согласие на перевод 1-й части «Очерков» на французский язык, тогда как работа над 2-й частью была оставлена за Л. Демей. Переписка Милокова и Соскиса за 1897—1899 гг. позволяет восстановить ход работы над переводом.

В письме, датированном декабрём 1897 г., Соскис сообщал о высылке перевода 2-го очерка, ходе работ над введением и 3-м очерком, интересовался, будет ли Милоков специально перерабатывать 1-й очерк для французского издания. Одобрение Милоковым перевода 2-го очерка и возврат его Соскису должны были служить для последнего сигналом к началу поиска издателя. В качестве причин задержки перевода Соскис писал о том, что Драмас нашел некие занятия, которые начали тормозить работу. В чуть более раннем письме (от 3 ноября 1897 г.) Соскис спрашивал у Милокова совета

относительно создания серии переводов исторических романов, идею которой ему предложил секретарь Фонда Вольной русской прессы Л.Б. Гольденберг¹⁷.

В декабре 1897 г. Милюков ответил сразу на оба письма. Он отказывался дезавуировать свое прежнее согласие на перевод Л. Демеем 2-й части «Очерков» (отметим, что подобное требование не содержится ни в одном из сохранившихся посланий Соскиса). В качестве причин, помимо соображений деликатности и собственной выгоды, Милюков называл рекомендации Л. Демеем (из уст П. Буайе?) как человека с литературным стилем и хорошим знанием русского языка, что было немаловажно для 2-й части «Очерков», требовавшей сохранения смысловых тонкостей и оттенков мыслей.

В письме Милюков выражал горячее желание просматривать рукопись перед корректурой, считая это необходимым условием для того, чтобы он мог авторизовать издание. Милюков был недоволен переводом введения, выразив желание его переработать. Он отлично понимал, что подобная переработка может задержать публикацию, но выступал за качественный перевод. Отвечая Соскису на явно несохранившееся послание, Милюков задавался вопросом, что будет, если Драмас не найдет издателя, готового заплатить за труд переводчиков. Подобный исход дела был еще одним поводом для Милюкова не отказываться от услуг Л. Демеем.

Милюков одобрил предложение Гольденберга относительно серии переводов исторических романов, отметив необходимость предварительного изучения списка уже переведенных книг¹⁸.

Следующее по времени послание Соскиса Милюкову датировано 12 февраля 1898 г., место отправки — Париж. Вместе с письмом Соскис пересылал первых три очерка, сообщая, что частые отлучки переводчиков из Парижа («по революционным делам») замедлили темп работ. По заявлению Соскиса, переводя 3-й очерк, он старался держаться ближе к подлиннику, воздерживаясь от сокращений. Полученный от Милюкова поправленный текст перевода 2-го очерка, по словам Соскиса, Драмас переписал и представил известному интеллектуалу, социалисту Л. Эрру (Герру) для напечатания

в Revue de Paris (публикация не найдена). Л. Эрр передал указанный очерк историку Э. Лависсу. Отдельно Соскис обсуждал просьбу Милокова (прозвучавшую, вероятно, в одном из несохранившихся писем) о помощи С.П. Дренцову, редактору «Вятской газеты», который, судя по всему, предлагал Соскису (как ранее Милокову) посылать в газету иностранные издания¹⁹.

Ответ Милокова из Софии датируется по штемпелю (8 марта 1898 г.). Историк сообщил о своих исправлениях в присланном переводе, добавив, что он внес ряд изменений в текст 1-й части. Особо крупные изменения Милоков собирался внести в первый очерк, который он намеревался выслать переводчикам после того, как только он сделал бы эти поправки для готовившегося параллельно немецкого издания. Милоков предупреждал Соскиса, что поправки в конец 1-й части будут высланы им позже, а вот изменения для 2-й части должен был выслать немецкий переводчик в гранках. Милоков проинформировал Соскиса о своем решении написать новое предисловие для французского издания.

Милоков переадресовал Соскису просьбу Л. Демея. Последний был готов начать перевод 2-й части «Очерков» и просил помочь связаться с Соскисом, дабы обсудить вопрос об издателе и запланированном времени выхода книги в свет²⁰.

Очередное послание Милокова недатировано. По ряду признаков оно написано в марте 1898 г. в Софии. Вместе с письмом Милоков переправлял Соскису листы третьего издания «Очерков» (1-й части), относящиеся как к переведенному, так и непереверденному тексту. Милоков настаивал на внесении изменений, что нашли место в третьем издании, а также на поправках и дополнениях немецкого издания. Для французского перевода историк сделал некоторые сокращения в первом очерке.

Милоков обещал выслать просмотренный им перевод остального текста через несколько дней. Задержку он объяснял как своими срочными делами, так и занятостью Соскиса. Планы Милокова (в конце марта или начале апреля он собирался ехать на месяц или полтора в Константинополь и Македонию) вносили свои коррективы в темп просмотра перевода и подго-

товку отдельных предисловий к немецкому и французскому изданиям. Милюков предупреждал Соскиса, что ко времени печатания текста у него могут быть еще поправки. Историк просил сообщить, когда решится вопрос о печатании. Свое письмо Милюков завершал пожеланием получить от издателя две корректуры²¹.

Следующее послание Милюкова из Константинополя датируется по штемпелю (6 мая 1898 г.). Милюков информировал Соскиса о том, что он решил остаться в городе до второй половины (а, может, и до конца мая), предлагая связываться с ним через российское посольство, адресуя корреспонденцию на имя директора Русского археологического института в Константинополе, Ф.И. Успенского. Милюков живо интересовался ходом работ («Черкните, как устроилось дело с переводом»). Он также просил Соскиса зайти к Л. Демей и спросить от его имени, как обстоят дела с переводом 2-й части, которая уже начала переводиться в Германии²².

В недатированном письме Соскиса, написанном, судя по всему, в конце октября 1898 г., сообщалось о напечатании «Очерков» в начале ноября текущего года в типографии Фонда Вольной русской прессы в серии «Социалистическая библиотека»²³. Это краткое послание требует пространного комментария. Прибыв в середине февраля 1897 г. в Болгарию, Милюков практически сразу же сблизился с народником И.Н. Кашинцевым, который под фамилией Калина работал заместителем директора Народной библиотеки. Благодаря Кашинцеву Милюков вошел в контакт с секретарем Фонда Гольденбергом, у которого, вероятно, поинтересовался возможностью напечатания каких-то своих работ в типографии Фонда. В ответном письме от 14 мая 1897 г. Гольденберг соглашался печатать каждую тысячу экземпляров с поправками Милюкова по 20 рублей при условии, что общий тираж будет не менее 4000²⁴. Вряд ли указанная стоимость тиража может быть отнесена к многостраничной 1-й части «Очерков». Тем не менее, какие-то переговоры об издании «Очерков», по-видимому, были проведены, если в октябрьском письме Соскис уже сообщал о начале печатания в ноябре 1898 г. Такой темп работ был возможен, если Милюков предполагал печатать «Очерки» на рус-

ском языке, т.к. времени на перевод на какой-либо иностранный язык было явно недостаточно. Забегая вперед, скажем, что в мае 1899 г. упомянутая книга еще не была отпечатана: Соскис писал о ней, как о готовящейся к изданию²⁵. К слову, она так и не вышла.

Говоря о несостоявшихся издательских проектах Милюкова, в которых Соскис принимал то или иное участие, нельзя не упомянуть о попытке перевода «Очерков» на английский язык. Об этом предприятии мало что известно. Судя по письму Милюкова С.Ф. Платонову от 1 октября 1897 г., первый дал свое согласие на перевод «Очерков» на английский язык²⁶. Исходя из логики событий, согласие было дано, вероятно, летом 1897 г., а фигура Д.В. Соскиса в качестве переводчика представляется весьма возможной. По неизвестным причинам английский перевод не был осуществлен. В 1902 г. Милюков еще надеялся на его скорое появление²⁷, но, как оказалось, безрезультатно. Первое англоязычное издание «Очерков» появится лишь в 1942 г. в США²⁸.

Но вернемся к переписке Милюкова и Соскиса. С осени 1898 г. в ней наступил перерыв. Инициатором ее возобновления стал перебравшийся в Лондон Соскис. Оттуда он и написал 25 мая 1899 г. Свое молчание он объяснял ожиданием от Драмаса известий об издании «Очерков». Отчаявшись получить ответ, Соскис в мае 1899 г. сам поехал в Париж, где и договорился о публикации «Очерков» издательством В. Жиарда и Э. Брие, при условии, что Л. Эрр напишет предисловие. Эрр, уже прочитавший немецкое издание, согласился. По словам Соскиса, печатание должно было начаться в июне 1899 г., с тем, чтобы книга была издана в октябре. Соскис просил выслать письменное разрешение на печатание «Очерков». Он предполагал быть в Париже в августе, откуда собирался сообщить все детали²⁹.

От того времени сохранились два письма Милюкова. Первое, датированное по штемпелю, было отправлено 19 мая 1899 г. ст. ст. из Софии. Второе — без даты, приблизительно конец мая того же года. При чтении первого письма, несмотря на разницу в календарях, возникает ощущение, что Милюков писал его, не получив вышеуказанное послание Соскиса от 25 мая 1899 г.

н. ст., тогда как во втором он уже прямо отвечает на поставленные корреспондентом вопросы.

Письмо от 19 мая 1899 г. Милюков начинал с признания, что, возможно, он не ответил на предшествующее письмо Соскиса (судя по всему, оно не дошло до нас) в виду своей занятости: он дважды ездил в Константинополь и Турцию, вернувшись лишь несколько дней назад. Милюков касался шекотливого вопроса о предисловии для французского издания. С одной стороны, Соскис торопил его с высылкой предисловия, с другой — настаивал на том, что оно не должно иметь вид авторизованного издания. Подготовить новое предисловие в сжатые сроки Милюков не мог. Он предлагал Соскису на выбор: или перевод предисловия из немецкого издания на французский язык, или перевод русского предисловия к «Очеркам» с сокращениями. Милюков оставлял себе плацдарм для отступления, предлагая отложить печатание предисловия до конца печатания книги (как это было в немецком издании). Такая отсрочка позволила бы ему ознакомиться с французской социологической литературой и настроиться на тон, нужный для местного читателя. Свои размышления Милюков заканчивал предоставлением Соскису карт-бланша по вопросу о предисловии к французскому изданию. Вместе с тем Милюков настаивал на получении корректур и отпечатанных листов по мере их печатания. Милюков сообщал Соскису, что через полтора — два месяца он собирался возвращаться в Россию, правда, своего будущего адреса он сообщить не мог³⁰.

Во втором письме Милюков сообщал о высылке требуемого письменного разрешения на печатание «Очерков». Историк искренне радовался тому, что дело с изданием книги наконец-то уладилось. В Софии Милюков предполагал остаться еще на полтора месяца, после чего запланировал переезд. Он обещал сообщить Соскису новый адрес после переезда, оговариваясь, что в случае неполучения последним никаких известий, тому следовало писать на прежний софийский адрес³¹.

Милюков сдержал обещание, отправив 1 августа 1899 г. из Вены открытку, сообщая Соскису о своем отъезде из Софии в Вену, откуда его путь

лежал в Киев. Там историк предполагал пробыть до 28 августа н. ст., заключая: «Дальше не знаю еще, куда поеду»³².

На этом переписка Милюкова и Соскиса первого периода прерывается. Она исчерпала свои коммуникативные возможности, а для возвращавшегося в Россию Милюкова обмен посланиями с политическим эмигрантом был, без сомнения, опасным. Что до издания «Очерков по истории русской культуры» на французском языке, то по неизвестным причинам подготовка публикации затянулась, и первый (он же и последний) выпуск вышел в свет лишь в 1901 г. с предисловием Л. Эрра³³.

Второй период в развитии отношений между Соскисом и Милюковым, получивший освещение в письмах, относится к 1903—1904 гг., когда Милюков проживал в Лондоне, готовя курс лекций для Чикагского университета по балканским славянам, работая над текстом книги по курсу американских лекций 1903 г. и пятого, исправленного и дополненного, издания «Очерков по истории русской культуры». Как указывалось выше, от этого периода письма Соскиса Милюкову не сохранились.

В недатированном письме (судя по штемпелю, полученном 8 декабря 1903 г.) Милюков поблагодарил Соскиса за высланное французское издание «Очерков». Задержку с благодарностью Милюков объяснял срочными статьями (не вполне ясно, о чем идет речь) и своей болезнью. Милюков просил Соскиса назначить день и час встречи³⁴. К этому или иному визиту Милюкова в дом Соскиса может быть отнесена фраза из позднейшего письма последнего: «Много лет тому назад Вы были у нас в этом доме»³⁵.

Во втором недатированном письме (судя по штемпелю, полученном 13 января 1904 г.) Милюков отвечал на вопрос Соскиса о наличии у него отчетов Государственного контроля за 1892—1901 гг. Вместе с тем Милюков приглашал Соскиса посетить его и посмотреть необходимые тому издания³⁶.

Отъезд в апреле 1904 г. Милюкова из Лондона прервал его контакты с Соскисом. Они возобновились в годы Первой русской революции, когда Соскис в качестве корреспондента британской ежедневной газеты «The

Tribune» находился в России. К сожалению, переписка этого времени, если она вообще была, неизвестна.

Третий период в развитии отношений между Соскисом и Милюковым, получивший освещение в письмах, относится к 1916 г., ко времени визита делегации членов Государственного Совета и Государственной Думы в Великобританию. Инициатором возобновления переписки выступил Соскис. В письме от 6 мая 1916 г. он выражал желание встретиться с Милюковым и обсудить, как свои собственные дела, так и дело его друзей-англичан. Соскис также хотел вернуть взятые в свое время у Милюкова книги³⁷. Напряженный график визита не позволил Милюкову вовремя ответить на письмо Соскиса. Лишь 19 мая российский политик написал своему адресату, предлагая два варианта встречи: или при возвращении при проезде через Лондон в начале июня, или в августе, когда Милюков должен был приехать читать лекцию в Кембридж³⁸. В ответном письме от 5 июня Соскис предлагал Милюкову позвонить или ему домой, или в контору, дабы условиться о встрече. Соскис надеялся увидеться с Милюковым, как в июне, так и в августе 1916 г. Соскиса интересовала судьба принадлежавших Милюкову книг, которые первый послал в Claridge Hotel, где должны были остановиться российские парламентарии³⁹. Но обстоятельства не позволили старым приятелям встретиться в июне, о чем Соскис и сообщил в письме от 16 июня 1916 г., параллельно поднимая вопрос о судьбе посланных им книг⁴⁰.

На этом сохранившаяся часть переписки П.Н. Милюкова и Д.В. Соскиса заканчивается. Без сомнения, какая-то часть писем не дошла до нас. Но даже то, что сохранилось, позволяет по-новому взглянуть на уже известные эпизоды и добавить новые детали к биографии Милюкова.

---

¹ *Hartley J.M. Guide to Documents and Manuscripts in the United Kingdom relating to Russia and the Soviet Union. Lnd., N. Y., 1987. P. 179—183.*

² Сайт Архива Палаты лордов см.: <http://www.portcullis.parliament.uk>

³ Соскис (Soskice) Фрэнк (1902—1979) — юрист, политический деятель, член партии лейбористов. Депутат Палаты общин (1945—1966), занимал в правительстве лейбористов посты

заместителя министра юстиции (1945—1951), генерального прокурора (1951), министра внутренних дел (1964—1965), лорда-хранителя малой печати (министра без портфеля) (1965—1966). Соскис был посвящен в рыцари в 1945 г., и стал пожизненным пэром в 1966 г. (барон Стоу Хилла из Ньюпорта, графство Монмаутшир — Baron Stow Hill of Newport in the County of Monmouthshire). В браке со Сьюзан И.К. Хантер Ф. Соскис прижил двух сыновей: Дэвида Уильяма (1942 г.р.), известного экономиста, и Оливера Клаудсли Хантера (1947 г.р.), художника.

⁴ Соскис Давид Владимирович (наст. имя: Соскис Меер-Давид; псевдонимы: Д. Сатурин, Д. Альбионов, Д. Форд) (1866—1941) — революционер, публицист, переводчик, юрист, предприниматель. В эмиграции с 1893 г., в Великобритании — с 1898 г. Сотрудничал в российских и британских изданиях. В 1917 г. входил в состав политического секретариата А.Ф. Керенского. В дальнейшем отошел от политической деятельности.

⁵ <http://www.portcullis.parliament.uk/Dserve/dserve.exe?dsqIni=Dserve.ini&dsqApp=Archive&dsqCmd=Show.tcl&dsqDb=Catalog&dsqPos=0&dsqSearch=%28RefNo=%27STH%27%29>

⁶ См.: «Я бодро смотрю вперед»: Письма Г.В. Плеханова Д.В. Соскису, 1898—1900 гг. // Исторический архив. 1995. №5—6. С. 211—218; «Реакция солидарна во всем мире»: Письма П.А. Кропоткина Д.В. Соскису, 1901—1916 гг. // Там же. 2001. № 1. С. 54—63.

⁷ Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 370—371.

⁸ *Slatter J. Material on Russian Political Emigrants in British Archives, 1850—1917 // The Study of Russian History from British Archival Sources / Ed. by J.M. Hartley. Lnd., N.Y., 1986. P. 136.*

⁹ House of Lords Record Office (далее: HLRO). STH/DS/3/5. Unsorted material (девять писем Милокова Соскису за 1897—1899, 1903, 1904, 1916 гг.); STH/DS/3/1. Bundle 8 (одно письмо Милокова Соскису, 1899 г.).

Архивные реалии Великобритании требуют некоторых пояснений. В Архиве Палаты лордов приняты устоявшиеся ссылки на конкретные фонды. В нашем случае STH — это аббревиатура от Stow Hill papers. Фонд делится на три серии: а) STH/DS — бумаги Д.В. Соскиса, б) STH/BN — бумаги семей Браунов и Хюфферов, в) STH/FS — бумаги Ф. Соскиса, барона Стоу Хилл. В свою очередь бумаги Д.В. Соскиса скомпонованы архивистами в 7 секций, охватывающих все виды сохранившихся документов (секция 3 — это корреспонденция на русском языке). Следующая через разделитель цифра означает номер бокса. В боксе № 1 архивисты попытались рассортировать сохранившиеся письма по алфавиту корреспондентов (письмо Милокова оказалось в 8-й связке). В боксе №5 никакой разборки документов сделано не было, что и отражено в заглавии — «Несортированный материал».

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 579. Оп. 1. Д. 5794. Л. 1—4.

¹¹ ГАРФ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 26. Л. 77—78; Д. 28. Л. 4—4 об., 39—39 об.; Д. 31. Л. 41—41 об. Копия письма Соскиса от 12 февраля 1898 г. сохранилась в фонде Департамента полиции (см.: ГАРФ. Ф. 102. 3-е д-во. Оп. 93. Д. 251. Т. 1. Л. 89—89 об.). Копия письма Соскиса от 25 мая 1899 г. отложилась в фонде Заграничной агентуры Департамента полиции (см.: Russia. Departament politzii. Zagranichnaia agentura, Paris. Hoover Institution Archives. Stanford University (далее: HIA). Box 198. File XVII-f. Folder 1. Document B).

¹² Russia. Departament politzii. Zagranichnaia agentura, Paris. HIA. Box 198. File XVII-f. Folder 1. Document B. Копия тех же материалов в ГАРФ см.: ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 1. Box 198. File XVII-f. Folder 1. Документ В. Отметим, что под названием «Document B» (Документ В) скрываются два письма Соскиса — от декабря 1897 г. и от 25 мая 1899 г. Нумерация листов отсутствует.

¹³ ГАРФ. Ф. 102. 3-е д-во. Оп. 93. Д. 251. Т. 1. Л. 69—69 об.

¹⁴ *Мицес Б.* Рец. на: Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Население, экономический, государственный и сословный строй. 2-е изд. СПб., 1896. Ч. I // Български преглед. 1897. № 1. С. 121—122; *Minzes B.* Eine marxistische Culturgeschichte Russlands // Die Zeit. 1897. 18 September. № 155. S. 182—184.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 26. Л. 77—78.

¹⁶ *Milukow P.* Skizzen Russischer Kulturgeschichte von Paul Milukow / Mit einer Vorrede des Verfassers zur deutschen Ausgabe. Deutsche vom Verfasser durchgesehene Ausgabe von E. Davidson. Leipzig, 1898. Bd. 1; 1901. Bd. 2.

¹⁷ Russia. Departament politzii. Zagranichnaia agentura, Paris. HIA. Box 198. File XVII-f. Folder 1. Document B; ГАРФ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 26. Л. 77—78.

¹⁸ HLRO. STH/DS/3/5. Unsorted material.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 28. Л. 4—4 об.

²⁰ HLRO. STH/DS/3/5. Unsorted material.

²¹ HLRO. STH/DS/3/5. Unsorted material.

²² HLRO. STH/DS/3/5. Unsorted material.

²³ ГАРФ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 28. Л. 39—39 об.

²⁴ ГАРФ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 26. Л. 36.

²⁵ ГАРФ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 31. Л. 41 об.

²⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3548. Л. 41.

²⁷ P.N. Miliukov to C.R. Crane, April, 25, 1902 // Crane family papers. Box 1. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Butler Library. Columbia University in the City of New York.

²⁸ *Miliukov P.* Outlines of Russian Culture / Ed. by M. Karpovich; Transl. by V. Ughet and E. Davis. Philadelphia, 1942. Part I—III.

²⁹ ГАРФ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 31. Л. 41—41 об.; Russia. Departament politzii. Zagranichnaia agentura, Paris. HIA. Box 198. File XVII-f. Folder 1. Document B.

---

³⁰ HLRO. STH/DS/3/5. Unsorted material.

³¹ HLRO. STH/DS/3/5. Unsorted material.

³² HLRO. STH/DS/3/1. Bundle 8.

³³ *Milioukov P.* Essais sur l'histoire de la civilisation russe / Traduit du russe par P. Dramas et D. Soskice; Avec une préface de Lucien Herr. Paris, 1901.

³⁴ HLRO. STH/DS/3/5. Unsorted material.

³⁵ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 5794. Л. 3.

³⁶ HLRO. STH/DS/3/5. Unsorted material.

³⁷ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 5794. Л. 1—1 об.

³⁸ HLRO. STH/DS/3/5. Unsorted material.

³⁹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 5794. Л. 3—4.

⁴⁰ Там же. Л. 2.

Дмитрий Алексеевич ГУТНОВ

доктор исторических наук

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова, Россия

МАТЕРИАЛЫ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА П.Н. МИЛЮКОВЫМ В АРХИВЕ ПАРИЖСКОЙ ПОЛИЦИИ

Хлынувший в Европу после Октября 1917 г. огромный поток эмигрантов из России не мог не оставить безучастными те государственные органы и институты европейских государств, в сферу компетенции которых входило осуществление иммиграционной политики, выдача видов на жительство новоприбывшим беженцам, контроль за политическими настроениями в их среде и т. п. Во Франции этими вопросами занималось полицейское ведомство. Одним из признанных центров русской эмиграции первой волны традиционно являлась столица Франции. Учитывая, что численность «русских парижан» достигла к концу 20-х гг. XX в. по различным оценкам от 100 до 150 тысяч человек¹, именно в делопроизводстве парижской полиции скапливалась наиболее полная информация о числе, расселении, образе жизни, политических воззрениях, способах заработка русских эмигрантов, выброшенных в столицу Франции разрушительной волной русской революции и последовавшей затем Гражданской войны.

И по сей день Архив Парижской полиции хранит довольно многочисленные следы пребывания русских в Париже². В свое время я делал подробный обзор этого архива на одной из конференций, посвященной проблемам зарубежной Россики, организованной Росархивом. В 2000 г. тезисы докладов этой конференции были опубликованы, поэтому я не буду здесь останавливаться на его характеристиках.

Среди прочих дел в этом архивохранилище хранится и досье на П.Н. Милюкова. Документы этого досье позволяют однозначно заявить, что начи-

ная с момента своего приезда во Францию, Павел Николаевич находился в поле зрения французских правоохранительных органов как фигура, серьёзно влияющая на умонастроения внутри русской диаспоры Парижа, а также и в силу обстоятельств, на которых я остановлюсь ниже.

Первые документы этого досье датированы 1919 г. — временем, когда П.Н. Милюков и его супруга получили вид на жительство во Франции, а последние — 1942 г. в связи с констатацией того, что он и после отъезда из Парижа продолжал оставаться председателем наблюдательного совета Русско-французской школы политических и юридических наук — эмигрантского русского учебного заведения, продолжавшего работу в оккупированном немцами Париже.

Как и прочие материалы этого архива, документы, посвященные П.Н. Милюкову, представляют собой продукты полицейско-бюрократического делопроизводства: различные запросы, справки, сопроводительные письма, доклады, отчеты службы наружного наблюдения, донесения о тех политических собраниях, на которых Милюков выступал, отчеты о праздновании его 70 и 80-летних юбилеев, о читавшихся им лекциях и докладах и пр.³ Всего досье начитывает 48 документов различного типа. Имеется несколько автографов самого Милюкова на официальных бланках запросов о разрешении проведения тех или иных мероприятий, и одно его собственноручное заявление в Префектуру по тому же вопросу.

Если попытаться как-то систематизировать все имеющиеся в досье материалы по тематике, то из их числа можно выделить несколько групп.

Первая группа документов посвящена вопросу охраны Милюкова после неудачного на него покушения в Берлине группой ультраправых монархистов в 1922 г. Обстоятельства этого покушения широко известны. У меня нет времени, чтобы еще раз подробно на них останавливаться. Материалы досье показывают, что, вернувшись в Париж, Милюков серьёзно опасался за свою жизнь. Поэтому он обратился к французским властям за защитой. Обращение это, было неофициальным и последовало через МИД, где у Милюкова, по всей вероятности, оставались старые связи. Из переписки ме-

жду французским МИДом и МВД становится очевидным, что при выборе методов такой охраны парижская полиция остановилась на варианте негласного «патронирующего» наблюдения за Милюковым и его женой по месту их жительства и работы. Однако, в ходе начавшейся вслед за тем слежки ничего подозрительного обнаружено не было. Более того, французские полицейские власти в своих отчетах жаловались на то, что не могут охранять Милюкова от угрозы неизвестного характера, исходящей неизвестно от кого.

Между тем, говоря словами отчета Префекта парижской полиции Министру Внутренних дел: «Г-н и г-жа Милюковы производят впечатление людей, подавленных постоянным страхом, и пребывающих в убеждении, что наблюдение ведется за всеми, кто заходит в их дом, поскольку в действительности ни с кем в квартале хорошо не знакомы». О степени запуганности Милюкова говорит тот факт, что он даже на время переехал со своей квартиры на ул. Лериш на конспиративное место жительства.

Контакты же следователей парижской префектуры с самим лидером русских конституционных демократов не внесли никакой ясности, так как Милюков напрочь отказывался называть имена своих информаторов. Причина этого крылась в том, что практически все они находились во Франции нелегально и, назвав те или иные имена, Милюков рисковал обречь этих людей на депортацию. Поэтому парижским фликам приходилось довольствоваться подозрениями, слухами и домыслами самого Милюкова.

А по его информации покушение на него готовила некая монархическая организация «Союз верных» с центром в Мюнхене (Бавария). Среди названных Милюковым имен фигурировали некие Большеakov и Солодовников как непосредственные исполнители готовящегося покушения. Заказчиком же выступал некий русский эмигрант из Праги Кривицкий, оплативший услуги обоих суммой 3000 франков.

Если Солодовников и Большеakov были вскоре идентифицированы как бывшие адъютанты Великого Князя Кирилла, (они, правда, не были обнаружены по месту их прописки), то фамилия Кривицкий вносит в эту ситуацию дополнительную интригу.

Известный советский разведчик Вальтер Кривицкий действительно, если верить последнему исследованию В. Старкова, в это время выполнял ряд деликатных поручений ЧК—ОГПУ в Европе. Однако нигде в существующей литературе по истории отечественных спецслужб нет упоминаний о том, что они готовили устранение Милюкова. Не имея доступа к архивам КГБ—ФСБ, я не могу в полной мере ни утверждать ни опровергать эту информацию.

Что касается организации «Союз верных», то она была создана в 1919 г. Н.Е. Марковым (Вторым) на территории Эстонии. По замыслу ее основателей эта организация напоминала масонскую ложу и делала главную ставку на работу в Красной армии, которая должна была осуществить военный переворот, возглавляемый внедренными в нее членами Союза. Руководящим органом Союза был «Тайный верх», в который входили сам Марков, князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов, сенатор Александр Александрович Римский-Корсаков, генералы Краснов и Гурко. Не вдаваясь в историю этого объединения, можно констатировать что уже сама химерическая идея организация монархического переворота силами Красной Армии давала благодатную почву для контригры советских спецслужб.

Еще одним местом, за которым тщательно присматривали французские флики, была редакция «Последних новостей», которую Милюков бесценно возглавлял с 1922 г. Тем более, что большая толика угроз в его адрес приходила именно на адрес этой газеты. Так, полицейские отчеты свидетельствуют, например, что 17 сентября 1922 г. «Г-ном Милюковым на адрес редакции возглавляемой им газеты «Последние новости», (22. rue d'Anjou) было получено письмо с угрозами расправы, в случае если его газета не прекратит кампанию, ведущуюся против армии Врангеля».

Наконец, в ходе наблюдения обнаружили и малоизвестные детали личной жизни П.Н. Милюкова. Так, регулярное посещение его небольшого отеля по соседству с редакцией «Последних новостей» вскрыло свидания Павла Николаевича со своей старой подругой Ниной Васильевной Лавровой. Они, судя по имеющейся литературе были знакомы еще с 1912 г. Н.В. Лаврова прибыла в Париж также в 1922 г. Связь между ней и Милюковым, судя по

этим материалам с тех пор не прерывалась, а после смерти жены Милюкова, она стала его второй супругой.

Примечательно, что эти пикантные обстоятельства, хотя и заставили французских сыщиков обратить более пристальное внимание на частную жизнь бывшего министра иностранных дел Временного правительства, но никак не изменили ее положительной характеристики. Так, характеризуя его отношения с законной женой, полицейские источники сообщают, что она, «...не обладая какой-либо профессией и не работая, помогает своему мужу во всех его начинаниях в различных русских ассоциациях, соблюдая при этом предельную корректность поведения». Казалось бы, подобная «двойная жизнь» известного политического деятеля должна была больно ударить по его имиджу и положению общественного деятеля. Но только не во Франции. Французские флики на основании вышеизложенных фактов делают заключение о том «частная жизнь четы Милюковых не вызывает нареканий».

В этих же отчетах содержится и ряд упоминаний о сыне П.Н. Милюкова Николае, который, также находясь в Париже, совершенно не общался с отцом. После возвращения с фронта, он не разделял либеральных убеждений родителя. Зато есть свидетельства того, что Николай Милюков работал таксистом, часто в компании бывших офицеров белой армии бывал в русских ресторанах на северо-востоке Парижа, где не раз привлекался к ответственности за драки, участие в «русской рулетке» и прочих дебошах.

В конце концов французская полиция убедилась в том, что никакой непосредственной угрозы жизни П.Н. Милюкова от местных русских монархических организаций нет. В докладе на имя министра Внутренних дел Префект парижской полиции выразился на сей счет еще более определенно: «Множество русских монархистов в столице Франции постоянно выражают свое раздражение Милюковым поскольку они составляют партию, ответственную за бедственное положение, сложившееся на их Родине. Они продолжают словесные баталии в своих газетах, в ходе еженедельных частных собраний Ассоциации русских монархистов, или в ходе еженедельных обедов в монархическом обществе... Во всяком случае, эти монархические организа-

ции не проявляют в совершенно никакой практической активности в отношении Милюкова и его семьи.

Вторая большая группа документов досье связана с проводимыми Милюковым публичными мероприятиями и его политическими выступлениями от своего имени или от имени возглавлявшегося им республиканско-демократического объединения в различных аудиториях. В основном это разрешительные документы на проведение тех или иных собраний в тех или иных местах. Любопытно, что префектура не вдавалась в политическое содержание этих речей. Для парижской полиции было гораздо важнее, не вызовут ли они разного рода публичных инцидентов, типа драк, битья стекол, порчу мебели и т. д. Тем не менее, на большинстве из официально разрешенных мероприятий присутствовали агенты в штатском (если рабочий язык был русским — то со знанием русского языка) и впоследствии на стол префекта ложились краткие справки о характере проведенного собрания, темах выступлений и личностях ораторов, числе участников, платы за билеты и пр. Правда, для современного исследователя эти материалы хотя и представляют интерес, но косвенный. Как правило, газета «Последние новости» регулярно публиковала отчеты о собраниях и доклады, произносившиеся с их трибун П.Н. Милюковым. Хотя иногда именно полицейские отчеты и оживляют наши знания о происходивших в эмигрантской среде событиях (пример Монархического съезда 1925 г.).

Примыкают к этой группе документов сообщения о 70 и 80-летнем юбилеях «патриарха русской политической сцены», которые отмечались эмигрантской общественностью в Париже в 1929 и 1939 г. Если 70-летие Милюкова, говоря словами полицейских отчетов «не выходило за рамки интимного торжества», то 80-летие было проведено с большим размахом, включавшим торжественную часть с приглашением множества делегаций из славянских государств, русской эмигрантской и французской научной общности, зачитыванием приветственных адресов и речей, банкетом на 300 персон и концертом, состоявшимся в одном из фешенебельнейших отелей Парижа — «Лютетии».

Наконец, еще одна тема французских полицейских отчетов – это публичные выступления П.Н. Милюкова в качестве ученого и общественного деятеля перед студенческой аудиторией французских и русских эмигрантских учебных заведений. В этих документах сохранились свидетельства выступлений Милюкова в Сорбонне, парижской школе политических наук, Русском народном университете в Праге, публичных лекциях в Оксфорде и пр. Судя по сообщениям о тематике выступлений П.Н. Милюкова, то они, по преимуществу, касались не столько вопросов русской истории, сколько текущей политики в связи с сюжетами дипломатического признания СССР, приглашения СССР в Лигу Наций, нарастания угрозы войны в Европе и на Дальнем Востоке, слома Версальской мирной системы и пр. Интересно, что даже после своего отъезда из Парижа на юг Франции в 1940 г. Милюков продолжал фигурировать в отчетах полиции как член попечительских и наблюдательных советов многих французских и русских учебных заведений, работавших в Париже в период оккупации.

Подводя итог всему сказанному, можно констатировать, что материалы наружного наблюдения парижской полиции расширяют наши знания о жизни лидера русских конституционных демократов в эмиграции, хотя и не вносят каких-то кардинально новых изменений в уже известную историкам картину этой жизни.

---

¹ АРРР. ВА 346. Rapport 15.08.1934.

² Обзор фонда Архива Парижской полиции см: *Гутнов Д.* Русская эмиграция в Париже глазами парижской полиции // Зарубежная архивная Россия. Итоги и перспективы выявления и возвращения. Материалы международной научно-практической конференции, 16—17 ноября 2000 г. М., 2001. С. 72—75.

³ АРРР. ВА 2016. Rapport 28.02.1929.

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ В ОБЛАСТИ
ВОЙСКА ДОНСКОГО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ЛИБЕРАЛЬНЫХ ИДЕЙ**

Особенности социально-экономического и политического развития Донской области, самостоятельность местных партийных лидеров наложили отпечаток на программные и тактические установки местных либеральных организаций, обусловив их специфику. Организации политических партий, функционировавших в ОВД, не могли не учитывать социальную специфику региона и наличие в нем такой особой этно-сословной группы, как донское казачество.

Наиболее важными вопросами для казачества Дона были проблемы политико-правового положения в составе Российской империи, его роли в событиях революции 1905—1907 гг. и земельный вопрос.

Местные либералы выступали за сохранение казачества как этно-сословной общности в составе Российской империи. Кадетские организации в казачьем Новочеркасске, в окружных станицах ОВД никогда не выдвигали этот пункт программы как первоочередное требование партии. В ходе предвыборных кампаний кадеты дополнительно объясняли смысл данных программных положений, доказывали, что они ни в коей мере не требуют уничтожения сословной обособленности казачества и уравнивания его в правах с другими классами общества, особенно с крестьянством, и вообще «не стремятся к уничтожению казачества как особой исторически — социальной и бытовой группы». В.А. Харламов, обращаясь к казакам, считал своим долгом заявить: «Среди казачьего населения распространились заведомо ложные

слухи, будто партия народной свободы включила в свою программу пункт об уравнивании казачьего населения ... с крестьянами ... Эти слухи измышлены врагами партии»¹. В кадетском предвыборном рупоре — газете «Новочеркасский курьер» рефреном звучало: «У казака нечего отнимать, чтобы голодного (крестьянина — прим. М.Б.) сделать сытым, никто не станет отнимать кусков у полуголодного (казака — прим. М.Б.)»².

Местные либералы добавили в партийные программы специальные разделы, касающиеся военной службы казачества. Кадеты подняли вопрос о неправомерности использования казаков для исполнения ими полицейских функций. Причиной этому послужили действия правительства, выразившиеся в намерении использовать казачьи воинские подразделения для борьбы с внутренними врагами государства. В программу отдельным пунктом было внесено требование: «Полицейская служба регулярных и иррегулярных войск должна быть отменена»³. Кадеты были убеждены в том, «что казачьи войска ни в коем случае нельзя употреблять для усмирения народных волнений в России»⁴. «Иначе, — предупреждали кадетские партийные лидеры, — на казаков справедливо и тяжело обрушится общая ненависть всего русского народа»⁵.

Конституционные демократы выступали с требованием «раскрепощения казачества», облегчения материального положения казаков, тяжести воинской повинности. Для этого, по мнению кадетов необходимо было в казачьих войсках уничтожить приготовительный разряд, вторую и третью очереди и осуществлять снаряжение казака на службу за государственный счет⁶. Донские радикал-либералы, считая поголовную службу несправедливой и разорительной для казака, предлагали число первоочередных полков сократить с 17 до 6⁷. Для отбывания действительной службы (по кадетскому программному проекту служить казак должен был не более двух лет⁸), по их мнению, должно было набираться тоже процентное количество лиц призывного возраста, как и в прочих губерниях Российского государства⁹.

Важной составляющей программных требований донских радикальных либералов по проблемам местного самоуправления являлась идея обла-

стной автономии, так называемого областничества. Региональные кадеты предприняли попытку соединить общедемократические и сословные требования, дополнив общепартийные документы положениями, нацеленными на удовлетворение потребностей казачества, главным чаянием которого было введение широкого местного самоуправления.

Следует иметь в виду, что защищали требования автономии казачьего края исключительно кадеты — казаки. Эта идея была сформулирована в программе казачьей фракции во II Государственной думе. Программа предусматривала восстановление утраченных демократических порядков в казачьих войсках и их автономию. Войсковое управление должно объединять органы местного самоуправления и органы правительственной власти, установленные общероссийским законодательством в соответствии с государственными потребностями. Представителем высшей администрации и судебной власти провозглашался войсковой атаман, избираемый казачьим населением и утверждаемый царем. На основании всеобщего избирательного права должен был выбираться сроком на три года главный орган самоуправления — Войсковой круг, обладающий законодательной инициативой по всем без исключения вопросам казачьей жизни, который назначал бы на определенный срок исполнительный орган — Войсковое правление и должностных лиц¹⁰. Ведению Круга подлежали и «общие порядки по казачьему землевладению и землепользованию», а так же все вопросы, связанные с отбыванием воинской повинности. Проект программы закреплял сословную обособленность казачества, органы самоуправления должны были избираться исключительно казачьим населением Донской области. Предполагалось возродить даже выборность казачьего духовенства на Дону¹¹, и это несмотря на то, что процент иногородних прихожан даже в станицах был достаточно значителен. В дальнейшем, кадеты отошли от столь радикального проекта казачьего самоуправления. В измененном варианте, внесенном в III Думу, атаману предписывалось осуществлять надзор за правозаконностью действий выбранных властей и за действиями станичной администрации; учреждалось также вы-

борное окружное собрание, которое выбирало администрацию своего округа¹².

Донские кадетские партийные лидеры поднимали проблему войсковых капиталов, считая их достоянием войскового населения, добивались того, чтобы казаки стали хозяевами войсковых капиталов, расходовали их на необходимые культурные и экономические нужды¹³.

В проекте донских кадетов (вместе с другими думскими депутатами в составе казачьей фракции) возродилась идея Войскового круга, как исключительно казачьего представительного органа для разрешения казачьих дел. Донские радикальные либералы считали необходимым создание на Дону самоуправляющихся органов двух видов: войскового — для управления казачьим элементом и общеземского. Войсковой круг должен был иметь первенство перед областным земским собранием, в котором объединялись представители всего населения области, без различия сословий.

Таким образом, донские кадеты ставили на повестку дня самый злободневный и важный вопрос казачьего населения — проблему политико-правового положения казачества как военного сословия в составе Российской империи. Они добивались либерализации системы милитаристского, военно-бюрократического управления казачьими войсками, доказывали необходимость немедленного введения в казачьих областях широкого местного самоуправления на выборных началах. Концепция федерализма была принята либеральной мыслью, однако, в своеобразной трактовке. Субъекты не привязывались к нациям, а тем более этносам. Выход усматривался не в выборе в пользу одной из крайностей — федерализма или централизма, а в предоставлении статуса автономии казачеству.

Наличие программных документов местных отделов партии народной свободы, заявления их лидеров (казачьего происхождения) и публикации органов печати кадетского направления служат, на наш взгляд, доказательством того, что часть донских кадетов разделяли идеи казачьей автономии региона.

Еще одним аргументом в пользу данной точки зрения является участие ряда донских кадетов-казаков в парламентской группе «автономистов», которая добивалась децентрализации государственной власти на демократических началах и на принципе широкой автономии областей, установленной законами Российской империи, но на основе «нераздельности и неприкосновенности границ Российского государства как единого целого»¹⁴. Члены этой группы подчеркивали, что «организовываясь на основах представительства областей, а не национальностей, стремятся не к национальной обособленности, а к децентрализации государственного управления»¹⁵. Областная окраска политических позиций местных кадетских организаций, обусловленная спецификой развития и статуса Донского региона в России, создавала основу для их сближения с деятелями Донского казачьего союза и ряда других казачьих организаций. Известно, что члены партии свободной свободы (Н.А. Елкин, Н.А. Захарьев, В.А. Харламов др.) были одними из организаторов и создателей казачьей организации «Донцы»¹⁶ и «Донского казачьего союза»¹⁷.

Но для кадетов, отстаивающих идеи областничества, характерно видение предпочтительного для России варианта реформ в духе буржуазного парламентаризма и отказ от последовательного сепаратизма. Кадеты с негодованием отвергали обвинения в политическом сепаратизме, понимая таковой как стремление к отделению части государства от целого. Так, В.А. Харламов подчеркивал: «Мы никогда не изменяли государственному единству России, ... протестовали против расчленения России»¹⁸. Поэтому кадеты трактовали идею донской казачьей автономии лишь как требование экономической независимости и его права на культурное самоопределение.

Использование областнических идей донскими кадетами, как нам представляется, нельзя объяснить исключительно прагматическими, своекорыстными мотивами. Следует учитывать, что стремление обеспечивать компромисс между различными социальными слоями, является неотъемлемой чертой либерализма вообще. В этом отношении требования создания Войскового круга действительно приобретало для кадетов не только программ-

ное, но и тактическое звучание, поскольку рассматривалось как возможная идейная основа для соглашения между различными потоками оппозиционного движения в интересах общественного переустройства России, как «особый стимул», позволяющий сделать общедемократическую борьбу за конституционные права более понятной и притягательной для местного населения.

Стремление обеспечить компромисс различных политических сил во имя интересов конституционного развития, сомкнувшись с искренней убежденностью в специфике условий Области войска Донского, а также с осознанием невозможности централизованного управления в государстве с огромной территорией и социокультурной разобщенностью населения, послужило одним из оснований идейной общности местных кадетов с казачьими организациями. Поэтому, очевидно, нецелесообразно считать обращение кадетов к областнической фразеологии лишь ловким маневром с целью введения масс в заблуждение относительно классовой сущности позиций своей партии. Местные кадеты попытались адаптировать исторические традиции казачества к определяющим ценностным ориентирам мировоззренческой парадигмы неолиберализма.

Таким образом, в рамках доктрины неолиберализма приоритетное звучание приобрели проблемы политического переустройства вообще и политического реформирования Области войска Донского, в частности.

Особенно явственно региональная специфика проявилась в политических позициях кадетов, более чутко реагиовавших на практические запросы населения Области войска Донского и особенно донского казачества. Учет особенностей развития и статуса региона в России обусловил казачьи областнические тенденции в их проектах политической реорганизации общества, предопределил выдвижение отсутствовавших в общепартийной программе требований либерализации управления ОВД, переустройства войскового управления, введения земства. Все либеральные партии, функционировавшие в ОВД, кроме кадетов, были отрицательно настроены по отношению к предоставлению Дону так называемого «областничества».

С особым вниманием донские либералы отнеслись к охране интересов донского казачьего населения при решении аграрного вопроса.

Донские кадетские лидеры исходили из того, что решение земельного вопроса, разработанное центральной программой партии, совершенно не приемлемо к казачьему населению Донской области. «Этот вопрос решать надо не в Питере, — заявляли они, — а на месте, на Дону»¹⁹. Поэтому донские кадеты, выработали свой вариант решения аграрного вопроса применительно к Области войска Донского. На наш взгляд, данный вывод требует пояснения. Во-первых, казачью вариацию решения аграрного вопроса разрабатывали исключительно кадеты казачьего происхождения; во-вторых, программа со специально включенными разделами, касающимися реформирования Донской области была принята только Донским комитетом партии, во главе которого стояли новочеркасские кадеты — казаки. Остальные кадетские партийные организации на Дону сознательно отказались рассматривать земельный вопрос в ОВД отдельно от решения аграрной проблемы всей России.

Вопрос о наделении казаков землей был выделен в особый программный раздел Донским комитетом партии и рассматривался отдельно от крестьянского. В.А. Харламов так обосновывал необходимость данной меры: «Особенности казачьего землевладения требуют осмотрительного решения этого вопроса. Нельзя ставить в один разряд крестьянские и казачьи земли, ... казачьи земли необходимо выделить из общего рассмотрения»²⁰. Член комитета Новочеркасской группы В.И.Попов, на втором съезде конституционно-демократической партии, состоявшемся 5—11 января 1906 г., доказывал, что земельный вопрос в ОВД имеет свою специфику и при его решении необходимо учитывать особенности казачьего землевладения²¹.

Донской комитет партии народной свободы, обращаясь казакам со специально выработанной для них программой — воззванием, заявил: «Среди казачьего населения распространились заведомо ложные слухи, будто Партия Народной Свободы включила в свою программу уравнение земельно-

го довольствия казачьего населения с крестьянским. Слухи эти измышлены врагами партии»²².

В аграрной комиссии I Государственной думы вопрос о казачьих землях, не без участия донских кадетов, был выделен в особую категорию. Члены комиссии были убеждены в том, что «в интересах успеха аграрной реформы не желательно вооружать против нее многочисленных земледельцев – казаков, а потому следует их наделные земли оставить, как частные наделные крестьянские участки, считать их неприкосновенными и под принудительное отчуждение не подводить»²³.

Донские кадеты отстаивали право неприкосновенности войсковых земель, были глубоко убеждены в том, что эти земли не должны подлежать отчуждению и поступлению в государственный земельный фонд. Со страниц газеты «Донская жизнь» местные лидеры партии народной свободы провозглашали: «Войсковая земля должна оставаться у казаков на прежнем основании, и никакое вмешательство не допустимо, если нежелательно кровавое столкновение»²⁴. В.А. Харламов в работе «Казачий земельный вопрос» заявлял определенно: «Казачий войсковой запас должен остаться неприкосновенным, несмотря на аграрную реформу. Войсковые запасные земли, предназначавшиеся на пополнение станичных юртов, должны быть отданы только казакам»²⁵. Областной кадетский комитет выступил за то, чтобы все свободные войсковые земли, являясь общеказачьей собственностью, были переданы станичным комитетам для равномерного распределения между казаками²⁶. Такая мера вызвала негативную реакцию местных кадетов — не казаков. Так, ростовский член бюро кадетской группы кадет М.О. Берберов указывал на необходимость передачи войсковой земли не только казакам, но и крестьянам²⁷.

Региональные кадеты планировали передать «станичным обществам для равномерного распределения между казаками» вместе с земельным войсковым запасом еще несколько разрядов земель: войсковые земли, отведенные под частное коннозаводство в Донской области (конноплодовые табуны при этом должны были быть уничтожены)²⁸; земли, находящиеся в распоря-

жении конного Провальского завода; при Манычских соляных озерах; под лагерями молодых казаков²⁹. Все обозначенные выше категории земель должны были служить своеобразным переселенческим фондом для нуждающихся казаков.

Требование об отчуждении частновладельческой земли и вопрос о выкупе донские кадеты пытались «привязать» к казачьим особенностям землевладения и землепользования. Считая невозможным восстановить «исторические права» войска Донского на частновладельческую землю (казаки желали восстановления прав казачьей общины на всю землю в пределах ОВД, а крестьянские поселения, основанные на войсковой земле, хотели вынести за её пределы), кадеты убеждали казаков в том, что крестьяне тоже нуждаются в земле, и «во имя нужды народной, нужно поступиться частью своей бывшей, а теперь находящейся в частном владении, землей»³⁰. Донские либералы категорично выступали против тенденций, которые отчетливо проявились и муслировались среди казачьего населения с подачи казачьей администрации о выселении иногороднего населения за пределы Донской области. Так, региональные лидеры кадетской партии в беседе с премьер-министром П.А. Столыпиным в 1910 г. доказывали невозможность, и пагубность таких мер³¹.

Пункт №34 программы донского отдела кадетской партии был сформулирован следующим образом: «Земельная нужда крестьянского населения области может быть удовлетворена только путем отчуждения, где это необходимо, за справедливую цену частновладельческих земель, земель государственных, удельных, кабинетских и монастырских, а отнюдь не казачьих»³².

Донской кадетский земельный проект предлагал распределить отчуждаемую частную земельную собственность следующим образом. Так называемые потомственные частновладельческие земли (нарезанные помещиками на крестьян после реформы 1861 г.) предполагалось отдать крестьянам. А пожизненные и срочные земельные участки (которые были отмежеваны из запасного войскового фонда, предназначенного для пополнения казачьих юртов и отданы дворянам и чиновникам), конституционные демократы же-

ляли передать казакам³³. Оговаривая более подробно этот последний пункт, они уточняли: «Если после этого казачья нужда будет удовлетворена, то остаток земли может быть предоставлен крестьянам, но за государственный счет»³⁴. Своеобразно решался местными кадетами и вопрос о выкупе частновладельческой земли. Часть донского казачьего населения предъявляла претензии на частновладельческие земли, как на их бывшее, несправедливо отнятое, общинное достояние и хотела вернуть эти земли безвозмездно, без выкупа. (Речь идет об общевойсковой земле, которая была передана в частную собственность казачьему дворянству; казачьим чиновникам, и крестьянам, которые после 1861 г. получили свободу.) Местные кадеты выступали категорически против идеи безвозмездного отобрания частновладельческой земли. «Разрешить так вопрос, — доказывали они, — значит, отвергнуть законы о частной собственности»³⁵; «с принципом частной собственности мы должны считаться. Частная собственность оформилась законом, отрицать эти законы нельзя»³⁶.

Вознаграждение (выкуп) частновладельческих земель за крестьян, по мнению региональных кадетов, должно было выплачивать государство, а за казаков — войско, из своих капиталов. «Войско не может заставить государство произвести выкуп, — аргументировали местные члены партии народной свободы, — оно должно само выкупать землю и иметь её как запасной фонд, а получаемая с неё арендная плата пойдет на погашение затраченного капитала»³⁷.

Во II Государственной думе донские кадеты в программе казачьей группы выработали более радикальный проект разрешения аграрного вопроса в ОВД. Они настаивали, во-первых, на возвращении казачьему населению войсковых земель всех категорий; во-вторых, принудительного отчуждения частновладельческих земель для трудящегося земледельческого населения (крестьян и казаков). В этом проекте уже ничего не говорилось о необходимости выкупа. Подробно проговаривалась лишь необходимость безвозмездного отчуждения в войсковую общеказачью собственность монастырских, церковных земель и земель, которые проектировалось отдать офицерам и

чиновникам³⁸. Механизм наделения землей должен был выработать Войсковой круг, избираемый на основе всеобщего избираемого права, вместе с «местными комиссиями, состоящими из всего коренного населения области»³⁹. Во время работы I и II Государственных дум местные кадетские проекты решения аграрного вопроса не были рассмотрены, так обе думы были распущены царскими указами досрочно.

Итак, радикальные либералы настаивали на том, чтобы земельным фондом в казачьих областях могли распоряжаться только казачьи органы самоуправления, а общинные земли, переданные ранее в качестве наград различным гражданским и военным чиновникам, должны были быть возвращены станицам путем принудительного отчуждения у прежних владельцев. Кадеты исходили из принципа сохранения казачьего самоуправления и казачьих привилегий.

Поддерживая официальное руководство партии в выборе варианта решения аграрной проблемы, кадеты Дона вместе с тем считали своим долгом разработку региональной программы, учитывающей местную, в первую очередь казачью, специфику социально-экономического развития. Эта специфика предопределяла, на их взгляд, исключительное значение казачьего вопроса в комплексе назревших реформ в области. Донские либералы, разрабатывая самостоятельные варианты решения аграрной проблемы, предприняли попытку учесть казачью земельную идеологию, суть которой сводилась к двум основным началам: принадлежность занятых казаками земель всему казачьему войску и казачьи демократические порядки землепользования. При этом они не желали выходить за рамки либерального мировоззрения, предполагавшего поступательность, эволюционность процесса общественных изменений. Эти особенности нашли отражение в программных установках донского областного отдела партии народной свободы, придав им местный колорит. В то же время, эти особенности предопределили противоречивость проекта социально-экономических преобразований, предлагавшегося местными кадетскими идеологами и обрекли его на отсутствие внутренней целостности.

Таким образом, намечавшиеся донскими кадетами меры по улучшению положения крестьянства и казачества края несколько выходили за рамки общепартийной программы. Оттеняя особенности регионального статуса казака, они не давали, на наш взгляд, крестьянину дополнительный импульс для обретения им роли самостоятельного субъекта общественной жизни и экономических отношений.

В целом, поддерживая требования общепартийной программы, кадеты Дона проявляли и определенную самостоятельность в поиске вариантов модернизации социально-экономических отношений. При этом в их позициях проявилась специфика двоякого рода. С одной стороны, особенности экономического развития Области войска Донского обусловили обращение кадетов к разработке комплекса мер регионального характера, что придало соответствующее своеобразие и колорит их программным документам. С другой стороны, установки местных кадетских организаций по проблемам социально-экономического развития шли в русле их автономистских устремлений. Донские кадеты не хотели уничтожения казачьей военной общины, в своих программных проектах они сохраняли феодальную систему казачьего землепользования и землевладения, которая убивала хозяйственную инициативу казаков, выкачивала из них большие средства на непроизводительные цели (экипировку казаков для службы) и создавала преграды развитию капитализма, интересы которого требовали расширения частного землевладения. Основными факторами, предопределившими такого рода отклонения от официальной программы партии со стороны донских кадетов, являлись, по-видимому, особенности социальной базы местных отделов, связанные с существованием в регионе донского казачества, а также логика политической конкуренции, заставлявшая провинциалов чутко реагировать на изменения умонастроений населения. В силу этих причин в проектах модернизации социально-экономических отношений, предлагавшихся кадетами Дона, довольно отчетливо ощущается дух казачьего автономизма.

Анализируя программные установки донских кадетов можно обнаружить ряд нестыковок во взглядах, свидетельствующих, на наш взгляд, о

противоречивости позиций радикальных либералов. В одних публикациях кадеты признавались, что не являются «большими поклонниками древних времен казачества»⁴⁰, и «не ставят своей задачей восстановление исторической справедливости казаков, так как это будет несправедливо по отношению к другим»⁴¹. В других же статьях кадеты признавались, что не могут не считаться со спецификой региона, заявляли о себе, как о главных защитниках казачества. Со страниц партийных газет они обещали казакам добиться в Думе возврата к казачьему самоуправлению и красноречиво декларировали: «Только стойкие защитники народной свободы, выбранные казаками в Думу, могут вернуть Дону его старые права и вольности»⁴².

Конституционные демократы на Дону, на наш взгляд, более точно, чем октябристы учли особенности казачьей ментальности, в том числе, даже и националистические настроения. «Региональная мимикрия» политической платформы и гибкости учета социальной идентичности электората кадетов проявлялась в диапазоне от принятия «великорусского шовинизма» казачества и православия и народности крестьянства до поддержки национально-религиозных меньшинств, в том числе представленных местной интеллигенцией. Успех радикальных либералов на выборах в Государственную думу всех четырех созывов зависел от того, что они были наиболее «чувствительны» к групповым интересам казачьего электората, смогли адекватно отразить эти интересы в своих предвыборных программах.

На основании выше изложенного можно сделать следующие выводы. Кадетские проекты социально-экономических реформ отличал детализированный подход к обоснованию предлагавшихся вариантов. К тому же в них содержались, и практические предложения по осуществлению намечавшихся мер. Наиболее отчетливо прагматичность кадетов Дона проявилась, пожалуй, в постановке региональных проблем. Тщательный учет специфики социально-экономического развития края являлся характерной чертой их проектов.

Подчеркнутое внимание к интересам донского казачества, присущее филиальным отделениям либеральных политических партий, стало дополнительным объединяющим моментом в позициях кадетов и октябристов ОВД

по политическим и социально-экономическим вопросам. При этом в постановке региональных проблем радикал-либералы проявили больший размах, чем традиционалисты. Если октябристские проекты имели целью, прежде всего, гарантировать сохранение жизненного пространства казачества перед иногородним крестьянским населением, то кадеты понимали свое предназначение защитников интересов казачьего населения гораздо шире. Они рассматривали региональные вопросы в контексте требования экономической независимости края и обеспечения казачьей автономии ОВД.

Отечественный исследователь С.М. Маркедонов, анализируя политические воззрения казачьей интеллектуальной элиты в начале XX в. на будущее казачества, приходит к выводу о том, она разделилась в своих воззрениях на «русофилов» и «казакоманов» (традиционалистов). «Первые выступали за разрушение «великой китайской стены» между Доном и остальной Россией, предоставление казакам возможности оставлять военную службу, получать образование, заниматься предпринимательством, наукой, искусством. Вторые считали недопустимым «открытие» Войска Донского»⁴³. Детальный анализ программ, взглядов донских либералов не позволяет нам причислить их ни к одному из двух лагерей, обозначенных С.М. Маркедоновым. Либералы, с их идеями автономии, казачьего самоуправления не походят, на наш взгляд, под определение «русофилов», недовольных сохранением «острова традиционализма», отказом государства от «огражданивания» донцов. Но, в то же время, их с либеральными ориентирами они не попадают и в разряд «казакоманов» — традиционалистов, недовольных нарушением устоев Войска Донского и неписаного правила «Дон для донцов». Можно предположить, что местные радикальные либералы попытались предложить свой либеральный вариант, ввести казачьи этно-сословные ценности в либеральный дискурс. Вопрос о том, возможна ли теория, сочетающая приверженность либеральным ценностям и поддержку казачьего этно-сословного своеобразия, по-видимому, не относится к числу простых. На наш взгляд, едва ли можно говорить о наличии определенного либерального варианта, скорее всего это была сумма различных ситуативных

ответов, не имеющих под собой общей концептуальной основы. Региональный материал подводит к выводу о том, что едва ли можно говорить о либерализме как о некоей целостной доктрине, скорее, это определенная традиция политической философии, отличающаяся приверженностью определенным принципам и ценностям, которые, однако, могут по-разному ранжироваться и интерпретироваться⁴⁴.

---

¹ Донская жизнь 1906. 9 апреля.

² Новочеркасский курьер 1907. 26 января.

³ Программа конституционно-демократической партии (народной). Донская группа партии. Раздел IX. «Военная служба». Пункт № 57 // Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО) Ф. Р—12. Оп. 1. Д. 110. Л. 1 (далее — Программа КД).

⁴ Программа донской группы конституционно-демократической партии. Местные вопросы // Приазовский край. 1905. 21 ноября (далее — Программа донской группы КД).

⁵ Там же.

⁶ Программа КД. Раздел X. «Казачий отдел». Пункт №58; Приазовский край. 1906. 25 марта.

⁷ Программа донской группы КД.

⁸ Программа КД. Раздел IX. «Военная служба». Пункт №56.

⁹ Там же. Раздел X. «Казачий отдел». Пункт №58.

¹⁰ *Петровский А.И.* Донские депутаты во 2-й Государственной думе. Историческая справка. СПб., 1907. С. 123—124; *Арефин С.Я.* «С Дона» // Речь. 1907. 10, 15, 24 марта; Русь. 1907. 17, 20 марта.

¹¹ *Арефин С.Я.* «С Дона» // Речь. 1907. 15 марта.

¹² Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия I. 1912—1913. СПб., 1913. №168. В. II.

¹³ *Арефин С.Я.* «С Дона» // Речь. 1907. 15 марта.

¹⁴ *Сватиков С.Г.* Россия и Дон. (1549—1917). Белград, 1924. С. 496.

¹⁵ Союз автономистов. Основные положения программы // Дело народа. 1906. 24 мая.

¹⁶ ЦДНИ РО. Ф. Р—12. Оп. 5. Д. 44. Л. 234; Д. 53. Л. 293.

¹⁷ *Арефин С.Я.* Донские казаки. Очерк // Русское богатство. 1906. Декабрь. С. 147—148.

¹⁸ *Харламов В.А.* Опыт обоснования казачьей идеи // Новочеркасский музей истории Донского казачества. КП 18007; Новое русское слово. 1975. 16 января.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 523. Оп. 1. Д. 48. Л. 1; Донские областные ведомости. 1906. 14 июня.

²⁰ Государственная дума и казаки // Новочеркасский курьер. 1907. 9 января.

²¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. / Т. 1. 1905—1907 гг. М., 1997. С. 146 (далее — Съезды и конференции КД).

-
- ²² Донская жизнь. 1906. 9 апреля.
- ²³ *Бородин Н.* Земельный вопрос на Дону // Русская мысль. 1907. №7. С. 116.
- ²⁴ *Захарьев Н.А.* К аграрному вопросу в Донской области // Донская жизнь. 1906. 30 мая.
- ²⁵ *Харламов В.А.* Казачий земельный вопрос // Приазовский край. 1906. 29 июня.
- ²⁶ Донской комитет Партии народной свободы // Донская жизнь. 1906. 9 апреля; Съезды и конференции КД. С. 146.
- ²⁷ Съезды и конференции КД. С. 136—137.
- ²⁸ ЦДНИ РО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 11. Л. 1; *Арефин С.Я.* «С Дона»// Речь 1907. 24 марта.
- ²⁹ *Захарьев Н.А.* Указ. соч. // Донская жизнь. 1906. 31 мая; Программный проект по аграрному вопросу казачьей парламентской фракции // Русь. 1907. 20 марта.
- ³⁰ *Захарьев Н.А.* Указ. соч. // Донская жизнь. 1906. 2 июня; Приазовский край 1906. 22 апреля; Русь. 1907. 17 марта.
- ³¹ Государственный архив Ростовской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 98. Л. 1—2.
- ³² Донской комитет Партии народной свободы // Донская жизнь. 1906. 9 апреля.
- ³³ *Греков А.М.* К истории земельного вопроса на Дону, в связи с современным положением и решением его // Сборник Области войска Донского статистического комитета. Вып. 7. Новочеркасск. 1907. С. 92—93; *Захарьев Н.А.* Указ. соч. // Донская жизнь. 1906. 27, 30, 31 мая, 2 июня.
- ³⁴ *Захарьев Н.А.* Указ. соч. // Донская жизнь. 1906. 2 июня.
- ³⁵ *Харламов В.А.* Казачий земельный вопрос // Приазовский край. 1906. 29 июня.
- ³⁶ *Захарьев Н.А.* Указ. соч. // Донская жизнь. 1906. 31 мая.
- ³⁷ *Захарьев Н.А.* Указ. соч. // Донская жизнь. 1906. 2 июня; *Харламов В.А.* Казачий земельный вопрос // Приазовский край. 1906. 29 июня.
- ³⁸ Программный проект по аграрному вопросу казачьей парламентской фракции // Русь. 1907. 20 марта (далее — Программный проект).
- ³⁹ *Петровский А.И.* Указ. соч. С. 123—124; Программный проект.
- ⁴⁰ О казачьих делах // Донская жизнь. 1906. 10 января.
- ⁴¹ Приазовский край. 1906. 22 апреля.
- ⁴² Новочеркасский курьер. 1907. 28 января.
- ⁴³ *Маркедонов С.М.* Государевы слуги или бунтари-разрушители? (К вопросу о политических отношениях донского казачества и российского государства) // Консерватизм и традиционализм на юге России. Сборник научных статей. Ростов-на-Дону, 2002. Вып. 9. С. 130—160.
- ⁴⁴ Многие исследователи считают, и автор разделяет их точку зрения, что можно говорить о наличии определенных базовых принципах, которых либерализм придерживался на всех этапах. Эти принципы составляют определенную систему, хотя и допускают вариации. См.: *Neill T.* The Rise and Decline of Liberalism. Milwaukee, 1953. P. 16—30; *Holmes S.* The Anatomy and Antiliberalism. Cambridge, 1993. P. 3—4; *Eccleshal R.* British Liberalism: Liberal Thought from 1640s to 1980s. L., 1987. P. 4—7.

**П.Н. МИЛЮКОВ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ
РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ТУРКЕСТАНА)**

Изменение политической реальности в стране, отражением которой стал роспуск II Государственной думы, на повестку дня поставило вопрос о корректировке избирательной системы.

В царском указе от 3 июня 1907 г. вместе с роспуском Думы предлагалось обнародовать новый избирательный закон¹. В нем, в частности, говорилось: «Созданная для укрепления государства Российского, Дума должна быть русской по духу. Иные народности, входящие в состав державы нашей, должны иметь в Государственной думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских. В тех же окраинах государства, где население не достигло достаточной гражданственности, выборы в государственную Думу должны быть временно приостановлены»².

Это положение легло в основу новой государственной политики в отношении национальных регионов. Объявляя народы Сибири, Польши, Кавказа и Средней Азии «политически незрелыми», правительство полностью лишало избирательных прав народы Туркестана, впрочем, не только коренных жителей, но и пришлое, европейское население.

Страницы местных периодических изданий передавали возмущение население принятым решением: «...Единственный выход, — писала газета «Тутжор», — собрать в одном месте по одному депутату из крупных городов, а по возможности из всех городов пяти областей Туркестана и направить

их... с петицией в Петербург... с просьбой войти в состав депутатов III Государственной думы»³.

На страницах газеты «Шухрат» национальной интеллигенцией открыто было заявлено, что III Государственная дума состоит из «недоброжелателей народа, а потому не является народной»⁴.

А. Зурабов, член II Государственной думы, долгие годы проведший в Туркестане, полагал, что «о некультурности и политической незрелости этого края могут говорить лишь крупные невежды или же черносотенцы»⁵.

Недовольство новым законом выражали все слои населения: национальная интеллигенция, торгово-промышленные круги, рабочие. Европейское население края так же сделало для себя не утешительный вывод: «...укладу жизни туркестанского обывателя не суждено развиваться в законодательном порядке»⁶.

Такой этнорегиональной политикой в России стремились затормозить, где демократические, а где сепаратистские процессы. Провести четкую и определенную грань между этими процессами было сложно, а подчас невозможно.

На протяжении десятилетия с 1907 по 1917 г. вопрос о восстановлении избирательного права для Туркестана параллельно обсуждался как депутатами Думы, так и передовой туркестанской общественностью.

Накануне открытия III Государственной думы газета «Каспий» опубликовала материал о положении, которое могут занять в ней мусульмане, поскольку от введения нового законно, в первую очередь пострадали регионы с преобладанием населения исповедующего ислам. Автор охарактеризовал ситуацию следующим образом: «Для нас вообще, — подчеркнул он, — Дума представляется существующей постольку, поскольку она может способствовать упразднению ограничений наших прав и стремлению нашему к культурному определению»⁷.

Справедливость этого пессимизма можно подтвердить простым вычислением. Если во II Думе к депутатам-мусульманам прибавить около 40 депутатов от Польши, с которыми по многим вопросам было возможно объе-

динение, получалось около 80 депутатов, а это была уже серьезная сила, при помощи которой было возможно не только заявить о своих интересах, но и отстаивать их в Думе.

Публикации в «Каспии» созвучна статья под названием «Туркестанский край и закон 3-го июня» в «Ташкентском курьере» за 1908 г.: «III Дума, при таком положении (отсутствие депутатов. — *Т.К.*), не может разбирать чуждые ей нужды нашего края, а потому все вопросы, касающиеся его в Думе, проходят с гробовым молчанием, высказаться некому, все дело ограничивается одной лишь баллотировкой, и принимаются такие законопроекты, от которых нам, быть может, и не поздоровится. Создалось, таким образом, положение, при котором укладу жизни Туркестанского обывателя не суждено развиваться в законодательном порядке. Такое положение ненормально и оно является тормозом к развитию родного края»⁸.

По мнению депутата М. Шахтагинского: «Конституция инородцам еще более нужна, чем русским. С отсутствием конституции русские лишлись бы своих политических прав и гражданских свобод, но их народность и неприкосновенность, их вероисповедание от иноверческого влияния остались бы незатронутыми. Их религия и национальность, господствующая в государстве»⁹.

Как относилась к проблеме туркестанского представительства сама III Государственная дума?

Депутаты коснулись ее впервые при обсуждении законопроекта «О сметах и раскладках земских повинностей Туркестанского генерал-губернаторства и Степных областей на 1908—1909 гг.». Кем составлялись эти, так называемые земские сметы? Их первоначальными авторами были члены местной администрации. Затем они направлялись по бюрократическим инстанциям. Таким образом получалось, что чиновники и бюрократы выступали в роли главных выразителей нужд края. Но можно ли было их считать таковыми? На всем этом долгом пути от одного чиновничьего кабинета к другому, как справедливо отметил докладчик финансовой комиссии, «вы не услышите голоса местных людей»¹⁰.

Сами думцы считали такую ситуацию ненормальной, а подход к решению вопросов связанных с огромным регионом формалистским. Неожиданно разгорелись бурные дебаты. Выяснилось, что Дума не против поправки избирательного законодательства по существу, то есть включения туркестанской проблемы, а просто еще не пришло время и она не готова этого сделать.

Что же могло стать причиной такой неготовности? По всей вероятности, и это подтверждают стенограммы заседаний, думцы боялись, что с появлением региональной политической элиты от ранее бесправных областей политическое равновесие нарушится. В свою очередь просматривалась реальная угроза изменения соотношения партийных сил в Государственной думе¹¹. Не смотря на отдельные уверения, что эти страхи не обоснованы, а сложившаяся ситуация не выгодна и даже опасна для России, окончательное решение вопроса было отложено.

В целом же тактику «инородческих депутатов» в III Государственной думе и, в том числе мусульман, можно охарактеризовать следующим образом. Общим их лозунгом был возврат к существовавшему до 3-го июня равноправию всех российских граждан в выборах, без различия национальности, вероисповедания и территории проживания.

IV Государственная дума уделила вопросу возврата туркестанского представительства гораздо больше внимания. На наш взгляд, серьезными факторами, повлиявшими на ситуацию были:

первый фактор: рост мусульманского движения как в самой России, так и в соседних исламских государствах. Россия боялась усиления влияния так называемых панисламистских* и пантюкистских** идей среди миллионов мусульман, проживавших на ее территории и всячески противодействовала их консолидации.

второй фактор: общая некомпетентность Думы в вопросах эксплуатации экономического потенциала края.

Еще до принятия избирательного закона 3 июня 1907 г., вопрос не пропорционального представительства национальных окраин России в Думе

первого и второго созывов предлагался для обсуждения представителями кадетской партии и ее лидером П.Н. Милюковым. Причем Милюков говорил не просто о расширении политических прав регионов, а о введении всеобщего избирательного права (без его распространения на женщин — *Т.К.*). С законодательной инициативой «Об изменении положения о выборах» кадеты обращались к I Государственной Думе. Тогда большинство депутатов возразило, что это радикально и у страны еще нет достаточного парламентского опыта. II Дума все 102 дня своего существования была занята аграрным вопросом и конфронтацией с правительством.

В III Государственной Думе рассмотрение такого законопроекта не могло состояться по определению, поскольку она сама являлась его порождением.

От IV Думы ждали политических решений.

30 января 1913 г., 24 члена трудовой группы во главе с А.Ф. Керенским и А.В. Чхеидзе внесли новое законодательное предложение о всеобщем избирательном праве, с требованием избрать специальную комиссию из 66 человек. В заявлении, сделанном трудовиками, в частности говорилось: «...закон от 3 июня, широко раскрыл двери грубому административному давлению на выборы... Избирательное право... получил не человек, не гражданин, а имущество... Население уже давно осознало необходимость истинно представительного строя, основанном на равном всеобщем избирательном праве, и требование этого, делается все более и более настойчивым»¹². Другими словами, если отбросить образные и витиеватые выражения, трудовики предлагали вернуться относительно территорий лишенных избирательных прав после 3 июня 1907 г., к прежнему избирательному законодательству. Предложение было отклонено.

На 24 заседании первой сессии Думы четвертого созыва 27 февраля 1913 г., с заявлением от имени 32 членов Государственной думы «Об изменении положения о выборах» выступил лидер кадетской фракции П.Н. Милюков. Надо сказать, что тот порядок, в котором думское совещание в самом начале сессии расположило внесенные законопроекты, соответствовал по-

рядку психологической приемлемости их для Государственной думы. Законопроект об изменении избирательного законодательства в этом ряду стоял последним.

Поэтому, внося в след за трудовиками, законопроект о всеобщем избирательном праве, Павел Николаевич предложил так же создать особую комиссию для работы с поступающими предложениями об изменении избирательного законодательства. «Всеобщее избирательное право, — подчеркнул Милюков, — есть неизбежный результат развития государственной жизни, и лучше дать его раньше, чем позже»¹³.

Еще А.Г. Булыгин во время подготовки проекта законосовещательной, так называемой «булыгинской думы», в своих объяснениях, почему он против всеобщего избирательного права, выдвигал следующий принцип: известная материальная обеспеченность есть условие независимости и устойчивости личных взглядов, в противном случае в Думе окажется «посредственность».

Милюков полагал наоборот, что не надо бояться собственного народа, через этот опыт уже прошли многие страны. Иначе, прозорливо утверждал он, на сцену явятся «насильственные формы борьбы»¹⁴.

Отношение к законопроекту депутатов определялось их политическими взглядами. Отметим ключевые позиции. Октябристы и националисты выступали категорически против. Так, депутат Н.Е. Марков 2 заявил: «...Кадеты домогаются роспуска Думы... Всеобщее избирательное право в России могут предлагать только жидовские пособники». Крестьяне и трудовики были за реформы в целом, но против кадетского законопроекта в частности.

Депутаты от Сибири, Кавказа и казачества считали, положение от 3 июня незаконным актом, а раз так, его нужно изменить в законодательном порядке. Хотелось бы особо подчеркнуть выступление именно этой группы депутатов. Представляя регионы (Сибирь и Кавказ) и сословия (казачество), которые подпадали под действие третьиюньской системы, эти депутаты активно выступали за возвращение Туркестану избирательных прав. При этом

они подчеркивали, что в России не может существовать всеобщего избирательного права, пока существуют сословия и отсутствуют единые правовые нормы для всех граждан государства.

На заключительном слушании, 13 марта 1913 г., свою позицию озвучила мусульманская фракция. Выступивший от ее имени депутат К.Б. Тевкелев заявил, что мусульмане России находятся в самом бесправном положении*. Почти от 20 млн. населения — ничтожно малое представительство в Думе. Ввиду этого фракция будет голосовать за «желательность законодательного изменения положения о выборах»¹⁵.

Тем не менее, несмотря на столь мощную поддержку и самого законопроекта, и идеи создания специальной комиссии по выработке нового закона, большинством голосов инициатива кадетов, так же как инициатива трудовиков, была отклонена.

В чем причина такого исхода голосования?

К тому моменту в России еще не существовало четкой и скоординированной избирательной системы. Была канва, по которой, как справедливо заметил один из депутатов, можно было «вышивать узоры административно-произвола». Тезис о том, что население еще не подготовлено к законодательной работе, не подкреплялся ничем и не выдерживал никакой критики.

Возможно, Дума просто психологически не могла переступить этот барьер и отказаться от устойчивого стереотипа мышления. А именно: от постановки знака равенства между понятиями — всеобщее избирательное право и революция. А ведь так недавно многие из депутатов и лидеров фракций негодовали по поводу «булыгинского проекта», называя его пародией на представительную систему. Несмотря на то, что по закону решение, принятое Думой, окончательно вступало в силу только после Высочайшего утверждения, шансы получить его даже гипотетически, были ничтожно малы. Дума не сделала даже формальной попытки.

Буквально через три месяца, после описанных выше событий, Дума принимала законопроект «О сметах раскладок земских повинностей Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей на 1913—1915 гг.». По-

зволим себе привести некоторые выдержки из выступления представителя Финансовой комиссии, поскольку они являются очень показательными: «Признавая, что отсутствие в Государственной думе представителей от названных областей лишает законодательные учреждения возможности войти при оценке нужд края в подробности особенностей местной жизни, в устранении чего настоятельно необходимо предоставить населению края права представительства в Государственной думе»¹⁶.

На одном из заседаний при рассмотрении законопроекта об обложении богарных земель в Туркестане десятинным сбором, который как эстафетная палочка переходил из одной Думы в другую, и не был решен окончательно все по причине — местные чиновники тянут, а в Думе нет компетентных людей, П.Н. Милюков в сердцах заметил: «...найти выхода из дела, которое мы не ясно себе представляем, мы не можем».

Прояснить туркестанские дела могли только туркестанские депутаты. Очередная попытка вернуть их в Думу была предпринята 11 февраля 1914 г.

11 февраля 1914 г., прогрессисты выступили сразу с двумя законодательными инициативами. Первая (ее подписали 37 человек) «Об изменении положения о выборах в Государственную думу». Она должна была развивать начала общего избирательного права, основы которых были заложены Манифестом 17 октября. Второй (подписали 38 депутатов) «О восстановлении представительства в Государственной думе от населения областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской»¹⁷. Обе инициативы были отклонены.

Правовая ситуация, а точнее ситуация бесправия этих областей, была столь очевидна, что определенные политические силы в Думе предприняли очередную попытку изменить положение.

Так сельскохозяйственная комиссия Государственной думы неоднократно признавала «затруднительность» своей работы относительно Туркестанского края, «за отсутствием законного от него представительства». Ом-

ский биржевой комитет также обратился с ходатайствами о восстановлении представительства к Председателю Совета министров и к министру торговли и промышленности.

Депутаты просили немногого. По их мнению, было совсем не обязательно разрабатывать совершенно новое «Положение о выборах» для региона. Вполне естественным считалось восстановление там старого законодательства, «которое уже действовало в крае и особых неудобств (так считали депутаты. — *Т.К.*) на практике не вызывало». Восстановить старую систему — это был тот максимум политической инициативы, а вернее, те полумеры, на которые оказались способны депутаты.

Активное обсуждение шло и в правительственных кругах. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков писал в этой связи председателю Совета министров И.Л. Горемыкину: «Я считаю невозможным... восстановление представительства в Государственной думе от населения областей... разноплеменное население каковых... не может почитаться сейчас еще достаточно подготовленным для участия в законодательной работе государства»¹⁸. Законопроект Н.А. Маклаков признавал неприемлемым. Совет министров также отклонил его.

На заседании Думы 16 мая 1916 г. при обсуждении положения о водопользовании водами в Туркестане выступил депутат от Забайкальской области Н.К. Волков. Он отметил огромное значение Туркестана и подчеркнул необходимость обсуждения закона, который должен поставить на правовые основы водопользование в этом крае. «И вот нам, — продолжал Волков, — к сожалению, приходится обсуждать его при крайне ненормальных условиях. Мы не слышим здесь голоса представителей этого края, мы не знаем, насколько этот закон соответствует этим местным бытовым, экономическим и иным условиям. ... Такое положение едва ли может быть признано терпимым. Я считаю, что оно должно быть изменено. Туркестан, как и другие части империи, должен получить свое представительство в законодательных учреждениях»¹⁹.

Вопрос, проходивший красной нитью через думские, правительственные и общественные дебаты, формулировался просто — готово (в политическом смысле) коренное население Туркестана или не готово к законотворческой деятельности. На этот счет мнения расходились как в Думе, так и в Туркестане. Европейское большинство в Думе и тоже меньшинство в Туркестане высказывалось достаточно скептически на этот счет. Мол, не тот уровень политической культуры и сознательности, и что было совсем немаловажным знание русского языка — слабое. Одним словом — не готовы.

Но избирательного права лишили не только туземное, но и русское население Туркестана, на которое центральная власть, должна была опираться в проведении своей политики. За европейским населением Туркестана числился «грех» более серьезного порядка. На выборах во II Думу предпочтения избирателей были отданы левым политическим партиям. А в революционной ситуации это было гораздо хуже незнания русского языка.

Туркестанский генерал-губернатор Н.В. Ерофеев считал, что местное население проявляет мало стремления «к усвоению себе начал русской государственности». Членов «туземной» администрации генерал-губернатор обвинял во взяточничестве и подкупах. «Гласные из туземцев, — пишет он в докладной на имя начальника Генерального штаба, — в составе Ташкентской городской думы, вследствие своей неразвитости и неспособности отличить интересы общественные от личных, являются скорее балластом, чем полезными членами Думы».

Мусульмане составляли 9/10 от всего населения в крае. Пришлое население проживало в основном в городах, но даже здесь оно было невелико и непостоянно. Но коренное население не несло воинской повинности, одной из главнейших обязанностей граждан империи. «А посему, — заключает генерал-губернатор, — туземное население не является вполне правоспособным»²⁰.

Из вышеизложенного очевидно, что временный Туркестанский генерал-губернатор Н.В. Ерофеев был категорически против возвращения коренному населению Туркестана избирательного права.

Россия вела свою не самую удачную войну, и власть боялась, обострения националистических и сепаратистских настроений. Вернуть избирательное право означало по сути дела узаконить эти настроения и развязать руки оппозиции. На это правительство пойти не могло.

К концу 1916 г. ситуация в стране обострилась до предела. Неудачи на фронте, тяжелая экономическая ситуация, перебои с поставкой продуктов, затянувшийся конфликт между Государственной думой и правительством, недовольство политикой царской власти, ее неумением стабилизировать ситуацию в стране, подъем революционного и национально движения – все это грозовой тучей нависло над империей. Перечисленные выше причины имели роковые последствия для центральной власти.

Поэтому не удивительно, что по сравнению с предыдущим периодом в периодической печати, особенно оппозиционной, все чаще можно было встретить статьи следующего содержания: «...не время ли вернуть Туркестану отнятое у нас в эпоху реакции 1907 г. представительство в законодательных учреждениях? Трудовой фракцией Государственной думы, как известно, в самом же начале открывающейся на днях сессии Думы будет внесен законопроект о возвращении Туркестану права представительства»²¹.

Туркестан с нетерпением ждал открытия V сессии IV Государственной думы, на которой, как многим казалось, должна была решиться судьба Туркестанского представительства. Действительно, на открывшейся 13 декабря сессии о Туркестане говорили, как никогда много. Это было связано с восстанием 1916 г. в Туркестане и Степном крае, но вопрос об изменении избирательного закона так и не был рассмотрен.

В Российской национальной библиотеке, Архиве Дома Плеханова в С.-Петербурге нами был найден интересный документ²². Тот факт, что он был адресован Павлу Николаевичу, лишний раз доказывает, что в Туркестане его считали, говоря современным языком, специалистом по региональной политике.

Документ содержит интересное и достаточно подробное описание туркменского восстания в Хивинском ханстве в начале 1916 г. и причин его

возникновения, с комментариями и попытками аналитического обобщения событий. Автор «Записки» А.М. Кисляков, служащий отделения Русско-Азиатского банка крайне негативно оценивает действия русской администрации и ее влияние на ханское правительство. Сложно сказать, почему автор обратился именно к Милюкову, но именно к его политической мудрости и авторитету апеллирует Кисляков, в своем желании разрешить непростую политическую ситуацию в вассальных от России владениях в Средней Азии.

Делая некоторый вывод, хочется подчеркнуть, что относительно туркестанского представительства и представительства ряда других национальных окраин в Государственной думе третьего и четвертого созывов у думских фракций существовали разные мнения. Так трудовики, говоря о туркестанском представительстве, имели в виду возврат к избирательному закону существовавшему до 3 июня 1907 г., по которому край был представлен 13 депутатами (6 от коренного и 7 от пришлого населения).

Кадеты и лично Милюков занимали позицию, которую нужно сказать, как в Думе, так и в Туркестане далеко не все воспринимали и одобряли. В одном из своих интервью П.Н. Милюков заявил, что не поддерживает в настоящее время проведение закона о представительстве от Туркестана потому, что кадеты собираются добиваться вообще изменения избирательного закона от 3 июня 1907 г.

Редакция одной из туркестанских газет прокомментировала это следующим образом: «...желая для Туркестана журавля, кадеты не дают такой необходимой ему синицы в руки. Должны же кадеты понимать, что если край раньше мог нуждаться в Паленской ревизии (сенатская ревизии 1909 г. под руководством графа К.К. Палена — *Т.К.*), то не менее он нуждается в немедленном участии в законодательной работе, особенно в настоящие дни»²³.

Нам же позиция Милюкова в вопросе представительства национальных окраин в Государственной Думе, представляется стратегически верной. Глобальность вопроса о введении в России всеобщего избирательного права, который не однократно выносился Павлом Николаевичем от лица кадетской фракции на обсуждение Думы, не подразумевал дробления на «региональ-

ные» (Туркестана, Сибири, Польши и т.д.), или национальные проблемы («еврейский вопрос» и т.д.).

Только с приходом к власти Временного правительства, в ходе подготовки проведения выборов в Учредительное собрание, впервые в российской политической практике в «Положение о выборах в Учредительное собрание» провозглашалось всеобщее избирательное право для всех граждан России, в том числе и для народов Туркестана.

Тем не менее, все предпринятые попытки восстановления отнятых избирательных прав, большая часть из которых была инициирована кадетской партией, мы можем рассматривать как важный фактор роста политико-правовой культуры населения России.

---

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXVII. Отд-ние 1-е. СПб., 1910. С. 319—320.

² *Калинычев Ф.И.* Государственная дума в России (Сборник документов и материалов). М., 1957. С. 272.

³ *Агзамходжаев С.С.* Туркистон мухторияти... С. 64—66.

⁴ ЦГА РУз. Ф. И—1. Оп. 4. Д. 1216. Л. 3.

⁵ *Зубаров А.* Вторая Государственная дума (впечатления). СПб., 1908. С. 15.

⁶ Туркестанский курьер. 1908. 2 июня.

⁷ Туркестанский сборник. Ташкент, 1907. Т. 437. С. 165—166.

⁸ Там же. Т. 469. С. 131.

⁹ Там же. Т. 428. С. 115—116.

¹⁰ Государственная Дума. Стенографический отчет. Созыв третий. Сессия I. Часть III. СПб., 1908. С. 3668.

¹¹ Там же. С. 3668—3670.

* панисламизм — религиозно-политическая идеология, в основе которой лежат представления о духовном единстве мусульман всего мира вне зависимости от социальной, национальной и государственной принадлежности и необходимости их духовного объединения под властью халифа.

** пантюркизм — политическая идеология, согласно которой все народы, говорящие на тюркских языках, и прежде всего тюрки-мусульмане, являются одной нацией и должны объединиться под эгидой Турции в единое государство.

---

¹² Приложение к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв четвертый. Сессия I. 1912—1913. Вып. I. (№1 – 150). СПб., 1913. № 124 (IV) 1.

¹³ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия I. Часть I. СПб., 1913. С. 1801.

¹⁴ Там же. С. 1821.

*В состав мусульманской фракции IV Государственной думы, наиболее пострадавшей в результате изменения закона о выборах от 3 июня 1907 г., входили представители Уфимской, Казанской, Самарской, Бакинской, Елисаветпольской, Эриванской губерний и Дагестана.

¹⁵ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия I. Часть I. СПб., 1913. С. 2104—2222.

¹⁶ Там же. С. 2641.

¹⁷ Приложение к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв четвертый. Сессия II. 1913—1914. Вып. III. (№№ 198 — 311). СПб., 1914. № 285 (IV) 2.

¹⁸ Самодержавие и избирательные права в национальных областях России [публикация И. Ковалева] // Красный архив. 1936. Т. 6 (79). С. 19—25.

¹⁹ Государственная Дума. Стенографический отчет. Созыв четвертый. Сессия IV. Т. 2. СПб., 1916. С. 1381.

²⁰ Там же. С. 129—130.

²¹ Туркестанский голос. 1916.1 ноября.

²² Восстание туркмен в Хивинском ханстве в 1916 г. [публикация *Т.В. Котюковой*] // Вопросы истории. 2009. №9. С. 3—18.

²³ Туркестанский край. 1916. 17 апреля.

Фёдор Александрович СЕЛЕЗНЕВ

доктор исторических наук

Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского, Россия

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ И ПРОБЛЕМА ИНОСТРАННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В РОССИИ

Приход в Россию «большого бизнеса» из-за границы в конце XIX в. проявился в том, что в Империю Романовых значительно увеличился приток как зарубежных инвестиций, так и импортных товаров. Как к этим двум видам иностранного экономического присутствия относились конституционные демократы? Ответ на этот вопрос важен для выяснения отношения конституционных демократов к национальной промышленной буржуазии. Ведь отечественные и иностранные промышленники на русском рынке вели острую конкурентную борьбу. И считать кадетов партией национальной буржуазии можно лишь в том случае, если мы выясним, что в этом поединке конституционные демократы находились на стороне российских предпринимателей.

Впрочем, факт соревнования российских и зарубежных товаропроизводителей, ещё не означал, что отечественные предприниматели отрицательно воспринимали любые виды чужеземного экономического присутствия. Иностранные инвестиции капитаны российского бизнеса наоборот горячо приветствовали, о чём свидетельствуют соответствующие публикации в журнале «Промышленность и торговля»¹.

Конституционные демократы также положительно относились к приходу в Россию иностранного капитала. П.Б. Струве писал по этому поводу: «страны бедные, к каковым принадлежит Россия, должны прибегать и всегда прибегают к привлечению капиталов извне»². Ему вторил постоянный автор экономических публикаций «Речи» М.И. Туган-Барановский («без по-

мощи иностранных капиталов нечего и думать о развитии нашей промышленности»³. Орган московских кадетов, «Русские ведомости», однажды поместил настоящий гимн во славу европейских инвесторов («Нам нужен прилив иностранных капиталов, нужен Данаев золотой дождь, который оплодотворил бы нашу землю»⁴).

Официальная партийная позиция по этому вопросу отличалась лишь более уравновешенной формулировкой, но не содержанием. В своём экономическом докладе на VI съезде КДП А.И. Шингарёв, заявил: «Желательно самое широкое привлечение иностранных капиталов для развития всех видов промышленности и сельского хозяйства, но оно должно быть обставлено не только благоприятными условиями их ввоза в Россию, но и надлежащими гарантиями общей государственной пользы и самостоятельности»⁵.

Следует отметить, что и лидеры предпринимателей и кадеты выражали недовольство, когда царское правительство вводило ограничения для инвесторов из Европы и США. Например, и руководство Совета съездов представителей промышленности и торговли, и кадетская пресса осудили издание 18 апреля 1914 г. «Правил об участии иностранцев и лиц иудейского исповедания в акционерных компаниях, учреждаемых явочным порядком, а равно приобретения этими компаниями недвижимостей и производства ими разного рода промыслов». Эти Правила ограничивали размер свободно приобретаемой указанными компаниями земли двумястами десятинами⁶.

3 мая 1914 г. «Русские ведомости» опубликовали три больших интервью (редчайший случай) с видными деятелями московского торгово-промышленного мира — г.А. Крестовниковым, А.С. Вишняковым и не названным «представителем текстильной промышленности». В беседе с корреспондентом кадетской газеты эти предприниматели в один голос указали на негативные последствия введения «Правил 18 апреля». Среди них — на вероятную «остановку в приливе иностранных капиталов в русские предприятия». 4—6 мая 1914 г. «Русские ведомости» и «Речь», подробно освещая ход VIII съезда представителей промышленности и торговли в Петербурге, также сделали акцент на критике его участниками «Правил 18 апреля».

Итак, и лидеры КДП, и руководители предпринимательского сообщества единодушно выступали за привлечение иностранного капитала. Однако совершенно по-разному они воспринимали ввоз в Россию готовой продукции из-за рубежа. Орган деловых кругов, журнал «Промышленность и торговля», постоянно сокрушался, что «сотни миллионов уходят за границу» в уплату за «изделия, которые могли бы – а значит и должны были бы – производиться внутри страны»⁷. «Очевидно, что для страны выгоднее», – писали авторы издания: «чтобы вместо ввоза товаров в неё притекали иностранные капиталы, которые на русской почве, из русских материалов и русскими силами организовали бы производство внутри нашей таможенной границы»⁸.

«Таможенная граница» здесь упомянута далеко не случайно. Именно высокие таможенные пошлины, делавшие невыгодным ввоз импортных товаров и заставлявшие иностранных предпринимателей разворачивать производство в России, авторы «Промышленности и торговли» считали главным условием роста заграничных инвестиций. С другой стороны высокие пошлины, по мнению лидеров отечественного предпринимательского сообщества, отражавшемуся на страницах журнала, помогали молодой русской промышленности выдержать иностранную конкуренцию. Иными словами капитаны национальной буржуазии поголовно являлись сторонниками таможенного протекционизма. Но кадетская программа, наоборот предусматривала понижение таможенных пошлин. И этот пункт основного документа партии Народной Свободы отнюдь не носил ритуального характера. Наоборот, он был постоянным лейтмотивом кадетской прессы. «Речь» и «Русские ведомости» при каждом удобном случае заявляли о вреде высоких пошлин для потребителей, сельского хозяйства и самой промышленности. Это, в свою очередь, вызывало острую полемику кадетских газет с «Промышленностью и торговлей», «Утром России» и «Голосом Москвы»⁹.

Ярко выраженные антипротекционистские настроения царили и среди членов фракции Народной Свободы в Государственной думе. Особенно наглядно они проявились в ходе парламентских дебатов по поводу порто-франко на Дальнем Востоке.

«Порто-франко», как известно, в переводе с итальянского означает «вольная гавань». Так называют место или область, куда разрешён беспшлинный ввоз иностранных товаров. Владивосток получил подобный статус с 1862 г., т.е. почти с момента основания. Сделано это было для облегчения снабжения всем необходимым русских переселенцев и скорейшего освоения края. По Высочайшему повелению 10 июня 1900 г. порто-франко на Дальнем Востоке был закрыт. Однако по Высочайшему повелению 1 мая 1904 г. его восстановили, чтобы обеспечить нормальное снабжение Приморья и Приамурского края во время войны с Японией.

После заключения мира вновь встал вопрос о прекращении режима беспшлинной торговли. На межведомственном совещании в сентябре 1906 г. за это выступили представители Министерства торговли и промышленности, Министерства финансов, а также большинства биржевых комитетов. Особенно энергично настаивали на восстановлении таможенной стены московские предприниматели, видевшие в Дальнем Востоке важный рынок. Председатель Московского биржевого комитета г.А. Крестовников в декабре 1906 г. во время приезда в Москву министра торговли и промышленности Д.В. Философова лично просил последнего об уничтожении дальневосточного порто-франко¹⁰. В результате Министерство торговли и промышленности очень скоро внесло во II Государственную думу (24 февраля 1907 г.) соответствующий законопроект.

Кроме московских промышленников его принятия с нетерпением ждали и одесские торговцы. Одесса являлась главным пунктом морской связи Дальнего Востока с европейской частью России. С 1880-х гг. между Одессой и Владивостоком осуществлялось регулярное грузопассажирское сообщение на судах Добровольного флота. Отмена порто-франко в 1901 г. заметно стимулировала вывоз товаров из Одессы на Дальний Восток. Как отметил депутат III Государственной думы Л.Г. Люц (октябрист, представлявший Херсонскую губернию) в период 1901—1904 гг., (т.е. когда режим порто-франко не действовал) «одесская торговля тесно была уже связана с Востоком; экспорт её туда... достиг, может быть, не колоссальных цифр, но был по

пути к тому». Восстановление порто-франко, утверждал Люц, нанесло одесской торговле ощутимый ущерб («Целый ряд контор по экспорту, которые были чуть не специально для сего учреждены, оказывается, стоят почти без всякого дела»)¹¹.

Одесский торговый капитал, видимо, не сомневался, что II Государственная дума, где черноморский порт представлял кадет О.Я. Пергамент, а его товарищи по фракции во многом определяли работу комиссий и парламента, исправит это положение. Об этом свидетельствует отложившаяся в бумагах Финансовой комиссии телеграмма Михаила Зензинова¹². Вот её текст: «Пожалуйста телеграфируйте в каком положении находится вопрос Амурском порто-франко. Будет ли также когда созвана комиссия с участием каких людей, справедлив ли слух, что предварительная комиссия под председательством Пергамента предредила порто-франко закрыть»¹³. Как видим, в Одессе предполагали, что вопрос о порто-франко станет курировать Пергамент и, что будет принято решение, которое ждут его земляки. Однако ответивший на телеграмму секретарь Государственной думы кадет М.В. Челноков был вынужден огорчить её автора¹⁴. 25 мая 1907 г. Челноков телеграфировал в Одессу Зензинову, что «з/п о порто-франко во Владивостоке по постановлению Финансовой комиссии Государственной Думы передан для предварительной разработки в особую подкомиссию, которая ещё не высказалась по существу вопроса»¹⁵.

Пергамент в эту подкомиссию, вопреки чаяниям одесситов, не вошёл. Её составили два кадета (петербургский адвокат М.П. Фёдоров, черниговский инженер П.П. Юренев), два беспартийных (горный инженер из Царства Польского В.В. Жуковский и податной инспектор из Акмолинской губернии И.П. Лаптев) и народный социалист В.В. Колокольников (лесной ревизор из Тобольской губернии), которому доверили быть докладчиком¹⁶.

Из-за роспуска II Думы комиссия так и не решила поставленной задачи. Интересно, однако, что и в III Думе одесские депутаты-кадеты О.Я. Пергамент и А.И. Никольский не обозначили публично своего отношения к проблеме дальневосточного порто-франко, столь актуальной для их родного

города. Октябрист Люц объяснил это тем, что «к сожалению, они находятся в рядах оппозиции, наложившей должно быть на их уста печать молчания»¹⁷.

Действительно от имени оппозиционных фракций в ходе думских прений 26 ноября 1908 г. говорили только сибирские и дальневосточные депутаты: кадеты Н.К. Волков (Забайкальская область) и Н.В. Некрасов (Томская губерния), беспартийный левый Ф.Н. Чиликин (Амурская область), трудовик А.И. Шило (Приморская область), социал-демократ Т.О. Белоусов (Иркутская губерния). Все они ратовали за продолжение беспощинного ввоза иностранных товаров. При этом тезисы их выступлений практически полностью совпадали с аргументами представителей дальневосточной торговой буржуазии, специализировавшейся на торговле импортной продукцией и, естественно, заинтересованной в сохранении порто-франко. И те, и другие говорили, что отмена порто-франко приведёт в упадок экономику Дальневосточного края и стимулирует развитие его конкурентов — Манчжурии и Японии, куда устремиться поток грузов из Европы; удорожит все продукты; стимулирует контрабандный ввоз товаров, который подорвёт легальную торговлю¹⁸.

От лица правооктябристского большинства выступали ораторы из Европейской части России: С.В. Воейков (фракция правых), П.В. Синадино, А.А. Мотовилов (Русская национальная фракции), А.Д. Протопопов, Л.Г. Люц, К.Н. Расторгуев (Союз 17 октября). Позицию этой группы депутатов наиболее ёмко представил тульский предприниматель Расторгуев, заявивший: «Я являюсь горячим сторонником закрытия порто-франко на Дальнем Востоке. Обстоятельства, которые меня к этому побуждают, это, прежде всего, поддержать русскую промышленность, обеспечить ей сбыт на Дальнем Востоке и не допустить иностранцев постепенно забирать этот богатый край в свои руки». Обращаясь к своим коллегам-депутатам, он сказал: «Закрывая порто-франко, вы даёте массу грузов русским железным дорогам, в особенности Восточно-Сибирской; вы даёте возможность оживить рейсы нашему Добровольному флоту, кроме этого Вы оживите Одессу и прочие порты Чёр-

ного моря и, наконец, вы дадите русской промышленности возможность обеспечить сбыт своих произведений на Дальнем Востоке»¹⁹.

Кадетам подобный пафос был абсолютно чужд. Вскоре после отмены Государственной думой порто-франко автор передовой статьи в кадетском «Нижегородском листке» А.А. Дробыш-Дробышевский с явным раздражением писал: «Теперь у нас особенно в ходу промышленный патриотизм. Постоянно приходится слышать, что чем давать нажить иностранцу, лучше дать нажить своему брату русскому. Правда, тот же русский промышленник, если устранит иностранного конкурента, сдерёт с русского же потребителя десять шкур, но с этим приходится мириться, рассуждая, что отдаёшь свои шкуры во славу отечества. Россия для русских... промышленников. Промышленников неумелых, жадных, настроенных хищнически, которые стараются нажить копейку на копейку, рубль на рубль, негодую на иностранцев и инородцев, которые “сбивают цены”. Ну, наши патриоты-промышленники цены держат крепко»²⁰.

Как видим, кадетского публициста отнюдь не вдохновляла идея защищать интересы отечественного товаропроизводителя в борьбе против иностранных конкурентов. Это вполне естественно. Ведь выросшие на народнической литературе и сформировавшиеся в народнических кружках кадетские идеологи отрицательно относились к русской промышленной буржуазии как таковой. Россия — земледельческая страна и своя крупная индустрия ей, по большому счёту, не очень то и нужна. Во всяком случае, государство ни в коем случае не должно помогать её созданию. Промышленность должна возникнуть в России «естественным» путём (например, благодаря иностранным инвестициям) — так, вслед за народниками, рассуждали конституционные демократы.

Эти мотивы звучали в любых выступлениях кадетских политиков и публицистов, посвященных экономической проблематике, в том числе во время дебатов по дальневосточному порто-франко. Оппоненты конституционных демократов говорили тогда, что прекращение беспошлинного ввоза иностранных товаров будет способствовать зарождению на Дальнем Востоке

местной индустрии. Но кадет Н.К. Волков заявил, что в крае нет факторов, которые необходимы «для развития обрабатывающей промышленности в сколько-нибудь крупных размерах» («нет ни капиталов, ни дешёвых рабочих рук, ни удобных путей сообщения, нет и технических знаний среди населения») ²¹. Конечно, все эти условия могли бы быть созданы государством, но для конституционных демократов (как и народников) это означало насаждение «тепличного климата» для отечественной промышленности и было нежелательным.

Другой кадетский оратор, выступавший в дебатах по дальневосточному порто-франко, Н.В. Некрасов также публично выразил сомнение в возможности развития национальной промышленности на Дальнем Востоке ²². Следует сказать, что Некрасов не считал нужным способствовать индустриальному развитию не только Дальнего Востока, но и Сибири, которую сам представлял в Государственной думе. «Создавать искусственными мерами обрабатывающую промышленность в Сибири, конечно, не следует», — писал он: «такая политика способна привести лишь к увеличению количества тех хилых детищ нерационального протекционизма, которые живут только запретительными пошлинами да правительственными подачками». По мнению Некрасова в Сибири имели перспективы для развития лишь отрасли напрямую связанные с сельским хозяйством (консервное дело, мыловарение, кожевенное и гончарное дело) ²³.

То же самое кадетские экономисты говорили и писали касательно народного хозяйства России в целом. 14 февраля 1916 г., накануне VI съезда КДП, в «Речи» появилась принципиальная статья на эту тему под названием «Развитие производительных сил». Её автор, М.И. Туган-Барановский, утверждал, что основой хозяйственного благополучия России всегда останется сельское хозяйство. При этом автор предостерегал русское общество от увлечения предположениями о будущем мощном промышленном развитии страны.

Статья Туган-Барановского вызвала возражения молодого ученика Струве, Петра Савицкого (одного из будущих идеологов евразийства) ²⁴. Од-

нако уже сам факт её публикации в главной партийной газете говорил о соответствии содержащихся в ней идей установкам руководства партии Народной Свободы. Это подтвердил и экономический доклад на VI съезде КДП, сделанный А.И. Шингарёвым — фундамент этого документа составили положения, обозначенные в статье Туган-Барановского.

Как и Туган-Барановский, докладчик назвал сельское хозяйство «коренным источником народного дохода». Что касается промышленности, то, обрисовывая «экономический план ближайшего будущего», Шингарёв указал на необходимость «ясно различать, какие именно отрасли заслуживают поддержки и поощрения, а какие нет». Главный партийный экономист полагал, что «особые виды помощи со стороны государства должны быть оказаны развитию сельскохозяйственной промышленности, главным образом мелкой, и тех видов промышленности обрабатывающей, которые тесно связаны с продуктами сельского хозяйства (обработка хлеба, леса, волокнистых веществ, сельскохозяйственного машиностроения, производства удобрений и пр.)»²⁵. Что касается крупной индустрии, то она должна была доказать свою жизнеспособность в условиях снижения таможенных пошлин и включения России в мировое экономическое пространство.

Вопросу о вхождении страны во всемирную хозяйственную систему Шингарёв уделил особое внимание. Он показал себя принципиальным противником создания самодостаточной российской экономики, производящей основные группы товаров и отгороженной от мирового рынка протекционистским тарифом. «Экономическая замкнутость может нанести глубокий вред развитию тех же производительных сил и повести к понижению темпа хозяйственной жизни и международным осложнениям», — утверждал Шингарёв. «Стремление как можно меньше покупать за границей», — говорил он, — «грозит опасным увлечением хозяйственной самостоятельностью страны», результатом чего станет то, что «население будет оплачивать экономическую замкнутость и поддержание тепличных растений в промышленности ценой страшной дороговизны»²⁶.

Однако после Февральской революции главный кадетский экономист был вынужден изменить свою точку зрения. В 1917 г. ввоз иностранных товаров в Россию значительно возрос. Это привело к ухудшению внешнеторгового баланса и финансового положения страны. Шингарёву как министру финансов (в мае — июле 1917 г.) пришлось лично ощутить всю остроту этой проблемы. Тяжесть экономической ситуации чуть не заставила А.И. Шингарёва превратиться из фритредера в протекциониста. На IX съезде КДП (июль 1917 г.) бывший министр говорил: «Улучшение баланса можно было бы достигнуть ограничением ввоза. Необходимо завести производство всего, что нужно, у себя внутри. В этом центр тяжести будущей экономической политики». (Впрочем, источником «насаждения форм промышленности» Шингарёв по-прежнему видел «ввоз иностранного капитала»)²⁷. На X съезде КДП в октябре 1917 г. А.И. Шингарёв повторил эти же тезисы. Он высказал пожелание, чтобы впредь российское сырьё получало переработку в пределах страны, «давая заработок своим же, а не чужим рабочим». «Нам нужны иностранные капиталы, — говорил главный разработчик экономической стратегии КДП: «но эти капиталы должны лишь оплодотворить нашу промышленность, а не поработить её, не взять в плен»²⁸.

Однако реальная политика Временного правительства, в том числе и самого Шингарёва на посту министра финансов, была прямо противоположной. Временное правительство заключило контракты на поставку больших объёмов иностранных товаров (паровозы, обувь и т.д.), хотя подобная продукция выпускалась и в России. А непомерно высокие налоги, введённые А.И. Шингарёвым, разоряли отечественные предприятия, зачищая от них рынок и готовя его для прихода иностранцев. Во всяком случае, печатный орган Совета съездов представителей промышленности и торговли, возмущённый налоговой реформой кадетского министра, прозрачно намекал на то, что Временное правительство сознательно уничтожает русскую промышленность, чтобы на её месте развернулся иностранный бизнес. Журнал задавал риторические вопросы: желает ли кабинет «чтобы на развалинах русской промышленности укрепились иностранные предприниматели, скупив зада-

ром предприятия, не выдержавшие напора фискального аппарата?», желает ли Временное правительство, «сохраняя в силе принцип конфискации внутри страны промышленной прибыли повысить прибыли иностранной промышленности, ввиду неизбежной потребности покрытия внутреннего спроса ввозом из-за границы?»²⁹.

Таким образом, и в 1917 г. деятельность конституционных демократов отвечала стремлениям зарубежного промышленного капитала, но отнюдь не отечественных товаропроизводителей. Поэтому мы не можем считать КДП партией национальной буржуазии.

---

¹ Промышленность и торговля. 1913. №3. 1 февраля. С. 97; №17. 1 сентября. С. 175 и др.

² Струве П.Б. Экономические программы и «неестественный режим» // Струве П.Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 96.

³ Цит. по Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. М., 1991. С. 106.

⁴ Русские ведомости. 1913. 27 июля.

⁵ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. / Т. 3 Кн. 1. 1915—1917 гг. М., 2000. С. 355.

⁶ Подробнее об этих правилах и полемике вокруг них см.: Шенелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 279—280; Поликарпов В.В. Об отношении царского правительства к еврейскому капиталу в 1916 году // Вопросы истории. 2005. №2.

⁷ Промышленность и торговля. 1912. №23. 1 декабря. С. 457; 1913. №13. 1 июля. С. 3; 1914. №5. 1 марта. С. 226.

⁸ Промышленность и торговля. 1913. №13. 1 июля. С. 3.

⁹ Русские ведомости. 1913. 25 января; Промышленность и торговля. 1911. №7. 1 апреля. С. 315; №10. 15 мая. С. 453; 1913. №16. 15 августа. С. 142.

¹⁰ Эту информацию сообщил во время думских прений в ноябре 1908 г. депутат Чиликин. См.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчёты. 1908 г. Сессия вторая. Часть I. Заседания 1—35 (с 15 октября по 20 декабря 1908 г.). СПб., 1908. Стб. 1744.

¹¹ Государственная дума. Третий созыв. 1908 г. Заседания 1—35. Стб. 1809—1810.

¹² Возможно, это был близкий к кадетам московский чаоторговец М.М. Зензинов.

¹³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 773. Л. 19.

¹⁴ Возможно автор телеграммы, Михаил Зензинов — это отец известного эсера В.М. Зензинова. В таком случае Михаил Зензинов мог быть лично знаком с М.В. Челноковым по жизни в Москве.

---

¹⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 773. Л. 17.

¹⁶ Там же. Л. 18.

¹⁷ Государственная дума. Третий созыв. 1908 г. Заседания 1—35. Стб. 1810.

¹⁸ *Крушанов А.И.* О развитии торгового мореплавания на русском Дальнем Востоке в последней четверти XIX — начале XX в. // *Материалы по истории Владивостока. Книга Первая. 1860—1917.* Владивосток, 1960. С. 55—56; Государственная Дума. Третий созыв. 1908 г. Заседания 1—35. Стб. 1720—1819.

¹⁹ Государственная дума. Третий созыв. 1908 г. Заседания 1—35. Стб. 1829—1830.

²⁰ Нижегородский листок. 1909. 11 марта.

²¹ Государственная дума. Третий созыв. 1908 г. Заседания 1—35. Стб. 1734.

²² Там же. Стб. 1772.

²³ *Некрасов Н.В.* Экономические проблемы сибирской жизни // *Русская мысль.* 1911. №4. С. 29—30.

²⁴ *Савицкий П.* К вопросу о развитии производительных сил // *Русская мысль.* 1916. №5. С. 41—46.

²⁵ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1915—1917 гг. С. 332—334.

²⁶ Там же. С. 332—333.

²⁷ Там же. С. 708—709.

²⁸ Там же. С. 744.

²⁹ Промышленность и торговля. 1917. №24—25. 8 июля. С. 28.

П.Н. МИЛЮКОВ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЯ: ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ С АРМИЕЙ

Первая мировая война стала для Российской империи, помимо прочего, еще и испытанием на прочность союза существующего монархического режима и либеральной оппозиции. Достичь гражданского мира, подобно Германии, которая, благодаря сотрудничеству всех социальных слоев, 4 года противостояла всему миру, в России не удалось. Основные Законы 1906 г. сделали Россию конституционной монархией дуалистического типа, что передавало большую долю государственной власти в руки императора. Оппозиционные круги, представленные в Государственной Думе — парламенте Российской империи, желали эволюции России в сторону парламентской монархии по британскому образцу, в котором правительство формируется парламентом и ответственно перед ним. Одним из наиболее последовательных и упорных сторонников такой эволюции являлся лидер ведущей либеральной политической партии, — кадетской партии, — П. Н. Милюков.

Неудачный ход войны, наряду с нежеланием политических уступок со стороны императора Николая II, побудили либеральную оппозицию в августе 1915 г. объединиться в т.н. Прогрессивный блок, рабочими органами которого стали Земгор и ЦВПК, находившиеся под контролем жаждавших перемен либералов. Во имя достижения поставленных задач, в 1916 г. разворачивается полномасштабная, дискредитирующая правительство, военных и лично императорскую чету, пропагандистская кампания. Антиправительственная пропаганда велась в русле, отвечающем чаяниям социальных категорий, недовольных своим положением, а таковыми являлось большинство русского народа, уставшего от войны. Нежелание царя добровольно пойти на

уступки, под которыми понималось образование «ответственного министерства», подконтрольного парламенту, а не императору, побуждало оппозицию к активным действиям. Так, постановление Московского совещания общественных деятелей от 30 января 1916 г. (за 10 дней до открытия Государственной Думы) отразило стратегию действий оппозиции по подготовке перехвата власти на ближайший период: «...3. Лозунгом предстоящей сессии Государственной Думы должно оставаться — передача правительственной власти в руки общественных деятелей, пользующихся доверием страны... 7. Разрыв Думы с правительством должен произойти при отказе правительства передать организацию тыла общественным организациям. 8. В руки общественных организаций должны быть переданы: а. ведение грунтовых дорог; б. санитарные мероприятия; в. забота о беженцах; г. контроль над железными дорогами и водными путями; д. продовольствие населения; е. представители всех общественных организаций должны входить во все совещания и комиссии, куда входят представители государственных учреждений¹. Таким образом, оппозиция требовала не много, не мало, как всю распорядительную власть внутри империи, а сохранение монархического режима служило залогом того, что виноватый найдется. Неудивительно, что в своей речи на открытии новой сессии Думы 7 февраля, Николай II указал на незыблемость существующих устоев и отказе от любых политических реформ до победы.

Перехват стратегической инициативы державами Антанты в 1916 г., Брусиловский прорыв, усиление военной мощи страны, показывали, что поражение стран Центрального блока неизбежно. Поэтому, оппозиция, справедливо опасаясь, что после победы Николай II может отказаться от реформирования государственного строя, сделала ставку на отстранение императора от трона. А также — на трансформацию дуалистической монархии в парламентскую, посредством принуждения к этому царского преемника. Замена премьер-министра И.Л. Горемыкина в январе 1916 г. на Б.В. Штюрмера, наряду с постепенной отставкой всех заигрывавших с оппозицией министров, вызвала ярость Прогрессивного блока. Ведь теперь львиная доля министров не желала сотрудничать с оппозицией, и потому вышла из-под ее контроля.

Дабы не угодить в цейтнот, либералы не имели иного выхода, как перейти к тактике «навала»: сочетание критики клеветнического характера с саботированием мероприятий по повышению обороноспособности государства. При этом, весь негатив сваливался на ответственность режима, а весь позитив приписывался усилиям буржуазии. Э.М. Щагин, сравнивая тактику борьбы либералов 1916—1917 гг. с попытками мелкобуржуазной оппозиции сталинскому режиму в конце 1920-х — начале 1930-х гг., характеризует ее как тактику «обволакивания», используя термин С.К. Чаянова². Такой подход предполагает ставку на потенциальных союзников, еще колеблющихся в том, чью сторону принять, наряду с представлением противника исключительно в качестве «темных сил». Потенциальным союзником в 1916 г. должны были стать Вооруженные Силы в лице своих руководителей, ибо без поддержки армии невозможно было и думать о победе дворцового переворота, что подтверждали итоги 1-й Русской революции 1905—1907 гг.

В июле—августе А.И. Гучков распространял в тылу и, особенно, на фронте свое якобы имевшее место письмо к Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего М.В. Алексееву. Нет сведений, что генерал Алексеев хоть как-то отреагировал на это письмо, однако тот факт, что письмо было адресовано столь высокопоставленному лицу, побуждал читателей верить клеветническим выпадам. В письме открыто обвинялся ряд министров, и утверждалось, что крах неизбежен: «Ведь в тылу идет полный развал, ведь власть гниет на корню. Ведь, как ни хорошо теперь на фронте, но гниющий тыл грозит еще раз, как было год тому назад, затянуть и ваш доблестный фронт, и вашу талантливую стратегию, да и всю страну в то невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались со смертельной опасностью. Ведь нельзя же ожидать исправных путей сообщения в заведовании г. Трепова, хорошей работы нашей промышленности на попечении кн. Шаховского, процветания нашего сельского хозяйства и правильной постановки продовольственного дела в руках гр. Бобринского. А если вы подумаете, что вся эта власть возглавляется г. Штюмером, у которого (и в армии, и в народе) прочная репутация если не готового уже предателя, то готового предать, что

в руках этого человека ход дипломатических сношений в настоящем и исход мирных переговоров в будущем, а следовательно, и вся наша будущность, то вы поймете, Михаил Васильевич, какая смертельная тревога за судьбу нашей родины охватила и общественную мысль, и народные настроения». В придворных кругах открыто говорили о готовящемся дворцовом перевороте, а те из гвардейских офицеров, что отлынивали в столице от фронта (Гвардия находилась на Юго-Западном фронте), распространяли слухи о готовности Гвардии поддержать этот переворот. Самые нелепые обвинения воспринимались на веру, ибо ложь, связанная с именем г.Е. Распутина и легко воспринимаемая массой, окончательно деформировала монархическое сознание.

К концу 1916 г. правительство упрекалось во враждебности народу и отчуждении от него, в предательстве интересов страны, что якобы должно было привести к неизбежной катастрофе. Закономерным итогом прозвучала известная речь П.Н. Милюкова 1 ноября «Глупость или измена?», распространявшаяся по стране в миллионах экземпляров. Сам же Милюков, который впоследствии утверждал, что, якобы, он предоставлял судить аудитории, закончил свою речь следующими словами: «Нет, господа, воля ваша, уже слишком много глупости. Как будто трудно объяснить все это только глупостью». О том, что обвинениями в несуществующей измене подрывалась обороноспособность государства, и не думали: власть уплывала из рук, ибо верхи оппозиции сознавали, что 1917-й год был призван стать годом победы. А, значит, и окончательным крушением надежд на обретение власти. С.С. Ольденбург указывает: «Упрощавшая молва в народе и армии гласила: член Думы Милюков доказал, что царица и Штюмер предают Россию императору Вильгельму... Листки “нелегальных” думских речей проникли широко и в армию через органы Земгора»³. Дело не в «упрощении молвы». Принципиальная суть происходившего заключалась в том, что произносимые в стенах Государственной Думы слова и были рассчитаны на то, чтобы каждый тезис был гипертрофирован и раздут до невероятных масштабов общей неприязни к царизму. Перспектива — полная изоляция режима от любой поддержки со стороны кого бы то ни было. Пропаганда тезиса, что при царе Российскую

империю ждет неизбежная революция, а при «ответственном министерстве» дело сразу пойдет на лад, не только активизировала всех противников монархии, но и дезориентировала ее сторонников. Последнее обстоятельство, в условиях отсутствия какой-либо контрпропаганды, приводило к тому, что в кризисный момент у монархии могло не остаться защитников. Так, 26 ноября Государственный Совет, и 30-го числа съезд объединенного дворянства присоединились к требованию оппозиции о создании правительства, которое опиралось бы на большинство в обеих палатах российского парламента.

Речь П.Н. Милокова стала застрельщиком в череде антиправительственных выступлений из стен российского парламента, а безнаказанность только подтолкнула всех, работавших на революцию, к активизации дальнейших действий по подготовке свержения монархии. Уже 11 декабря совещание представителей общественных организаций приняло обращение к Государственной Думе с призывом довести борьбу с существующим политическим режимом до конца: «...Отечество в опасности! Призрак голода грозит армии и народу... Правительство, давшее Сухомлиновых, Мясоедовых и Штюмеров, с самого начала войны мешало армии выполнить ее трудную задачу. Миллионами жизней и 15 занятыми губерниями заплатила страна за ошибки и преступления власти, которая... продолжала и продолжает вести в тылу предательскую борьбу с обществом и народом... Ни компромиссов, ни уступок!... Пусть знает армия, что правительство, разрушая и распыляя живые силы страны, наносит непоправимый удар общему делу»⁴. Одним из ярких образчиков является выступление А. И. Коновалова 16 декабря, всего через 4 дня после приказа императора по Армии и Флоту о доведении войны до победного конца. Коновалов говорил: «страну с необыкновенной силой охватило сознание опасности, грозящей ей не извне, а изнутри... Вся страна, весь народ должны сознавать, что в стране нет власти, нет Вождей (Рукоплекания слева), которым страна верит, которые могли бы страну вдохновить. Власть находится в руках недостойных лиц... Власть, ведущая борьбу со страной и доводящая эту борьбу до наивысшего напряжения, вызывает тем угрозу возможности осуществления самых непоправимых катастроф...

Власть отчуждена от народа... враждебна этому народу... страна не может поступить иначе, как повести борьбу с властью»⁵.

Оппозиция сознавала, что поддержка со стороны армейского руководства может быть недостаточна, т.к. армия всегда считалась опорой режима. Именно поэтому особенно важной была работа в войсках и анализ настроений в окопах, прежде всего, со стороны офицерского корпуса, претерпевшего значительные изменения в годы войны. Обратная связь с войсками являлась залогом успеха готовившегося дворцового переворота, дабы не допустить неудачи. Насколько успешно действовала оппозиционная, либеральная пропаганда в Вооруженных Силах, можно судить на примере записки одного из офицеров-фронтовиков П.Н. Милюкову в самое переломное для судеб страны время — в конце 1916 г., отложившейся в фонде Милюкова (ГАРФ. Ф. 579). В записке утверждается, что офицерство убеждено в необходимости продолжения войны до победного конца, но сомневается в возможности достижения этого, ввиду «неустройства в военной технике и в продовольствии войск и тыла». Характерно, что трудности приписываются проискам «немецкой партии, сильной в высших сферах и даже при Дворе». Отталкиваясь от этой посылки, принимаемой за истину в последней инстанции, адресат пишет о том, что командный состав армии винит правительство в его нежелании идти навстречу Государственной Думе, которая якобы является единственной панацеей для «успокоения страны и возможности благоустроить тыл». Здесь автор абсолютно прав, не понимая главного — именно деятельность либералов во главе с членами Думы в львиной доле создала такую ситуацию. Приписывать все неурядицы нераспорядительности чиновников и «немецкой партии» можно было только в том случае, если, совершенно не давая себе труда думанья, принимать на веру лживые, но такие доходчивые и удобные объяснения. Далее автор записки уже не только винит императрицу в покровительстве «немцам», но и принятие императором поста Верховного Главнокомандующего оценивает как «победу влияния немецкой партии», чтобы творить в тылу произвол. Муссируя «немецкую тему», офицер бесхитростно показывает запуск механизма армейского недовольства: чтение «Русского

Слова» и прочих либеральных агиток, «откровенные разговоры о возможности падения династии» даже среди высшего генералитета. Особняком стояло указание на факт распространения недовольства в солдатской толще, ибо «при окопной жизни офицеры, особенно в пехоте, настолько тесно живут с солдатами, что часто беседуют с ними на самые щекотливые темы и передают им свое настроение...». Не замечая противоречия, автор с тревогой указывает, что «солдаты толкуют о бесполезности воевать, пока немцы сильны в самой России... всякую неудачу приписывают измене и предательству». Автор рассуждает о предпочтительности великого князя Николая Николаевича во главе страны, при котором якобы «немцы не были бы сильны в России». Но тут же он считает, что возможность, когда «войска будут на стороне переворота и свержения династии допустима, так как, любя Царя, они все же слишком недовольны всем управлением страны». Конечно, от умозаключений до действий при благоприятных обстоятельствах — один шаг. Однако в самом начале записки автор-офицер отмечает, что «описываемое ниже настроение в армии было бы иным, если бы на фронте велись активные действия, отсутствие которых дает много времени для анализа и критики всего, что происходит на фронте и в тылу, и рождает потребность делиться продуктами этой критики с другими»⁶. Как видно, значительная часть офицерского корпуса всех звеньев предпочитала обсуждать лживые слухи из разлагающегося тыла, а не готовить солдат к предстоящим боям, пользуясь затишьем на фронте, или повышать свой собственный военно-культурный уровень. Зачем новейшая военная техника тому, кто не стремится к овладению ею? Для чего необходимы тяжелая артиллерия, танки и пулеметы, если командный состав не только саморазлагался, но и разлагал солдат? Не будет ничего из ряда вон выходящего, когда солдаты, превосходно «на собственной шкуре» знающие способности своих начальников, откажутся идти в бой под их руководством.

Царь, в свою очередь, недооценил фактор возможности и решимости лидеров оппозиции внушить офицерской элите свои политические идеи и получить взамен поддержку армии в проведении либеральных реформ. На деле монархия лишалась своей единственной защиты против революции.

Император даже в глазах военных стал противопоставляться Отечеству, чьи интересы перестали связываться с именем монарха. Зная реальное положение дел, боеспособность армии и флота, оборонительные способности страны в начале 1917 г., высшие военные круги, тем не менее, поверили в невозможность власти выиграть войну. Более того, даже члены императорской фамилии призывали Николая II дать «правительство доверия», слепо полагая, что того же желает вся страна. Этот шаг подразумевался как необходимое условие на пути достижения неременной победы⁷. Офицерский корпус, в большей своей части, как показал Февраль 1917 г., оказался на стороне оппозиции. Нежелание императора идти на уступки либералам во время войны, наряду с пропагандой оппозиции, к февралю 1917 г. оставило Николая II без поддержки даже и со стороны дворянства, которым лишь после крушения монархии предстояло понять ее ценность как гаранта существования своего сословия. Личный вклад лидера кадетов в борьбу с режимом, дискредитацию руководителей государства, подготовку революции, в конечном счете передавшей власть большевикам – чрезвычайно велика. Фактически, можно назвать лишь два ключевых имени — А.И. Гучков и П.Н. Милюков, известных всей стране. Ход революции 1917 г. достаточно быстро низверг эти фигуры с политической арены — ранее многих прочих, до того малоизвестных. Наиболее остро и справедливо охарактеризовал поведение П.Н. Милюкова И.Л. Солоневич: «В конце 1916-го и в начале 1917 г. профессор Павел Николаевич Милюков вел неистовую атаку на проклятый старый режим — не стесняясь никакой “изменой” и базируясь на любую “глупость” — во имя победы западных демократий в союзе с русской революцией над реакционными режимами Вильгельма и Николая. Когда проклятый старый режим был свергнут и когда великая бескровная простерла свои ризы над Россией — профессора Милюкова она выперла вон». Либеральная оппозиция уничтожила самоё себя, но осознать этот факт пришлось уже в эмиграции. К сожалению, вместе с либерализмом оказалась уничтоженной не только монархия как таковая, но и вся старая традиционная Россия.

---

¹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2827. Л. 1—1об.

² *Щагин Э.М.* Очерки истории России, ее историографии и источниковедения (конец XIX — середина XX вв.). М., 2008. С. 475—476.

³ *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. Ростов-на-Дону, 1998. С. 525.

⁴ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2858. Л. 2.

⁵ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 59. Л. 3—4.

⁶ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 3. Д. 322. Л. 1—7 об.

⁷ См.: *Блок А.* Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 119—121.

**THE PROVINCES OF RUSSIA AND PROVINCIAL RUSSIA:
RUSSIAN LIBERALISM IN THE EUROPEAN CONTEXT**

My presentation today is part of my larger dissertation work on liberalism through the perspective of local practice, particularly that of Kazanskaia guberniia, that is why I have named my presentation: the provinces of Russia or provincial Russia. Throughout, I offer perhaps more questions than answers; I welcome your answers to these and other questions.

It is common, particularly in popular wisdom in the west, to understand Russia's pre-revolutionary experience with liberalism as: 1) largely limited to a narrow circle of intellectuals and professors in the capitals; and 2) having no links or roots in the provinces. Experts, however, in both Russia and the west, are familiar with the experience of the zemstvo, the historical figures of Tver, and other examples that can challenge this assumption. Much historical analysis remains, however, to be able to widen the discussion to include a fuller range of local experience that will then allow us to better understand liberalism itself in the 19th and 20th centuries in both idea and practice.

In search of these ideas and practices, I turned to Kazanskaia guberniia for my research largely because I wanted to set my investigations in a province that was largely non-Russian, was diverse in terms of religious faiths, and (importantly!) had been a part of the Russian empire for a considerable period. In this way, I sought to get closer to what I believe to have been a principle set of challenges for Russian liberals as they developed over the course of the 19th and early 20th century. Those challenges included the expansion of basic aspects of liberalism (the expansion of rights and responsibilities based on law to more and more people, the protection of the individual, the gradual transfer of economic power from land-based to capital-based wealth through a free market, and religious and social toler-

ance, etc.) to non-Russian, non-Orthodox populations of the empire. Through the experiences of the 1860s, 1870s, 1880s, and 1890s, as well as those of the opening years of the 20th century, real life demands — zemstvo, reforms, revolutionary activity, famine, terror, conservative reaction, industrialization, war, revolution — continued to intersect with and change the ideas that then again formed the basis for action. The continual interaction of real life experience (practice) and ideas formed Russian liberalism at all levels, including at the most local levels.

But this immediately raises a difficulty for the researcher: how can we best study this phenomenon of liberalism, especially when the term itself was not commonly used in the earlier years of reform, indeed not widely used until the formation of the Kadet party? How do we even know if liberalism existed at all? Who were the “liberals” if they didn’t call themselves liberals? Perhaps this evolution is simply a better, more competent and effective series of governance decisions? This immediately brings us back to the richness of the local experience — where ideas and practice intersect and change one another. How best to understand this through the sea of sources?

My research in Kazan led me to the city дума as the place where all of the soslovii, many of the ethnic groups and representatives of all religions came together. Through the city дума, one is able to observe on a steady, evolving basis, how practices and ideas changed in response to local, regional, and national events, and to attempt to understand the extent to which one can observe liberalism and liberals in this province.

Last week I was in Kazan, and while there, I found a very interesting delo¹, which caused me to rewrite much of what I had planned to share today. The question at the center of this delo is a very simple one, it seems, yet the resolution of that question took more than five years.

In October of 1869, mulla Khusnutdin Abdulsaliyamov made a request to the city дума. He had a “house that consisted of 5 parts in the first section of the city,” which had been fully inspected by the city дума commission. He had opened in his home an “uchilishche for Muslim children, which taught them free of charge.” The space was heated and lighted. On the basis of an inquiry by the for-

mer commander, “rabochago pol-experta,” of November 19, 1855, confirmed to the “nachalnik gubernii” on October 15, 1855, the mulla requested that his home/school be exempted of gosudarstvenie, taxes for 1869 and zemstvo taxes for 1868 and 1869.

The November 24, 1869 дума reply was based on the 1825 statute regarding actual property (deistvitelnoe imushestvo), which frees schools and other educational entities from tax. However, the mulla’s uchileshi was also his home, and was registered as such in the дума property registers. Based on this, the дума felt that the mulla could only be freed from taxes in the coming year if properly noted in the registers. The issue zemstvo taxes would have to be settled separately through the local police office. The дума statement was signed by Russian and Tatar members of the дума in Russian and Tatar languages.

The issue continued as mulla Abdulsaliyev sought to be freed of all relevant taxes on his home school. The city дума referred the issue to the Kazanskaia Gubernaiia Pravlenie, which decided on Dec. 31, 1870 that it was not possible to free him of the taxes based on statute #10 regarding, “income to the city of Kazan, on the basis of which homes of sviashchenno-tserkovno-sluzhitelei are freed of payments to the city,” largely because the home was not a public but a private home. The mulla once again referred back to precedent, when he was freed of taxes in 1855 based on the 1825 statute freeing teaching societies from taxes.

The city дума reforms of 1870/71 caused another turn of events as local assessment committees were combined with the city “uprava,” meaning that it was unclear who had the authority to deal with the case. The city “uprava” began the process of investigation by requesting confirmation of the status of the home as a private home. As the summer months continued, so did the investigation. The final resolution of the standstill came in 1872, when the mulla re-registered his home/school. The city дума uprava then determined that he would only be freed of taxes from the time of this new classification; arrears were to be paid for the over two years when he did not pay as the investigation continued. On December 31, 1873, the case was finally declared closed by the city uprava.

Before our eyes through this delo, several issues arise: public vs. private property; legal precedent — before and after the Great Reforms; shifting jurisdictions; the applicability of church-centered statutes to non-Christian faiths; the imprecision of bureaucratic classifications; the rights of non-Russians and Russians to participate in the system of local governance; the basic needs of society for education on one hand and the need for tax revenue on the other. These same issues concerned liberals and non-liberals alike. The final compromise reached after so many years, however, indicates that, at least on the local level, practices included by liberalism are gradually evident.

Finally, the title of my presentation places this very local discussion in the European context. This at first glance may seem extremely, if not too, bold. How can one possibly make any connections between the experience of the local city дума in Kazan and the larger experience of European liberalism? Aren't these simply two different worlds that may have existed in parallel times, but certainly cannot be considered as part of the same space of experience?

For too long, Russia's experience with liberalism has been largely known through the experience of immigration as we discussed yesterday, or through the few excellent researchers, largely Russian researchers, who have taken up these rare topics of research. The lack of archive access during the Soviet period, the ideological context that rendered these topics less favorable, and the very revolution itself combined to inhibit studies of liberalism. Further, after two world wars fought largely in Europe at the very heart of "liberal" space, the whole enterprise seemed suspect. Now, however, the opportunities for greater archive access and, more importantly, for fresh thinking initiated by the perestroika period, liberalism does not seem quite so doomed.

So, now as we are in a position to deepen our studies of this difficult set of issues, we are also in the position to place our studies in a larger context of overall European experience. With the benefit of more research, what can Russia's experience contribute to understanding liberalism itself across Europe? As the modern state developed, how did the basic functions of governance intersect with liberal experiences/practices and ideas? How did economic and social changes and condi-

tions affect these ideas and practices? How did the problem of empire, at the center of the very notion and understanding of Russia itself, affect liberalism's evolution? These changes affected Europe as well as Russia, in some cases similarly, in some cases differently. I hope that bringing these differences and similarities into a broader research about liberalism will benefit historians of Russia, historians of Europe, and historians of liberalism itself.

---

¹ National Archive of the Republic of Tatarstan, Fond 98, Opis' 1, Delo 39.

Зоя Сергеевна БОЧАРОВА
доктор исторических наук
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Россия

**«Я НЕ ЗНАЮ, КАК МЫ ПРИДЕМ В РОССИЮ, НО Я ЗНАЮ,
КАК МЫ ТУДА НЕ ПРИДЕМ»
(П. МИЛЮКОВ ПРОТИВ Е. КУСКОВОЙ В ДИСКУССИИ
1925—1926 гг.
О ВОЗВРАЩЕНИИ НА РОДИНУ)**

Смыслом существования Российского Зарубежья — феномена, сложившегося в межвоенный период в результате исхода после Гражданской войны примерно 1,5 млн. россиян, — стало возвращение на родину. Почти до конца 1920-х гг., по выражению Р. Гуля, эмиграция была каменно убеждена в своей «чемоданной философии»¹. Кто-то ждал момента краха большевизма, сохраняя «истинную», «унесенную» в Зарубежье родину, другие готовы были ехать домой, невзирая на господство там Советской власти. Поэтому проблема репатриации в течение 1920-х гг. стояла на повестке дня, являлась фактором, влиявшим в определенной мере на адаптационные процессы, и с разной степенью интенсивности обсуждалась в беженской среде. И.В. Гессен в воспоминаниях «Годы изгнания» писал, что «скорбный общий множитель эмигрантского настроения» можно было свести к нескольким позициям: 1. сохранялась надежда на возвращение; 2. советская власть рассматривалась как препятствие к возвращению; 3. возвращение допускалось при сохранении человеческого достоинства, гарантий безопасности².

«Эмигрантские настроения» совпадали с намерениями мирового сообщества решить русский беженский вопрос, возвратив изгнанников на родину (наряду с их расселением по разным странам). Кажущаяся схожесть позиций превращалась в свою противоположность, как только речь заходила

об условиях возвращения: правительства стран-реципиентов имели в виду репатриацию в Советскую Россию, а не остывшая еще от поражения в гражданской войне эмиграция допускала свое пребывание в пределах отечества лишь после свержения власти большевиков. Эмигрантскую верхушку, особенно военную, крайне настораживало и раздражало, что деньги, с трудом добытые для поддержания беженцев, могут быть использованы на репатриацию. Уже в начале 1921 г. главнокомандующий русской армией П.Н. Врангель направил протест в Лигу Наций на ультимативное требование французского правительства вернуться в Россию, либо уехать в Бразилию, что практически значило бы «поступать в белое рабство в качестве рабочих»³.

Тем не менее, Ф. Нансен, верховный комиссар Лиги Наций по делам русских беженцев, вступил в переговоры с представителями советского правительства и пытался договориться о гарантиях безопасности для возвращающихся. Русские эмигрантские организации в ответ предприняли все меры, чтобы «свести с опасной почвы, на которой он мог бы оказаться, если бы репатриация оказалась главным, если не единственным, способом разрешения беженского вопроса»⁴. Российские дипломаты обратили внимание на то, что между расселением и репатриацией — разница большая. Поскольку Ф. Нансену отпускались деньги именно на расселение беженцев вне России, то эти деньги не могли быть направлены на другие цели. Глава совета послов М.Н. Гирс писал: «Во всяком случае, несомненно, что ни одна русская заграничная организация не отпустит на репатриацию ни малейшей суммы»⁵. 31 декабря 1922 г. он разослал циркулярное письмо в российские посольства и миссии, в котором говорилось: «В связи с ухудшением материального положения русских за границей, участились случаи обращения их с просьбами о возвращении в Россию. Полагая, что мы не вправе чинить им препятствия к возвращению на родину, я считал бы, тем не менее, целесообразным воздерживаться от оказания им в этом содействия, имея в виду, что у нас нет решительно никаких данных, указывающих на то, что возвращающимся на родину русским обеспечивается неприкосновенность личности и жизни»⁶.

В результате с 1921 по 1931 гг. возвратилось около 181, 5 тыс. человек, из них 121 843 — в 1921 г.⁷. Трудно сказать, какие категории россиян вошли в это число, скорее всего среди них были и военнопленные, и чины русского экспедиционного корпуса, и рядовые белогвардейцы.

Дискуссии между эмигрантскими общественными организациями по поводу репатриации активизировались после заседания совещательного комитета при верховном комиссаре Лиги Наций по делам русских беженцев⁸ 20 апреля 1923 г.⁹. Н.И. Астров и С.В. Панина на этом заседании высказались за возможность возвращения на родину тех беженцев, для которых репатриация стала бы наилучшим выходом из-за их ужасного положения в ряде стран (особенно в Польше и Румынии). Представители практически всех эмигрантских организаций протестовали против их позиции и переговоров Ф. Нансена с большевиками. Ф. Нансен апеллировал к тому, «что значительное число беженцев, находившихся в различных странах Европы, горячо желают быть репатрированными»¹⁰. В январе 1923 г. Н.И. Астров писал, что в связи с репатриацией «в явлении беженства разовьются процессы, которые значительно видоизменяют его»: «К весне потянутся в Россию казачки и люди попроще. Коммерсанты и дельцы уже сейчас испытывают большое беспокойство, боясь опоздать. Наступает ... «тяга в Россию». Затем интеллигенция и в результате мы будем присутствовать при процессе отбора эмиграции. Увы, это будет уже подлинная Эмиграция, прочная и долгая...»¹¹

Масла в огонь подлила опубликованная в Берлине брошюра «Почему я не эмигрировал?» (1923 г.) А.В. Пешехонова, одного из высланных в 1922 г. Органы печати самой различной политической окраски отреагировали эмоционально. В «Руле» появилась статья И.В. Гессена, в «Днях» — А.Ф. Керенского, в «Последних новостях» — П.Н. Милюкова, в «Русской мысли» — П.Б. Струве, в «Воле России» — В.М. Чернова и т. д. Даже в «Правде» о ней был помещен фельетон г.Е. Зиновьева. Кроме газетных, разгорелись устные дискуссии. Статьи обсуждались на общественных диспутах. В частности, в Париже, в республиканско-демократическом клубе прения по докладу Н.Д. Авксентьева о книге А.В. Пешехонова продолжались четыре вечера. Во

второй половине 1925 г. все тот же А.В. Пешехонов счел возможным опубликовать в журнале «Воля России» статью «Родина и эмиграция»¹², написанную им еще в 1924 г. и вызвавшую новую волну, еще более активной, полемики.

Это был настоящий прорыв. О репатриации стали говорить не только в кулуарах, но и на страницах прессы, что придало обсуждению широкий размах. Более того, возвращение отдельных лиц уже не встречало прежнего однозначного осуждения, болезненность восприятия проблемы несколько смягчилась. Так, А.А. Аргунов в 1924 г. писал: «Есть категория эмиграции, которой не дано живого дела и сносной жизни на чужбине и которой не грозят скорпионы большевистской власти; этой категории — место на родине, и чем скорее и в большем количестве она окажется там, — тем лучше и для нее, и для оставшихся»¹³. Прежде подобные строки в эмигрантской печати были недопустимы.

На стороне А. В. Пешехонова выступила группа высланных из России. И это — не случайно. С одной стороны, новоприбывшие не принимали белую эмиграцию, с другой, — эмигрантская среда относилась к ним с недоверием, видела в них людей, живших и работавших при ненавистных большевиках. Пропасть между насильно выдворенными из страны и теми, кто предпочел «добровольное изгнание», преодолевалась трудно.

Наиболее последовательным защитником А.В. Пешехонова выступила Е.Д. Кускова, назвавшая самым жгучим вопросом для эмиграции — возврат на родину. Она обвинила эмиграцию в клановости и превращении А.В. Пешехонова в изгоя: «И хотя в эмиграции — не кланы, и все-таки это — клан, что-то единое — Эмиграция... Все, оказывается, связаны одной целью, одной порукой. И вот нашелся смельчак, старый, уважаемый, — кажется всеми кланами, — публицист А.В. Пешехонов. Он поставил на обсуждение жгучий вопрос — о родине и эмиграции. И сразу же стал — чужаком... На днях передаю ему кучу газет с острейшими шипами по его адресу. И слышу грустное резюме: — Ругаются превосходно, жестоко... А идей-то и не заметили!».

Статьи Е.Д. Кусковой («Оттуда»¹⁴, «Мысли вслух»¹⁵, «Непримиримость или целесообразность»¹⁶ и др.) и ее доклады в Париже вызвали широкий резонанс в эмигрантской печати в 1925-1926 гг., стали в центре длительных политических дискуссий. Против Е.Д. Кусковой выступили П.Н. Милюков, Н.Д. Авксентьев, А.Ф. Керенский, М.А. Алданов, С.О. Иванович, С.М. Соловейчик (в сущности, все ее друзья и единомышленники по многим вопросам) и другие. Рупорами дискуссии стали милюковская газета «Последние новости» (Париж)¹⁷; «Дни» А.Ф. Керенского (Берлин, Париж)¹⁸; задуманная как «орган национальной мысли» газета «Возрождение» (Лондон—Париж)¹⁹; берлинская газета «Руль»; варшавская газета «За свободу»²⁰. Ряд статей был опубликован в эсеровских журналах «Современные записки» (Париж) и «Воля России» (Прага).

28 февраля 1927 г. Е.Д. Кускова писала Н.А. Рубакину: «После закрытия «Дней» — негде слово сказать. Все — «с эмигрантской точки зрения». А подлаживаться под эту странную точку зрения надоело до ужаса. Последнее время А. Ф. Керенский давал мне свободу, — лишь снабжал статьи примечаниями о «несогласии». А теперь — писать негде. В «Последние новости» после наших конфликтов идейных с Павлом Николаевичем [Милюковым] идти нет охоты, хотя лично с ним мы в прекрасных и давнишних отношениях. Ну, и сию — без работы. Грустно!»²¹

П.Н. Милюков и его Республиканско-демократическое объединение выступили главными оппонентами «кусковцев». В докладах 18 октября 1925 г. в Париже, 29 декабря 1925 г. в Праге, 25 апреля 1926 г. в Париже, в статьях в «Последних новостях» лидер кадетов выступил с публичными характеристиками возвращенчества, а в книге «Эмиграция на перепутье» сделал сводку событий, связанных с полемикой о возвращенчестве, и подвел политические итоги этих споров.

Обсуждение по проблеме возвращения на родину, вынудило эмиграцию раскрыть свои карты по целому ряду вопросов, от решения которых зависел ответ — возвращаться или оставаться за рубежом. Среди них: характе-

ристика власти в Советской России, взаимоотношения между Родиной и эмиграцией, роль и задачи эмиграции.

Е.Д. Кускова полагала, что в условиях нэпа можно действовать в России, не отрекаясь от себя, не приспособливаясь к режиму. Тактическая концепция, защищавшаяся ею, сводилась к расчету на эволюцию Советской власти. Строя свои прогнозы, она игнорировала политические искания эмиграции, обращаясь лицом к метрополии, искала возможности сближения с ней и перспективы сотрудничества, выдвигала требование отказа от двух тактик (внутри и вне России), от двойной морали²². Убежденность, что так же как вода точит камень, процесс внутреннего развития страны вынудит твердокаменную большевистскую власть пойти на те или иные уступки и реформы, давала основания сказать: «...я глубоко верю в то, что даже наша нестигаемая власть будет отпускать возжи... по мере своего укрепления»²³. По ее мнению, пришло время, «когда могуче вырастает новая задача — засыпать ров гражданской войны»: «Первые люди с заступами, приступающие к этой задаче, будут, быть может, засыпаны на смерть осыпающейся землей... За ними последуют другие. И самый вопрос — о родине и эмиграции, не будет снят с очереди до тех пор, пока ров не будет засыпан»²⁴.

Тактика Е.Д. Кусковой базировалась на анализе российской экономики, политики, соотношения социальных сил в эпоху нэпа. Изменение внутренней сущности власти, по ее мнению, как бы открывало двери в некоем неопределенном будущем для мирного возвращения эмигрантов в Россию. Уступки, которые советская власть вынуждена делать населению России, особенно крестьянским низам, Кускова приписывала исключительно тем «стихийным процессам», которые совершались в области экономических отношений, «фактически изменяя советский коммунизм и советские «плановые» предначертания в направлении товарного хозяйства и частнохозяйственной инициативы»²⁵.

Политический термидор в России Е.Д. Кускова отрицала. Иначе, считала она, он отразился бы на отношении к интеллигенции, а та все еще «не снята со креста». Сотрудничество с этой «согбенной под тяжестью ком-

промисса» советской интеллигенцией и есть первое условие для союза с оторванной Россией. Е.Д. Кускова призывала отказаться от «эмигрантской гордыни» и «получать директивы оттуда (из России — З.Б.), как вести себя и что делать здесь» (в эмиграции — З.Б.), ибо только связь с родиной обеспечивает жизненность эмиграции.

Рассуждения Е.Д. Кусковой опирались на вывод о том, что население признало советскую власть де-факто. П.Н. Милюков опровергал эту ее мысль и в подтверждение приводил итоги выборов в советские органы власти: «Одним из лучших доказательств наличности и планомерности этой (т.е. политической — З.Б.) борьбы является возрастающий успех демократических масс на выборах в советские учреждения всех степеней», т. е. «падение цифр партийных коммунистов и столь же решительное движение вверх беспартийных»²⁶. Он писал: «Никак нельзя утверждать, что «нет идейного поворота к политическому термидору», когда поворот этот налицо. Между тем из этого неверного наблюдения вытекает у Кусковой столь же произвольный вывод, что между революционной тактикой за рубежом и населением в России «нет приводного ремня» и что «в советской России не складываются силы, которые бы перекидывались сюда». Можно бы было утверждать, что контакт между этими силами еще не установлен, что силы эти еще ищут друг друга; но строить свою тактику на длительном отсутствии связи между Россией и понимающей Россию эмиграцией — значит строить ее на произвольном предположении. Зачем такое предположение нужно Кусковой? Оно притащено за волосы для оправдания основной ее идеи о «засыпании рва гражданской войны» не только с населением, но и с советской властью, и о «признании» этой власти»²⁷.

Е.Д. Кускова, осуждая непримиримую позицию республиканско-демократического объединения (РДО), созданного П.Н. Милюковым, считала необходимым в ожидании будущего революционного подъема участвовать в процессе восстановления России, ставя в пример эмиграции Кутлера, восстановившего денежное обращение, Сокольникова, восстановившего бюджет, и требуя согласия эмиграции на получение большевиками иностранных креди-

тов²⁸. Она настаивала на необходимости преодоления пропасти между родиной и эмиграцией. РДО, принимая психологическое сближение между русскими гражданами внутри и вне России, выступало против примирения с властью, но с сочувствием принимало все то, что делается в России для восстановления страны, хотя бы и «через советскую власть». Осознавая хрупкость границы, «за которой эти меры служат более укреплению власти, чем восстановлению России». Воззрения же Е.Д. Кусковой расценивались как мера, которая может привести к равнению не на директивы «от русского населения, которое в теперешнем состоянии разрозненности и не может дать общих директив», а на курс советской власти²⁹.

Екатерина Дмитриевна не принимала деления на две России, считала, что эмиграция есть явление временное, которое должно быть возможно скорее изжито. В своем докладе «Сдвиги в России и эмиграции» 16 марта 1926 г. она сказала: «Гнусность нашего существования в том, что у нас нет завтрашнего дня. Эмиграция занимается не русским делом, а самоспасением»³⁰.

Отрицание особой миссии российской эмиграции было главным в ее выступлениях. Эмиграция, по мнению Е.Д. Кусковой, свое предназначение, возможности и задачи исчерпала, поэтому иных перспектив, кроме возвращения в Россию, нет. Она перестала быть материальной силой, способной идти походом на Советскую власть, ее «духовное содержание» — ожидание борьбы — исчезло, смысл бездеятельного существования вдали от родины, не имея возможности трудиться на ее благо или изменить характер власти, окончательно утерян. Отказывая эмиграции в «революционной непреклонности», Е.Д. Кускова приходила к отрицанию миссии политической эмиграции при отсутствии возможности открытой политической борьбы внутри страны³¹. Более того, для большевиков, доказывала она, вся эмиграция есть политическая. И «эту большевистскую постановку в первые годы борьбы усвоили и идейные люди эмиграции. Они на каждый возврат на родину смотрят как на измену борьбе. Другими словами, каждого эмигранта они заранее записывали в разряд политика-борца»³². Пока сохранялось ожидание военной борь-

бы, это было понятно. Но с утратой этого «духовного содержания жизни», замечала Е.Д. Кускова, «революционеры» почувствовали, что «лежать на чешских пуховиках» вовсе не значит «делать революцию». «Моральный протест против присвоения неправильного названия и самовозвеличивания, — писала она в «Мыслях вслух», — без достаточных к тому оснований и вызвало пересмотр всего вопроса об эмиграции»³³.

На одном из диспутов Н.Д. Авксентьев обратился к докладчице с вопросом, признает ли она борьбу с советской властью, и то, что путем этой борьбы и победы Россия будет жить нормально? Он обвинил Е.Д. Кускову в том, что, говоря об отсутствии пафоса борьбы, она способствует деморализации эмиграции, т. к. борьба с советской властью — это борьба за право и свободу. Никакая эволюция большевизма не может заменить этой борьбы, ибо право и свобода не могут быть даны по частям. Е.Д. Кускова парировала: «...революция отняла у нас право говорить, что народ с нами (в отличие от царского времени). Один раз вас народ выкинул сюда, и теперь потрудитесь справиться у народа, какое знамя вам поднимать»³⁴.

В середине 1920-х гг. к тяжелым материальным заботам у эмиграции прибавилось чувство безнадежности и разочарования, бессмысленности пребывания за рубежом, тоска по родине. Именно это чувство Е.Д. Кускова видела в основе настроений, «получивших кличку “возвращения”». Свой доклад в Париже 16 марта 1926 г. она начала с заявления, что хотя взгляды ее «обидны для эмиграции», но круг ее сторонников ширится, и эти взгляды тайком, втихомолку давно широко распространены³⁵, и это уже — целое течение, в основе которого — не идея, а быт. Еще осенью 1925 г. Екатерина Дмитриевна, обобщая эмигрантские настроения, приводила характерные рассуждения: «...здесь мы чужие, здесь — мы не привьемся, пусть будет в России какая угодно власть, мы, русские, хотим домой». Или: «...нам за тридцать и свыше тридцати лет; здесь мы — бродяги. Ни жены, ни детей, ни угла, ни дома, ни будущего. Там — как-нибудь вцепимся в родную землю, прирастем к ней, выживем. Здесь — мы только навоз для удобрения чужой культуры»³⁶.

А русская эмиграция просмотрела, «как могуче вздымается течение: домой! домой! На родину»³⁷.

В ходе дискуссии с П.Н. Милюковым Е.Д. Кускова опубликовала нечто вроде платформы возвращенцев: 1) Мы никого не призываем и не уговариваем. Мы образуем общество, оказывающее помощь тем, кто уже решил вернуться. 2) Мы будем вести борьбу за право достойного возврата на родину без раскаяния и унижений. 3) Мы предлагаем всем возвращающимся не прятаться и не ходить тайком в советские учреждения, ибо возвращение на родину через существующую власть не составляет морального и политического преступления, если оно не сопровождается актами одинаково позорными или нечестными при сношениях со всякой властью. 4) Мы обязуемся подвергать широкому общественному контролю, как заявления возвращающихся, так и ответы на них властей. Все русское общество должно знать, что отвечает власть тем, кто желает вернуться на родину лояльным путем. 5) Мы не знаем, какой найдем родину, и не везем ей тайно орудий борьбы. Мы хотим жить и работать на родной земле. И если действительность окажется такова, что мы вынуждены будем активно бороться там, то мы примем, конечно, на себя все последствия этой борьбы³⁸. Е.Д. Кускова предполагала создать всюду «Союзы воссоединения с новой Россией на почве экономических и культурных сношений и делового сотрудничества с населением» (но не с властью).

П.Н. Милюков также попытался вывести формулу возвращения: «Я не знаю, как мы придем в Россию, но я знаю, как мы туда не придем». Подразумевая, что «не придем» с «вождем», оружием, интервенцией. Республиканско-демократическое течение со своей «новой тактикой» исходило из положений, соприкасавшихся с возвращенскими, «хотя и не доходивших до их крайностей»³⁹. Своей очередной задачей республиканцы-демократы сделали поиски «синтеза новых настроений с тем, что было здорового в белой борьбе, разграничений приемлемого от неприемлемого в возвращенческой идеологии и в возвращенческой тактике»⁴⁰.

Лидера кадетов поддержали не все однопартийцы. Ю.Ф. Семенов уверял, что советская власть не эволюционирует, и «служение Народу» в

России лишь усиливает эту власть. На одну доску он ставил альтернативы для отчаявшегося беженца: возвращение или самоубийство. П.Д. Долгоруков, Ф.И. Ростовцев, Н.В. Тесленко и др., напротив, полагали, что «пребывание в России принесет больше пользы для борьбы с большевиками, чем пребывание» в Париже на заводе Рено. Возвратившаяся из-за границы интеллигенция, утверждал Н.В. Тесленко, станет «бродильным ферментом». В Россию надо посылать людей, имеющих намерение свалить большевиков, и, тем более, не следует задерживать кого бы то ни было и не пускать в Россию. В.М. Бухштаб прямо заявил: «...удерживать эмигрантов, простых смертных, от возвращения в Россию мы не имеем нравственного права»⁴¹. Одновременно все сходились во мнении, что недопустимо призывать к репатриации.

Е.Д. Кусковой также была близка мысль об аморальности удерживания россиян за границей. Но она шла дальше, утверждая: «Эмиграция, неспособная создать организованную защиту этих людей (а мы хорошо знаем наши «общества помощи»), — обязана не только снять с них клеймо «возвращенцев к бандитам», но, наоборот, обязана сказать им: идите на родину и живите там по совести»⁴².

Определяющей сутью позиции П.Н. Милюкова, «методически необходимой», стало деление эмиграции на политическую и неполитическую. В зависимости от этого им решался вопрос о возвращении на родину. Если Е.Д. Кускова считала, что, вернувшись в Россию, «возвращенцы» сами решат «нужно ли им быть политиками», то П.Н. Милюков ставил вопрос иначе. «Нельзя сразу говорить о возвращении на родину «мирным» порядком и политической, и неполитической эмиграции. Можно говорить, что границы той и другой неясны, что они сливаются, но нельзя утверждать, что их нет совсем», — писали «Последние новости» 25 октября 1925 г. Политическая эмиграция, по словам П.Н. Милюкова, есть «составная часть народного организма, выполняющая совершенно определенную функцию в эпохи деспотических правлений. Это — своего рода протеза искалеченного народного тела. Но исполнение этой функции не совместимо с капитуляцией перед деспотической властью... Сущность этой функции — неподчинение, протест, рево-

люционное действие». Возможность мирного возвращения для политической эмиграции не признавалась, ибо расценивалась как капитуляция перед советской властью. Но политический эмигрант, если он собирается идти в Россию «с гордо поднятой головой», есть, более чем вероятно, кандидат к «стенке». Советская власть, если она не особенно нуждается в том или ином эмигранте, ставит на его пути достаточно испытаний, «чтобы вразумить его», поэтому пройти их способен только простой обыватель, не спрашивающий у политика «совета или индульгенции»⁴³.

Оппоненты считали всю эмиграцию политической, т.к. вся она антибольшевистская и на всех лежит моральный долг протеста и борьбы против большевиков. Освобождение «неполитической» эмиграции от моральных пут, которые обязательны для политической, ведет к понижению ее боевого духа, угасанию способности к сопротивлению, подталкивает к измене собственному чувству чести и достоинства.

На то обстоятельство, что СССР почему-то ограничивает возможность возвращения, обращали внимание все. Одни объясняли это тем, что Советам выгодно не пускать, чтобы желающие выехать ругали эмиграцию и просились в Россию, другие считали, что таким образом легче манипулировать эмиграцией («пляшите здесь, камаринские мужики, это выгодно Советам»⁴⁴). Кускова же видела в этом глубокий просчет большевиков. С ее точки зрения, ставку надо было делать на привлечение эмиграции к сотрудничеству. В то время как советская политика на 9/10 была направлена «на очарование иностранцев»⁴⁵. Не пуская людей лояльных, признающих Советскую власть, готовых служить родине при ее данном строе, Советы сами разоблачают себя: «Закрытие дверей перед лояльными людьми, или учеными с «не-советским мирозерцанием» бьет советскую власть много больше, чем нападение противника»⁴⁶.

Эсеровские «Дни» также писали о том, что власти СССР, ведя среди беженцев возвращенческую пропаганду, «совсем не склонны впускать в Россию эмигрантов, за исключением отдельных лиц»⁴⁷, даже тех, кто готов без задних мыслей существующую там партийную диктатуру считать государст-

венной властью⁴⁸. Поэтому вопрос о возвращенцах следует вынести на международный уровень, иностранные правительства должны против желания московских властей добиваться для законопослушных граждан СССР «права на Родину», т.е. свободного возвращения в Россию. Только «путем международного давления на Политбюро можно найти выход из возвращенческого тупика. В этом заинтересована вся эмиграция»⁴⁹. «Дни» предлагали: 1) «группами обращаться к правительству той страны, где данная группа проживает, с настоятельной просьбой содействовать ее возвращению на родину переговорами с советской властью», и 2) направлять в Женеву в Международное бюро труда при Лиге Наций, призванное заботиться о судьбе беженцев, заявления, в которых следует описывать «все чинимые правительством СССР препятствия к возвращению на родину и настаивать на том, чтобы сама Лига Наций добивалась от правительства СССР свободного въезда в Россию тех групп, которые признают советскую власть и не желают оставаться за границей»⁵⁰.

С.П. Мельгунов, историк, публицист, член народно-социалистической партии, редактор журнала «Голос минувшего», один из высланных в 1922 г., но совершенно не разделяющий психологии Е.Д. Кусковой и А.В. Пешехонова, на закрытом заседании РДО прочел доклад «О путях борьбы с большевизмом»⁵¹. К нему присоединился П.Б. Струве⁵². Суть их умозаключений состояла в следующем: большевики могут быть свергнуты только вооруженным путем. Нельзя противопоставлять вооруженную борьбу методам демократической «мирной борьбы». Во время прений С.П. Мельгунов нашел поддержку И.И. Фондаминского-Бунакова, утверждавшего, что только в эмиграции уцелел драгоценный «дух свободы», совершенно отсутствующий в Советской России.

«Глубоко неприемлемо» возвращенчество было для поэта, критика, историка литературы В.Ф. Ходасевича. В письме от 7 апреля 1926 г. М.М. Карповичу, профессору Гарвардского университета, преподавателя русской истории, впоследствии редактора «Нового журнала» (весной 1917 г. в качестве секретаря Б.А. Бахметева, назначенного послом в Вашингтон, уже никогда не вернувшийся в Россию), он писал: «Дело ясно: Россию мы любим и без наставле-

ний Кусковой, а большевиков любить нельзя, лить воду на их мельницу — работая с большевиками, нельзя, ибо они сами «работают» ей во вред. Всякое сотрудничество с советской властью — по существу направлено против русского народа. Всякая поддержка большевиков есть поддержка мучителей этого народа». Он утверждал, что А.В. Пешехонов и Е.Д. Кускова стали жертвой большевистской интриги, «сознательно проводимой», и что «возвращенчество задумано в ГПУ». Влияние московского руководства на движение возвращенчества имело целью не действительное возвращение, а лишь внесение смуты в умы эмиграции. В.Ф. Ходасевич присутствовал на особом совещании «Дней», в котором приняли участие видные эсеры — А.Ф. Керенский, В.М. Зензинов, М. Алданов, М.В. Вишняк. Здесь он изложил свою позицию и назвал имя «главной провокаторши». В.Ф. Ходасевич имел в виду Е.П. Пешкову. Та, по его сведениям, была специально послана Ф.Э. Дзержинским к Е.Д. Кусковой, с которой они были однокашниками. Но всерьез заявление В.Ф. Ходасевича не приняли, что его чрезвычайно расстроило: «А я знаю все от нее самой, слышал еще в конце 1924 г. ...Бурцевские лавры⁵³ меня не манят... Но «про себя» знаю — и соответственным образом все возвращенческое отвергаю»⁵⁴.

«Пестрая», по определению П.Н. Милюкова, оппозиция «кусовцам» чуть было не привела Екатерину Дмитриевну в 1926 г. к выходу из РДО. «Последние новости» писали: «Мы пока хотим думать, что у Е.Д. Кусковой это — только временное увлечение. Но, увы, — она «не одинока». К пражским упадочникам она может присоединить парижских энтузиастов. Это заставляет нас заблаговременно указать на опасность, которой она подвергает то республиканско-демократическое течение, к которому до сих пор принадлежала»⁵⁵. Пришлось даже образовать особую комиссию, которая выработала примирительную тактическую формулу, «среднюю между Мельгуновым, с одной стороны, и Кусковой и Пешехоновым — с другой»⁵⁶.

Реакция политической общественности на статьи и доклады Е.Д. Кусковой подчеркнула изоляцию ее в политической среде, хотя ее позиция отражала настроения широких беженских масс и предполагала их организованную защиту. В письме от 28 апреля 1926 г. она делилась с Н.А. Рубаки-

ным: «...мое нервное состояние доходило до высокого градуса из-за дуэлей с представителями различных зарубежных партий. Бой вынесла тяжелейший... Впрочем, после России все три года ...приходится выносить не мало нападков из-за наших несчастных взглядов, которые мы не в силах переменить. Положение поистине тяжкое: и оттуда гонят, и здесь не принимают... Душевно — сиди между небом и землей.

Должна, однако, признаться, что в России, несмотря на голод и все ужасы жизни я себя чувствовала гораздо более на месте, чем здесь. Грустно!»⁵⁷

Е.Д. Кусковой и П.Н. Милюкову удалось сохранить теплые отношения до конца, о чем свидетельствует их переписка. Именно Екатерина Дмитриевна прислала в Лондон телеграмму о кончине мэтра русских либералов, а затем письмо с подробностями. Обращаясь к Б.И. Элькину, одному из будущих редакторов «Воспоминаний» П.Н. Милюкова, она писала: «Осиротели мы с Вами, ушел дорогой друг наш, Павел Николаевич. Умер он 31 марта, в 7½ часов утра, в полном сознании, без страданий, не подозревая, что умирает. Остановилось сердце, которое все время поддерживалось сильными сердечными средствами. ... Так горько и больно сознавать, что нет больше этого большого человека...»⁵⁸

---

¹ Гуль Р. Я унес Россию. Т. 1. Россия в Германии. М., 2001. С. 157.

² Гессен И.В. Годы изгнания. Париж, 1979. С. 166.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 60. Л. 2 об.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 59; Ф. 5908. Оп. 1. Д. 7. Л. 63.

⁵ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 72. Письмо М.Н. Гирса К.Н. Гулькевичу от 5 сентября 1922 г.

⁶ АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 56. Л. 43.

⁷ Большая Советская Энциклопедия. Изд. 1-е. Т. 64. М., 1934. Ст. 162.

⁸ Совещательный комитет образовался в сентябре 1921 г. В него вошли представители международных и российских эмигрантских организаций (первоначально только Совещания полслов (К.Н. Гулькевич), Земско-Городского комитета (Н.И. Астров и С.В. Панина) и Российского

общества Красного Креста /старая организация/ (Ю.И. Лодыженский), к 1935 г. из общего числа 38 русских насчитывалось 12), занимавшихся оказанием помощи беженцам, материально самостоятельных, бюджет которых не зависел от внешних финансовых вливаний.

⁹ Подробнее см.: Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920—1930-е годы). Сб. документов и материалов / Сост., публ., введение, прим., биографический комментарий, именной указатель З.С. Бочарова. М., 2004. С. 179—202.

¹⁰ Из доклада Верховного комиссара Лиги Наций о русских беженцах, Женева, 15 сентября 1922 г. // Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Документы и материалы. Т. 3. Возвращение... 1921—1924 гг. М., 2002. С. 199.

¹¹ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 13 об. Письмо Н.И. Астрова К.Н. Гулькевичу от 5 января 1923 г.

¹² См.: Воля России. 1925. №7—11.

¹³ *Аргунов А.А.* Эмиграция и Россия // Свободная Россия. Париж, 1924. №1. С. 32.

¹⁴ Последние новости. 1925. 1 сентября.

¹⁵ Последние новости. 1925. 25 окт., 30 окт., 5 ноября.

¹⁶ Дни. 1926. 30 марта.

¹⁷ В «Последних новостях» кроме редакционных («“Мирное” возвращение на родину» — 1925. 25 окт., «О возвращенцах» — 1925. 5 ноября, «Четвертый фронт» — 1926. 18 марта, «Стихийно и сознательно» — 1926. 20 марта, «Патриотично и непатриотично — 1926. 21 марта и др.), были напечатаны статьи В. Оболенского «О возвращении на родину» (1925. 16 окт.), А. Аргунова «Все о том же» (1925. 20 и 1 декабря), В. Талина «О любви к родине и политическом смирении», «Эмигрантское пораженчество», «О погоде», «О самом важном», П.Н. Милокова «Кругом да около» (1926. 1 апр.) и др.

¹⁸ См.: Дни. 1925. 26, 27 окт., 13 ноября, 7 дек.; 1926. 2 апр. (передовые). Здесь же осенью—зимой 1925 г. выступили со статьями О.С. Минор («Пешехониада продолжается», 31 окт.), А.Ф. Керенский («Надо говорить ясно»), М.В. Вишняк («Во имя свободы»), А. Петрищев («На чистоту»), в 1926: С.М. Соловейчик «Некоторые итоги» (24 марта), возражавший ему энес М.А. Ландау-Алданов («“Об итогах” и о “пораженчестве”», 27 марта) и др.

¹⁹ См., например: Возрождение. 1925. 24 ноября; 1926. 21 марта.

²⁰ В газете «За свободу» появились статьи А. Арцыбашева «Жгучий вопрос» и «С высоты своего величия».

²¹ ОР РГБ. Ф. 358. Карт. 246. I.

²² См.: Последние новости. 1926. 18 марта; Милоков П. Н. Эмиграция на перепутье. С. 102—103.

²³ *Кускова Ек.* Оттуда // Последние новости. 1925. 1 сент.

²⁴ *Кускова Ек.* Мысли вслух // Последние новости. 1925. 25 окт.

-
- ²⁵ Стихийно и сознательно // Последние новости. 1926. 20 марта.
- ²⁶ Стихийно и сознательно // Последние новости. 1926. 20 марта.
- ²⁷ Последние новости. 1926. 18 марта.
- ²⁸ РДО солидаризовалось с меньшевистским «Социалистическим вестником» по поводу опасности привлечения иностранного капитала, поскольку это может превратиться в закабаление трудящихся масс России. Лишь демократическая ликвидация большевистской диктатуры могло стать единственным средством борьбы с этой опасностью // Последние новости. 1926. 21 марта.
- ²⁹ Четвертый фронт // Последние новости. 1926. 18 марта.
- ³⁰ Последние новости. 1926. 18 марта.
- ³¹ «Мирное» возвращение на родину // Последние новости. 1925. 25 окт.
- ³² *Кускова Ек.* Мысли вслух // Последние новости. 1925. 5 ноября.
- ³³ *Кускова Ек.* Мысли вслух // Последние новости. 1925. 5 ноября.
- ³⁴ Дни. 1926. 23 марта.
- ³⁵ Последние новости. 1926. 18 марта.
- ³⁶ *Кускова Ек.* Мысли вслух // Последние новости. 1925. 5 ноября.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ См.: *Милоков П.Н.* Эмиграция на перепутье. С. 80; Последние новости. 1926. 15 февр.; Дни. 1926. 13 февр.
- ³⁹ *Милоков П.Н.* Эмиграция на перепутье. С. 76.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ См.: Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 6. Кн. 2. С. 197—203.
- ⁴² Последние новости. 1925. 5 ноября.
- ⁴³ Там же. С. 88; См. также: Невозвращенец. Документы с рю де Гренель // Дни. 1926. 13 февр.
- ⁴⁴ Последние новости. 1925. 30 октября.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ *Оболенский В.* О возвращении на родину // Последние новости. 1925. 16 окт.
- ⁴⁸ Дни. 1926. 3 янв.
- ⁴⁹ Дни. 1926. 13 февр.
- ⁵⁰ Дни. 1926. 3 янв.
- ⁵¹ Тезисы доклада были напечатаны в «Возрождении» 24 ноября 1925 г.
- ⁵² *Струве П.Б.* Дневник политика // Возрождение. 1925. 28, 27 ноября.
- ⁵³ Ходасевич имел в виду разоблачение В.Л. Бурцевым провокатора Е.Ф. Азефа, бывшего одновременно агентом царской полиции и руководителем террористической организации (Боевой организации эсеров).

---

⁵⁴ Письма В.Ф. Ходасевича к М.М. Карповичу // *Oxford Slavonic papers. New series. Vol. XIX.* 1986. P. 146—147.

⁵⁵ Четвертый фронт // *Последние новости.* 1926. 18 марта.

⁵⁶ Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 6. Кн. 2. С. 407.

⁵⁷ ОР РГБ. Ф. 358. Кускова Е.Д. Карт. 246. Д. 1.

⁵⁸ Отечественные архивы. 1994. №6. С. 5.

Пётр Николаевич БАЗАНОВ
доктор исторических наук
Санкт-Петербургский государственный
университет культуры и искусств, Россия

**П.Н. МИЛЮКОВ КАК ИНИЦИАТОР И РУКОВОДИТЕЛЬ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «РЕСПУБЛИКАНСКО-
ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ»**

В начале 1920-х гг. на базе парижского отделения кадетской партии по инициативе П.Н. Милюкова была создана «Республиканско-Демократическая группа партии Народной свободы»¹. Поддержала П.Н. Милюкова лишь небольшая часть кадетов, оказавшихся в эмиграции. Первоначально в «Парижской демократической группе партии Народной свободы» было всего 20 членов, хотя впоследствии ее количество и возросло за счет групп, возникавших из левых крыльев зарубежных отделений кадетской партии (например, в поселке Келломяки в Финляндии, ныне Комарово под Санкт-Петербургом). Удачным было решение принимать отдельных лиц, давая им статус «иногородних членов». Идею «Новой тактики» П.Н. Милюкова с объединением на платформе либерализма, отрицания монархизма и сдержанного отношения к социализму поддержали «Крестьянская Россия» (Трудовая крестьянская партия — лидер С.С. Маслов) группы правых эсеров А.Ф. Керенского, журнала «Современные записки», правых меньшевиков «Заря», группа С.Н. Прокоповича — Е.Д. Кусковой, часть энесов, Торгпром, «Всероссийский крестьянский союз» и другие более мелкие организации. В 1924 г. на их основе создали более сплоченную организацию — «Республиканско-демократическое объединение» (РДО). Фактически вся жизнь РДО сводилась к издательской деятельности и подготовке газеты «Последние новости».

«Новая тактика» П.Н. Милюкова на практике сводилась к осуждению Белого Движения как принципиально ошибочного, к союзу с социалистическими организациями и группами на широкой демократической платформе и к ставке на крестьянские восстания в России. Как ехидно сформулировал позицию П.Н. Милюкова его однопартиец Павел Долгоруков: «Въехать в Россию на левых ослах». Выступления крестьян в Тамбовской губернии, Западной Сибири против политики «военного коммунизма» и Кронштадтский «мятеж» действительно всколыхнули в это время всю Россию. В меньшей степени пропагандировались надежды на «мирную эволюцию» советской власти. Историки Э.М. Шагин и С.В. Константинов указывают, что РДО располагало большими финансовыми возможностями, ссылаясь при этом на документы Пражской коллекции ГАРФ: «П.Н. Милюков, А.И. Коновалов и их окружение распорядились деньгами, переведенными Временным правительством в банки зарубежных стран, а также значительными суммами, которые они получали в порядке благотворительной помощи от Рокфеллера и других американских магнатов»². В ноябре 1921 г. получено Н.Д. Авксентьевым в Нью-Йорке для П.Н. Милюкова 3000 долларов от Б.А. Бахметева³. Существует мнение, что РДО пользовалось поддержкой французских либералов⁴.

Под влиянием П.Н. Милюкова руководств РДО, уделяло внимание издательской деятельности, что нашло отражение даже в программных документах. Согласно второму пункту «Тактической платформы РДС»: «Для достижения своих целей РДО: а) ведет пропаганду внутри и вне России путем издания органов печати, брошюр, листовок и книг на русском и иностранных языках»⁵. Необходимость издания своей партийной литературы обосновывалась многими членами РДО противопоставлением деятельной пропаганде монархистов⁶. Справедливо указывая, что после Гражданской войны единственным оружием осталось печатная и устная пропаганда, руководство РДО сосредоточивало свою деятельность на «пропагандной антибольшевицкой, но прогрессивной литературе: брошюры, которые можно раздавать...», а эти

брошюры собирались написать «чувственным языком, авторитетными именами и давали бы ясное представление о происходящем в России»⁷.

Совместная деятельность в рамках РДО велась, главным образом, «Парижской Республиканско-Демократической группой партии Народной Свободы» и «Крестьянской Россией» и осуществлялась в двух направлениях: издательской деятельности и в связях с Россией. Первым направлением руководила редакционная коллегия, избираемая съездом, в которую со временем вошли бы представители всех партий и групп РДО. В начале своей деятельности редколлегия состояла только из представителей Праги, Парижа (А.А. Аргунов и Н.Н. Богданов) и технического помощника, жившего в Берлине, фактическим руководителем стал П.Н. Милюков. Издательская деятельность первоначально в октябре 1923 г. намечалась в виде публикации периодического органа (планировался журнал под названием «Новая Россия») и изданием 12 брошюр, тиражом по 3000 экз.⁸ Авторами брошюр и статей в журнале рекомендовались лидеры всех организаций, вступивших в блок.⁹ Каждая из брошюр планировалась примерно в 2-3 печатных листа. Редактирование осуществлялось всеми редакторами в равной степени и согласованно. По плану в первую очередь подразумевалось издать: 1. С.С. Маслов «Аграрный вопрос», 2. П.Н. Милюков «Демократическая республика», 3-4. А.А. Аргунов (или С.С. Маслов) и П.Н. Милюков «Характеристика и ознакомление с политическими физиономиями демократической группы и «Крестьянской Россией», 5. С.Н. Прокопович, Е.Д. Кускова «Откуда собираются и куда идут народные деньги», 6. В.А. Мякотин «Кто и как управляет Россией», 7. [С.П.] Мельгунов «Монархисты» («Черносотенцы за работой»), 8. [Л.М.] Пумпянский «Советские ножницы» («Смычка города с деревней»), 9. Ст. Иванович «Рабочие и Государство», 10. Н.Н. Головин «Армия и Государство», 11. И.П. Демидов «Церковь и Государство», 12. П.Н. Милюков «Большевизм, мировая революция и внешняя политика». По предложению кадеты А.М. Михельсона в этот список была добавлена 13-я брошюра «Что крестьяне дают большевистской власти и что они получают от нее»¹⁰, а затем еще две «Образование и власть» А.Л. Бема и «Ложная культура» С.П. Мель-

гунова¹¹. Через несколько месяцев, на заседании 19 мая 1924 г. решено было издавать брошюры в серии «Библиотека Свободной России» и в первую очередь из 12 намеченных — пять: П.Н. Милюкова по национальному вопросу (она была создана на основе лекций, прочитанных в Швейцарии, и в результате работы в библиотеке Н.А. Рубакина), о Демократической группе, о «Крестьянской России», С.С. Маслова по аграрному вопросу, Ст. Ивановича о коммунистической партии¹².

За время своего существования издательство РДО выпустило более 20 книг и брошюр, из них наиболее авторитетные были за авторством П.Н. Милюкова¹³. Первоначально все издания печатались в издательстве «Свободная Россия» и оформлялись как выпуски серии «Библиотека Свободной России». Наиболее известными из них являются: Ст. Иванович «Российская коммунистическая партия» (Берлин, 1924), С.О. Загорский. «Рабочий вопрос в Советской России» (Берлин: на обложке указано издательство «Логос», на самом деле Прага: издательство «Свободная Россия», 1925), анонимная «Враги крестьянства» (Прага: издание Республиканско-демократический союз, 1926) с приложением платформы этой организации. Конечно, самым популярным автором был лидер РДО П.Н. Милюков. Его работы вызывали шумные дискуссии в Русском Зарубежье: «Национальный вопрос. Происхождение национальности и национальные вопросы в России» (Берлин: Свободная Россия, 1925, одноименная серия), «Эмиграция на перепутье» (Париж: РДО, 1926) с приложением «Что делать после крымской катастрофы: Извлечение из доклада П.Н. Милюкова, принятое парижской группой партии народной свободы 27 декабря 1920 г.» и «Три платформы Республиканско-демократического объединения (1922—1924). Политический комментарий П.Н. Милюкова, с приложением сравнительного текста платформ 1922, 1923, 1924 гг.» (Париж: РДО, 1925). Последнее издание планировалось первым в публикации серии публичных докладов членов РДО, посвященных ее идеологии и платформе. Намечены также к изданию были: П.Н. Милюков «Республика или монархия», «Белое движение», И.П. Демидов «Мировая война и

революция», Ст. Ивановича «Задачи демократии в борьбе с большевиками» и др.¹⁴.

К концу 1926 г. союз между группой П.Н. Милюкова и Крестьянской Россией начал распадаться. Одной из существенных причин раскола стала публикация брошюры П.Н. Милюкова «Эмиграция на перепутье» от имени Республиканско-демократического блока в серии «Библиотека Свободной России»¹⁵. Отказ редколлегии «Крестьянской России» утвердить ее как совместное издание привел к кризису, в результате которого П.Н. Милюков предложил своей группе: «1) Прекратить издание „Свободной России“, которое к тому же ведется слишком академично и поглощает много средств; 2) Начать новую литературную (издательскую) деятельность — брошюрную, при которой большая самостоятельность сторон не может помешать работе; 3) разделить бюджет на две части; 4) общим остается только аппарат распространения литературы»¹⁶. В начале 1927 г. стороны договорились о переходе от сотрудничества к параллелизму. Последний понимался как издательская политика в трех направлениях: выпуск общей агитационной литературы и двух независимых в редакционном отношении — по вопросам спорным для каждой группы. Соответственно на три категории делился и бюджет союза. Группа Милюкова после этих событий решила издавать небольшие брошюры в 30—40 страниц по актуальным и интересующим население вопросам, отказавшись от их теоретической трактовки¹⁷. РДО также заинтересовалось этой деятельностью и выделило на нее довольно значительную в пропорциональном отношении сумму из своего бюджета. На том же собрании была создана комиссия по разработке плана литературной деятельности. В ее состав вошли П.Н. Милюков, И.П. Демидов, П.П. Гронский, А.Ф. Ступницкий. Предполагалось, что комиссия будет работать в контакте с издательским комитетом РДО. Образцом для деятельности комиссии должно было служить дореволюционное издательство «Донская Речь» Н.Е. Парамонова¹⁸. В свете этих решений книги и брошюры стали выходить как с указанием названия издательства или выпускающей организации, так и анонимно в зависимости от политических обстоятельств или тактики распространения.

После 1927 г. был издан еще ряд книг и брошюр. Последним изданием РДС стала брошюра С.О. Загорского «К социализму или к капитализму?» (Прага, 1927), вышедшая в серии «Библиотека „Свободная Россия“». Остальные издания печатались в Париже уже как издания РДО. Это было связано с личным конфликтом П.Н. Милюкова и С.С. Маслова за власть в РДО, приведшим к фактическому выходу Крестьянской Россией из РДО и окончательному распаду их союза в 1928 г. Наиболее популярные брошюры были объединены в серию «Республиканско-демократическая библиотека»: «Что крестьянин получает за свой хлеб?» (1927), «Как они торгуют за границей» (1929), «Лицо политической эмиграции» (1931). Вне этой серии были напечатаны брошюра П.Н. Милюкова «Республика или монархия?» (1929), получившая многочисленные отзывы в прессе (в 1995 г. репринт выпустила Государственная публичная историческая библиотека в Москве), с его же предисловием вышли книги профессора А.П. Маркова «Кризис сельского хозяйства в СССР» (1933) и С.Н. Прокоповича «Идея планирования и итоги пятилетки» (1934). Но последнее издание РДО – А.П. Марков «Советский бюджет и народное хозяйство» (1934) было выпущено в Берлине уже при А. Гитлере в издательстве «Свободная Россия» в одноименной серии.

Наиболее серьезный исследователь деятельности П.Н. Милюкова в эмиграции С.А. Александров указывает: «издавались также листки и различные пропагандистские материалы, которые освещали новые явления политической и социальной жизни и вопросы республиканско-демократической идеологии»¹⁹. Среди подобных изданий наиболее популярной оказалась листовка «Воззвание РДО» — «Русские люди» (Париж: типография О. Зелюк, 1926), направленная против Зарубежного съезда монархистов, П.Б. Струве, П.В. Скаржинского и П.Н. Крупенского²⁰, и «Обращение к русским людям — От РДО» (Париж, 1926).

Органом РДО и лично П.Н. Милюкова была самая крупная и популярная ежедневная газета Русского Зарубежья — «Последние новости» (Париж, 1920—1940. №1—7015). В течение первого года существования эта газета редактировалась известным журналистом М.Л. Гольдштейном, но затем

ее редактором и автором большинства редакционных и публицистических статей становится П.Н. Милуков, занявший этот пост для пропаганды политической линии РДО²¹.

Уставной капитал «Последних новостей» декларировался подписчикам как равный 150000 франков²². Источники поступлений кроме продажи в розницу и подписки исследователи называют разные. Профессор М.И. Раев считает: «В начале своего существования „Последние новости“, очевидно, получали субсидии из различных источников, в том числе, возможно, от некоторых правительств, но вскоре благодаря своей широкой популярности стали в финансовом плане независимыми»²³. Исследователь эмигрантской журналистики профессор г.В. Жирков считает главным источником получения дотаций помощь русских капиталистов: «Недаром председателем ее правления в 1924—1940 гг. был крупный текстильный фабрикант А.И. Коновалов (1875—1948)»²⁴. Ю. Суомелла считает, что денежная поддержка приходила «Последним новостям» от чехословацкого правительства в 1920-1930-х гг.²⁵. Средний тираж (самый большой для газеты Русского Зарубежья) согласно обнаруженной в ГАРФ С.А. Александровым «Смете на издание газеты „Последние новости“ и расходы по обществу (за 1939 г.)» составлял 32000 экз.²⁶. В «Последних новостях» постоянными авторами были М.А. Алданов, А. Седых, Дон — Аминадо (А.П. Шполянский), Динео (И.В. Шкловский), В.Е. Жаботинский, Ст. Иванович (В.И. Талин), М.А. Осоргин, В.А. Мякотин, С.Н. Прокопович, Е.Д. Кускова, А.И. Деникин, В.А. Оболенский, К.Д. Бальмонт, А.Н. Бенуа, г.В. Адамович, В.В. Набоков-Сирий и мн. др. Публицист из газеты — конкурента — парижского «Возрождения» А.М. Ренников саркастично пошутил по поводу авторов «Последних новостей»: «М.В. Вишняк в цвету, С.М. Соловейчик заливается»²⁷. При газете существовал Комитет «Последних новостей», члены в нем платили единовременные взносы и взамен получали годовую подписку²⁸.

При газете выходили книги и брошюры. Наиболее известным является «„Последние Новости“»: Юбилейный сборник газеты „Последние Новости“ 27 апреля 1920 — 1930 гг.» (Париж, 1930). Кроме того, на французском

языке в типографии О. Зелюк была выпущена брошюра «Последние Новости» (Paris, 1928.) с историей газеты, картой распространения²⁹.

«Последние новости» были классической общеэмигрантской газетой и распространялись во всех странах, где жили русские эмигранты. Советская пресса в 1920-е гг. постоянно полемизировала с «Последними новостями», газета входила в реестры для чтения коммунистической элиты. Л.Д. Троцкий даже утверждал, что «Последние новости» регулярно читал И.В. Сталин, не знавший иностранных языков и предпочитавший эту газету одновременно русскую и иностранную³⁰.

Узкопартийным органом группы П.Н. Милюкова был журнал «Свободная Россия» (Прага; Берлин. 1924—1926. №1—9). Решение об издании этого журнала и его финансирование приняла парижская республиканско-демократическая группа³¹, вместо намечавшегося журнала «Новая Россия». Ответственным редактором «Свободной России» стали немцы В. Раре, затем Е. Раре. Фактическими редакторами журнала были П.Н. Милюков и А.А. Аргунов³², среди авторов С.С. Маслов, Е.Д. Кускова, С.Н. Прокопович, С.П. Мельгунов и др. Тираж первого номера — 3000 экз., следующих около 2000, половина номеров расходилась по подписке и в розницу среди эмигрантов, а треть тиража уходила в Советскую Россию³³. Первоначально в Русском Зарубежье распространение журнала должно было монопольно принадлежать парижскому издательству «Логос», но потом было решено создавать в каждой стране свои центры по распространению и варьировать цены в зависимости от условий в этих странах. Поэтому журнал начал продаваться через издательство «Я. Поволоцкого и К^о» и представительства «Последних Новостей»³⁴. На конференции РДС от 4 января 1926 г. обсуждался вопрос о литературной деятельности. Было сообщено, что хотя издания РДО и РДС попадают в крупные центры России (сам журнал через Прибалтику), но «Свободная Россия» слишком академичен для целей широкой пропаганды. Поэтому кроме журнала на конференции постановили выпускать нечто среднее между листовкой и брошюрой, по типу работы о крестьянстве³⁵.

С августа 1921 г. по февраль 1922 г. РДО принадлежала крупнейшая ежедневная газета «Русского Берлина» — «Голос России» (№725—896). Состав новой редколлегии был сформирован из сотрудников «Последних новостей». Редакторами новой газеты стали журналисты Соломон Львович Литовцев (Поляков) (1875—1945) и Л.М. Неманов, бывшие сотрудники кадетской «Речи», традиции которой они собирались продолжать за границей. «Ближайшее участие» в руководстве газеты принял из Парижа П.Н. Милюков. Номер «Голоса России» от 5 августа 1921 г. открывался передовой о вреде интервенции и пользе коалиции с социалистами и объединении всех демократических сил. Среди авторов «Голоса России», кроме членов группы П.Н. Милюкова, были писатель А.М. Ремизов и публицист В.И. Талин. Современники считали, что деятельность газеты финансируется напрямую Антантой³⁶. Весной 1922 г. во время кризиса газетного дела, вызванного ростом инфляции в Германии, «Голос России» из-за материальных затруднений был продан эсерам.

Кроме того, сторонниками П.Н. Милюкова в Париже издавалось еще четыре периодических органа: «Бюллетень РДО» (Париж, 1925—1931. №1—6), под фактической редакцией П.Н. Милюкова, содержавший подробные отчеты о жизни РДО; «Наше слово» (Париж, 1934—1939. №1—10); «Хроника Р.Д.О.: Ежемесячное неофициальное издание» (Париж, 1927—1932. №1—20) печаталась на множительном аппарате издательской комиссией (Г.М. Арнольди, Ст. Иванович, А.П. Марков, А.М. Кушнер), ответственный редактор П.Н. Милюков; ежемесячная газета «Призыв: Орган Р-Д группы студентов во Франции» (Париж, 1923. №1—30), ответственный редактор Е. Семенов. Видимо далее это издание выходило как одноименный журнал (1933—1940).

Все типы изданий, выпускаемые РДО, проникали в СССР практически только через «каналы» Крестьянской России. Номера газеты «Последние новости» предоставлялись в неограниченном количестве, а книги и брошюры партиями в несколько сот экземпляров.³⁷

-
- ¹ ГАРФ. Ф. 5856. Оп.1. Д. 240. Л. 10 об.
- ² Политическая история русской эмиграции 1920—1940: Документы и материалы. М., 1999. С. 518.
- ³ ГАРФ. Ф. 5856. Оп.1. Д. 187. Л. 1—4.
- ⁴ *Жирков Г.В.* Между двух войн: журналистика русского зарубежья (1920-1940). СПб., 1998. С. 71.
- ⁵ ГАРФ. Ф. 6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 18, 44.
- ⁶ Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии 1923—1933 гг. Т. 6, кн. 2. М., 1999. С. 94.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 6845. Оп. 1. Д. 2. Л. 270.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 34 об.
- ⁹ Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии 1923—1933 гг. Т. 6, кн. 2. С. 165.
- ¹⁰ Там же. С.166.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 35.
- ¹² Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии 1923—1933 гг. Т. 6, кн. 2. С. 259—260.
- ¹³ *Постников С.П.* Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции 1918—1945. N.I.: Notman Ross, 1993. Т. 1. С. 9.
- ¹⁴ Три платформы Республиканско-демократического объединения (1922—1924). Париж, 1925. С. 5.
- ¹⁵ Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии 1923—1933 гг. Т. 6, кн. 2. С. 421.
- ¹⁶ Там же. С. 424—425.
- ¹⁷ Там же. С. 430—431, 435.
- ¹⁸ Там же. С. 436—436.
- ¹⁹ *Александров С.А.* Лидер российских кадетов П.Н. Милоков в эмиграции. М., 1996. С. 54.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 162—162 об.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 240. Л. 17—17 об.
- ²² Там же. Д. 238а. Л. 249.
- ²³ *Раев М.* Россия за рубежом. М., 1994. С. 109.
- ²⁴ *Жирков Г.В.* Между двух войн: Журналистика русского зарубежья. СПб., 1998. С.70.
- ²⁵ *Суомела Ю.* Зарубежная Россия: Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской эмигрантской прессы в 1918—1940 гг. СПб., 2004. С. 114.
- ²⁶ *Александров С.А.* Лидер российских кадетов П.Н. Милоков в эмиграции. М., 1996. С. 135.
- ²⁷ Цит. по: *Гуль Р.Б.* Я унес Россию. Апология русской эмиграции. Т. 2. М., 2001. С.117.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 240. Л.10 об.

---

²⁹ Там же. Д. 238а. Л. 232—250 об.

³⁰ Цит. по: *Нильсен Е.П.* П. Миллюков и И. Сталин: О политической эволюции П.Н. Миллюкова в эмиграции // Новая и новейшая история. 1991. №2. С. 131.

³¹ ГАРФ, Ф. 7506. Оп. 1. Д. 73. Л. 1—4.

³² ГАРФ, Ф. 6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 103.

³³ Там же. Д. 15. Л. 34, 90 об.

³⁴ Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии 1923—1933 гг. Т. 6, кн. 2. С. 343, 359.

³⁵ Там же. С. 328, 324, 398.

³⁶ *Лысенко А.В.* Голос изгнания. М., 2000. С. 146.

³⁷ ГАРФ, Ф. 6845. Оп. 1. Д. 2. Л.5.

П.Н. МИЛЮКОВ В ПОИСКЕ КОНТАКТОВ С ОППОЗИЦИЕЙ В СССР В 20-е гг. XX В.

Конец этапа самостоятельного или коалиционного сопротивления власти большевиков со стороны демократических партий России привел их лидеров к необходимости переосмысления всей своей тактики, поиска альтернативы неудачной практике военного антибольшевистского сопротивления. В конце 1920 г. лидер Партии народной свободы (кадетов, ПКД—ПНС) П.Н. Милюков, предложил «новую тактику», с расчетом на постепенную эрозию советской власти. Он искал союзников слева, в рядах социалистов-революционеров¹.

В это же время и в партии эсеров появились искавшие новый курс со ставкой на крестьянство политики (С.С. Маслов, А.А. Аргунов, П.А. Сорокин), которые создали свою организацию — группу «Крестьянская Россия». Уже с конца 1921 г. С.С. Маслов получил прямую идейную и организационную поддержку П.Н. Милюкова. Весной 1922 г. его соратник И.П. Демидов отмечал, что Милюков видит союзником «новое течение и не кадетское, и не эсеровское, а некое среднее между ними»². Создание в декабре 1923 г. Республиканско-демократического союза (РДС) дало милюковцам и группе Маслова возможность получить средства из чехословацких источников и совместно искать пути в СССР.

Где и когда политическое взаимодействие Павла Милюкова с партнерами переходит в конспиративное действие? Известно, что П.Н. Милюков в состав организации Центр Действия (ЦД) не входил. Но он писал в издававшийся ЦД в 1922—1923 гг. журнал «Новь», который выходил «в количестве 1000 экземпляров и различными путями, главным образом, через польско-советскую границу нелегально доставлялся в Россию»³. Но у ЦД иссякли

финансы, и в апреле 1923 г. он прекратил поддерживать нелегальную связь с единомышленниками в Киеве и Москве.⁴ Вскоре почти все члены Киевского ЦД были арестованы⁵.

Весной 1923 года в Прагу приезжает из Польши бывший резидент ЦД в Варшаве, историк по образованию Борис Евреинов. Евреинов предложил Маслову, а затем и Милокову свои услуги по доставке в Россию литературы с помощью «замороженной» из-за отсутствия средств «линии связи» через советско-польскую границу.

П.Н. Милоков, зная об опыте «Нови», на переговорах в Праге 14—16 апреля 1923 г.⁶ и 3 июня 1923 г.⁷ положительно отнесся к идее доставки будущего журнала РДС в Советскую Россию. Б.А. Евреинов подготовил смету на содержание «линии связи», предполагая ассигновать до 10 000 крон или 192 000 франков в год⁸. Евреинов указывал на то, что Милоков встречался с главой МИД Чехословакии Эдвардом Бенешем, который «определенно и официально подтверждает свои обязательства»⁹.

После съезда РДС, прошедшего 25—28 декабря 1923 г. в Праге, Милоков в 1924 г. финансирует поездку Евреинова в Польшу. Тот должен выяснить, возможно ли после киевских арестов «вновь наладить работу линии связи, опирая ее на польском плацдарме»¹⁰. Б.А. Евреинов получил разрешение начальника политического отдела польского Генштаба полковника Байера вести деятельность в Польше, поляки в дела линии вмешиваться не будут¹¹. По итогам поездки была одобрена идея Евреинова перевести новый пункт связи на самокупаемость¹², вести легальную торговлю водкой в Польше у границы, рассчитывая и на прибыль от ее контрабанды в Россию¹³. Деятельность Евреинова была санкционирована руководством РДС, включая и Милокова, 19 апреля.

Примерно два года (1924—26 гг.) в распоряжении коалиции были средства, предоставленные чехословацким президентом Т.Г. Масариком и главой МИДа Э. Бенешем. Так П.Н. Милоков в октябре 1924 г. сообщил коллегам по бюро РДС: «Получено с мая по октябрь включительно» 120.000 fr.»¹⁴.

Но сомнения относительно конспиративной работы РДС, посетили Милокова уже в мае 1924 г. Он написал А.А. Аргунову о парижских настроениях: «У меня возникли сильнейшие сомнения, следует ли осуществлять принятое нами в Праге решение»¹⁵. П.Н. Милоков колебался: судя переданной ему записке ИНО ГПУ, весь план РДС работать на Россию был уже известен чекистам¹⁶.

Но партнерам удалось доказать Милокову необходимость работы, и Евреинов осенью сообщил, что журнала «Свободная Россия» «в самой Польше продано 219 за наличные». 321 разошлись по подписке. 600 экз. переброшено в Россию»¹⁷. Планомерная работа по переброске литературы прервалась в январе 1925 г. после провала резидента РДС Д.К. Капацинского.

К 1925 г. в руководстве РДС сформировалась общая точка зрения о «желательность посылки необходимых лиц в Россию»¹⁸ для установления контактов с демократической оппозицией. На сегодня удалось узнать имена некоторых сторонников РДС, которые были выявлены ОГПУ. Одна из них — юрист Нина Васильевна Воленс (1893—1937) работала в Ленинграде в Академии наук. В июле 1923 г. она побывала в Чехословакии, где встречалась с С.С. Масловым. Маслов говорил ей, что «желательно было бы получать информацию о положении в СССР»¹⁹. Воленс общалась в 1924—25 гг. с тульским кооператором бывшим эсером К.А. Новиковым, который считал себя «беспартийным социалистом»²⁰, и в Москве с юристом, бывшим социал-демократом А.В. Коротковым. ОГПУ считало группу Новикова нелегальной антисоветской структурой, «подготавливающей почву для организации, а/с групп в деревне»²¹. В сентябре 1925 г. Н.В. Воленс снова за границей — в Праге встречалась с С.С. Масловым в Праге, дала «устную информацию» о положении в СССР²². Ею был передан для публикации целый ряд материалов, включая и собственную статью²³ «О современном облике интеллигенции»²⁴, Воленс получила издания РДС и доставила их в Ленинград.

Именно в 1925 г. Милоков и поставил задачу: «сближение и связь с Россией»²⁵. На заседании Бюро Совета РДС в Праге 12 декабря 1925 г. (уча-

стники: А.А. Аргунов, Н.Н. Богданов, Б.А. Евреинов, С.С. Маслов. П.Н. Милоков, В.А. Харламов) обсуждали вопрос: «О сношениях с Россией»²⁶. П.Н. Милоков посчитал, что «вопрос действительно созрел», «к нему неоднократно обращались представители молодежи за помощью по отправке в Россию. Он считает своевременным совершить теперь отправку с информационными целями, использовав для этого южный путь»²⁷, то есть — Польшу.

4 января 1926 г. Б.А. Евреинов сообщил, что имеются «два пункта на Волини». <...> Брошюра «Враги крестьянства» имела успех. О глубине распространения литературы судить трудно. Поездки в Россию с целью организации и содействия распространения литературы и установления связей. Намечены три поездки»²⁸. П.Н. Милоков был доволен: «Результаты удачны. Надо заполнить представляющуюся возможность.»²⁹. Бюро РДС решило «признать очередной задачей установление регулярных связей»³⁰.

В 1926 гг. Воленс наладила переписку с единомышленниками в Праге через чехословацкое посольство в Москве. Посредником был посол И. Гирса. В начале 1926 г. для Воленс удалось переправить журнал «Свободная Россия» и книгу Милокова «Национальный вопрос»³¹.

Но уже к апрелю 1926 г., когда внутри коалиции начался спор о методах борьбы, П.Н. Милоков снова засомневался и написал Аргунову: «Я не уверен в значении наших расходов по Варшаве: до сих пор были только неисполненные обещания и несбывшиеся надежды. «Св<ободная> Р<оссия>» идет вяло, мелкие брошюры не вытанцовываются, отправка П<оследних>, Н<овостей>» за черту не организуется. Сношений с той стороной почти нет»³².

И вдруг именно в этот момент в РДС появляются люди, нашедшие путь в Россию. 18 ноября 1926 г. Маслов на закрытой встрече с группой Милокова в Париже сообщил об первом эмиссаре, успешно нелегально побывшем в России: «Вернулся посланный «Кр<естьянской> Россией» курьер. <...> Лицо это — представитель молодого поколения, разочаровавшийся в коммунизме, сторонником которого было одно время. Так как

он лично членам «Кр<стьянской> России» был мало известен, то и был отправлен в Россию без всяких адресов и на собственный страх и риск»³³.

Это был Николай Андреевич Бояров (по отцу — Мосевич). С 1919 г. он был комсомольцем, секретарем уездного комитета РКСМ. В начале 20-х годов — агент ЧК-ГПУ в Воронежской губернии. Затем находился на профсоюзной и советской работе в Крыму. После ссоры с начальством Бояров решил перебраться к родителям в Польшу в 1924 году и заняться «настоящей революционной работой». Легализовавшись под фамилией отца (Мосевич) в польском местечке Рудаки³⁴, он написал в эмигрантскую газету «За Свободу» разоблачительные статьи о разврате в комсомоле³⁵ и о коррупции в советских профсоюзах³⁶.

После этого Боярова-Мосевича пригласил в Варшаву представитель РДС в Варшаве Алексей Вакар, предложив вернуться в СССР и создать в Киеве подпольную группу. После перехода границы Бояров-Мосевич отправился на Лубянку и был завербован ГПУ³⁷. В Польше снова он появился уже в качестве секретного агента ГПУ, а руководство РДС попало на провокацию.

К этому моменту и в Праге у ОГПУ уже был агент — Николай Сергеевич Ирманов. Бывший белый офицер и участник савинковского движения Ирманов с 1923 г. работал на ГПУ в Польше³⁸. В августе 1924 г. Ирманова отправили в Прагу — для внедрения в РДС. Ему было «предписано от резидента ОГПУ — добиться отправки в СССР». «Ясно, что нужно было добиться доверия со стороны лиц, от которых это зависело. В этой работе у меня прошел весь 1925 г.»³⁹, — пишет Ирманов. Он стал членом кадетской группы в Праге и вошел в доверие к Б.А. Евреинову⁴⁰.

В конце июля 1926 г. Ирманов нелегально перебрался из Чехословакии в Польшу, а затем с помощью польской разведки проник в СССР⁴¹. Ирманов пробыл там месяц, выявляя для ОГПУ связи эмигрантов и польской разведки в Киеве, Москве и Ленинграде.

Ирманов пытался побеседовать в Москве с бывшими кадетами А.П. Корховым, Г.В.Шевелевым, М.В.Сабашниковым, с Екатериной Бальмонт,

побывал у семьи в Ленинграде, и вернулся через Польшу в Прагу⁴². Его отчеты о якобы существующих в Питере группах оппозиции были показаны Милюкову в Праге в декабре 1926 г.: «Кроме сведений, полученных из доклада Маслова о впечатлениях курьера, прибывшего из Сов<етской> России, П<авел> Н<иколаев>ч <Милюков> получил новые более свежие известия от вернувшегося только что в Прагу 2-го курьера. Эти сведения весьма полны, интересны и будут использованы для печати»⁴³.

Проникновение в Россию сразу двух агентов РДС и их возвращение смягчило накал конфликта в РД блоке, и П.Н. Милюков продолжает финансировать операции в СССР. 22 апреля 1927 г. он отправляет «чек на 93 фунта 14 шиллингов для покрытия майских расходов и того расхода в 5000 на эмиссара, о котором Вы писали»⁴⁴. 12 августа 1927 г. Милюков информирует Прагу: «Согласно письму Б.А. Евреинова посылаю Вам августовскую порцию плюс 5000 крон на посылку эмиссара №2»⁴⁵ — то есть Н.С. Ирманова.

Вторая поездка в СССР агента РДС и ОГПУ Николая Боярова-Мосевича состоялась в 1927 г. с 14 апреля по 17 июня. Границу эмиссар перешел уже с помощью сотрудников польского Генштаба.⁴⁶ После возвращения в Польшу, им в Варшаве к 28 июня 1927 г. был написан подробный отчет о политических настроениях в России⁴⁷.

И тут Милюков признал, что был излишне скептичен в отношении агентов РДС: «С удовлетворением признаю, что моя оценка деятельности наших эмиссаров неполна и что их работа выходит самым продуктивным образом за предполагавшиеся рамки»⁴⁸. Часть текстов из отчетов Мосевича была подготовлена к печати Б.А. Евреиновым. 21 августа 1927 г. в газете «Последние Новости» без имени автора была напечатана, представленная как «записки одного лица ездившего в Россию и только что вернувшегося оттуда»⁴⁹. Затем в августе—сентябре 1927 г. были опубликованы другие отрывки. Это три разговора под общим названием «Голоса из России». Первая беседа — «Голос спеца»⁵⁰. Это был сотрудник «Сахаротреста», в прошлом — кадет, Алексей Петрович Корхов (1878—1931) (Бояров-Мосевич

пытался побеседовать и с бывшим членом ЦК ПКД М.В. Сабашниковым, но тот от разговора отказался).

Вторая беседа — «Голос бывшего коммуниста»⁵¹. Она якобы прошла с бывшим коммунистом, который поддерживает правую оппозицию. Именовался он Валерьян Николаевич Иванов. Возможно, это был приятель Боярова-Мосевича, бывший активист комсомола, оппозиционно настроенный коммунист, студент Николай Бобовников⁵². Третья беседа — «голос рабочего»⁵³. Она якобы состоялась в Киеве с рабочим железнодорожных мастерских, названным в оригинале отчета как М.В. Федоров. «Иванов» (Бобовников) и Корхов в описании Мосевича заняли похожую позицию: эмиграция не должна мешать советской власти эволюционировать. Иванов был уверен в постепенной победе «правой оппозиции» над Сталиным. Корхов убеждал в том, что в силу объективных причин большевикам, чтобы не разрушить народное хозяйство, придется выполнять рекомендации специалистов, «власть должна перейти на почву дальнейших уступок, сначала еще больше экономических, а потом постепенно возможно и политических»⁵⁴. Рабочий Федоров настроен более оппозиционно, но с подозрением по поводу активности эмигрантов. Направленность текстов против антибольшевистского террора показывает, что они были отредактированы в ОГПУ.

Статьи вызвали отклик журнала «Борьба за Россию»⁵⁵. С.П. Мельгунов указывал на то, что пафос публикации подозрительно совпадает с эволюционистской позицией П.Н. Милюкова. А газета «Возрождение» поставила рассуждения «Иванова» под сомнение: «Письмо оттуда написано или по поручению московского ГПУ, или в парижском постпредстве, или, наконец, сфабриковано в самой редакции»⁵⁶. Но, несмотря на «заказные выводы», статьи Н.А. Мосевича оказались одними из немногих репортажей «Последних новостей» из-за «железного занавеса».

Летом 1927 г. через польскую границу был успешно переброшен в СССР лидер группы РДС в Брно Дмитрий Александрович Акимов. Он осенью 1926 г. попросил направить его подпольную работу в СССР. 13 июля 1927 г. Акимов выехал из Праги, нелегально перешел чехословацко-

польскую границу, был встречен сотрудником польской разведки, из Львова отправился к советской границе, перешел ее в ночь на 1 августа 1927 г. Затем через Винницу прибыл в Ленинград, где должен был дожидаться Н.В. Воленс.

С конца мая и до осени 1927 г. Н.В. Воленс находилась в Европе. За границу она вывезла письмо группы российских литераторов под названием «Писателям мира» с обличением большевистской цензуры, появившееся в эмигрантской прессе в июне 1927 г.⁵⁷. Она отправила документ из Парижа в Прагу Маслову заказным письмом⁵⁸. Он был опубликован на Западе и вызвал оживленную дискуссию с участием Р.Ролана и М.Горького. Намеченная встреча Воленс с Милюковым в Париже, кажется, не состоялась. Об этой встрече Воленс на допросе говорила: «С Милюковым я имел намерение встретиться для обмена впечатлениями о России. Но не хотела с ним устанавливать нелегальной связи»⁵⁹. По дороге из Италии в начале октября 1927 г. Н.С. Воленс увиделась со специально приехавшим в Берлин С.С. Масловым⁶⁰. Маслов сообщил ей о том, что в Россию уже отправился на работу эмиссар и передал Воленс пароль для контакта. Д.А. Акимову удалось нелегально прожить в Ленинграде до лета 1928 г., когда группа Воленс была раскрыта ОГПУ.

В конце июля 1928 г. был нелегально отправлен из Чехословакии в Польшу 35-летний Анатолий Константинович Вышковский (№ 5). Он был переправлен в СССР после 9 августа 1928. Н.В. Быстров вспоминал: «Был послан в Советский Союз для подпольной работы Вышковский (имя отчество не знаю), журналист, но, как говорили, он <при>переходе границы был арестован советскими властями»⁶¹. Евреинов убеждал Милюкова, что ему удастся выручить Вышк[овского]го: «Я Вам говорил в бытность Вашу в Праге, что «Кр<естьянская> Р<оссия>» отказалась от предложения поляков спасти его ценой заявки его польским агентом; мы это сделали сами, и теперь приобретаем уверенность, что В[ышковский] будет спасен; на днях мы получили письмо из тюрьмы, а «Кр<естьянская> Р<оссия>» послала ему денег и одежду»⁶². Идея обменять Вышковского на советских агентов не удалась, А.К.

Вышковский был расстрелян в Виннице по приговору окружного трибунала 25 мая 1929 г.⁶³.

С января 1928 г. по февраль 1929 г. в СССР снова находился Николай Мосевич. Отчет он сдал в Варшаве 18 марта 1929 г.

Агент сообщал, что вел «агитационно-организационную работу среди молодежи»⁶⁴, что он у него появились «некоторые связи с оппозиционными кругами троцкистов. Эмиссар рассказывал, что ему будто бы удалось связаться с и группой «правой оппозиции»⁶⁵. Мосевич же сообщал, что в конце 1928 г. он якобы нашел единомышленников, готовых устроить покушение на Сталина. На самом деле Мосевич открыто жил в Москве, много пил и гулял с друзьями, и все они знали, что он работает в ОГПУ.

Все эти путешествия проводились на средства, поступавшие от П.Н. Милюкова. В сентябре 1928 г Милюков отмечал: «Письменные доклады эмиссара №1 и №2 мне известны. В том и другом много интересного; кое-что я использую для газеты. Посылку их вновь и поддержание с ними связи я нахожу вполне целесообразной»⁶⁶.

По предложению П.Н. Милюкова⁶⁷ 19 ноября 1928 г. РДС как политический блок был распущен: «Центральное Бюро Союза в заседании 19 ноября 1928 г. постановило: считать Союз с 1 января 1929 г. прекратившим свое существование»⁶⁸. Теперь коалицию отчасти заменяла созданная в Праге еще 5 декабря 1927 г. пражскими лидерами кадетов и крестьянороссов техническая структуры по переброске людей и литературы в Россию — конспиративная организация «Опус»⁶⁹. Членами ее Руководящего комитета (Руккома) назначили «В.В. Бранда, А.А. Вакара, Б.А. Евреинова и С.С. Маслова»⁷⁰. Организация работала почти три года. В нее вошли также представители группы «Борьба за Россию» (С.П. Мельгунов, Н.С. Озерецковский), кадетов центра (Н.И. Астров). Средства для отправки в СССР еженедельника «Дни» давал А.Ф. Керенский⁷¹.

В апреле 1929 г. П.Н. Милюков принял решение отправить из Парижа через Прагу для перехода в СССР члена РДО Николая Васильевича Борисова. Эту персону Милюков лично выбрал среди своих молодых поклонни-

ков. Секретарь Милюкова Арнольди молодому человеку дал прекрасные рекомендации: «Он относительно менее оторванный от совр<еменной> России, чем другие из нас. 4—5 лет тому назад в качестве исключенного из Вуза сов<етского> студента он бежал из Сов. России, на свой страх, перейдя границу. <...> Его антибольшевизм советского происхождения, а не традиционно унаследованный от белой борьбы. <...> Эрдек он твердый, но не без левого оттенка, впрочем, в естественно-законных пределах («Милюковец»)⁷².

Руководство «Опуса» 18 апреля 1929 г. эту операцию санкционировало⁷³, но через Польшу Борисова отправить не удалось. В конце мая 1929 г. польские спецслужбы, как писал Евреинов «потребовали полного прекращения нашей работы, проводившейся до сего времени на их территории, причем была высказана угроза, в случае послушания, выселить из переделов Польши всех причастных к этой работе. <...>»⁷⁴. П.Н. Милюков считал, что разрыв «вызван опасением компрометации перед советами — и в таком случае каким-нибудь фактом, обнаружившим недостаточную конспиративность и солидность всего дела»⁷⁵.

В связи с происшедшим в Польше Б.А. Евреинов предлагал добиваться большей «эмансипации» от польских «друзей», сношениями с которыми ведал В.В.Брандт и даже создать собственную лабораторию по фабрикации «нужных для путешествий «туда» документов, обзавестись для поездок по Европе «нейтральными», не требующими виз «например болгарскими» паспортами, чтобы устранило визовые хлопоты. Об этом он просил Милюкова» начать переговоры с болгарями.

На это Милюков ответил 10 июня 1929 г.: «Этот крах, во-первых, дает нам возможность отделаться от наших союзников, и, во-вторых, перестроить аппарат. Старую территорию, по-моему, надо совершенно бросить, ибо работа без хозяев при сложившемся положении кажется мне чересчур рискованной. Относительно паспортов, я могу переговорить, но не здесь, а во время моей поездки на Балканы, т. е. не раньше октября. Относительно фабрики — дело очень рискованное, так что у меня тут своего мнения нет. <...>

Устремив все внимание на север, придется быть осторожными в других расходах»⁷⁶.

Б.А. Евреинов летом 1929 года вышел из состава «Опуса»⁷⁷, выполнив указание П.Н. Милюкова «отделаться» от переживавшей финансовый кризис «Крестьянской России».

Уже 9 июня Борисов был срочно отправлен из Праги сначала в Латвию в Ригу, а затем в Эстонию, где и оставался все лето, попусту ожидая проводника. Жил герой на квартире П.А. Богданова, ждал помощи от него и от печорского активиста «Крестьянской России» Б.А.Семенова. В августе произошел скандал, закрывший для Борисова всякую возможность остаться в Таллинне. Студент скандально увел у немолодого П.А. Богданова жену.

После 19 августа 1929 г. Богданов отказал гостю в помощи и предлагал отозвать Борисова. Помощник Милюкова г.М.Арнольди посчитал это предложение «необоснованным, хот и понятным», продиктованным «семейной драмой», предлагал ждать и не делать перехода «на ура»⁷⁸. Борисов в последние дни августа искал способ перейти границу, но 28 августа Б.К. Семенов посоветовал ему подождать проводника, и Борисов отложил самостоятельную попытку⁷⁹, затем он был выслан властями Эстонии из страны⁸⁰. Борисов с женой приехал в Париж, где был прощен Милюковым⁸¹. Б.А.Евреинов бурно требовал отлучить Борисова от политики»⁸².

П.Н. Милюков вынужден был признать правоту подчиненного⁸³. Таков был первый самостоятельный эксперимент Милюкова по посылке члена РДО в СССР, который лидер РДО прокомментировал довольно мрачно: «Этот печальный эпизод ликвидирован, но он оставил у меня довольно горькое ощущение. Уже не в первый раз я задаю себе вопрос: стоит ли овчинка выделки?»⁸⁴

Но вопреки этому настроению Милюков поддался на новые предложения Евреинова: тот решил увести у «Крестьянской России» агента Николая Мосевича. Милюков выделил деньги⁸⁵. Мосевич ушел в советскую Россию, успешно вернулся к хозяевам в Москве, но в ноябре 1930 г. был арестован прямо в здании на Лубянке. Причиной стал оказавшийся в распоря-

жении следователей ОГПУ написанный им за границей фантастический план покушения на Сталина.

На следствии в Особом отделе ОГПУ Н.А. Бояров показал: «В апреле 1929 г. представил Руководящему комитету “ОПУС” а”, состоявшему из представителей от РДО — Евреинова, «Крестьянской России» — Маслова, «Борьбы за Россию» Озерецковского, составленный мной краткий проект о производстве взрыва в ЦК ВКП(б) и убийстве вождей ВКП(б). Проект этот был кратким докладом, доказывающим необходимость и возможность таких актов, возможность найти людей на месте, технические же средства получить за границей и перевести в СССР. <...> В письменном виде с этим составленным мной проектом познакомился П.Н. Милюков. В “ОПУС”е” этот проект было одобрен Масловым, Милюков вначале отнесся к нему осторожно, однако, впоследствии — в марте 1930 г. — Евреинов передавал мне инструкции РДО и Милюкова о проведении работы по выяснению на месте возможности осуществления этого проекта»⁸⁶. Никаких доказательств в пользу самооговора следствием не приводится. В ноябре 1930 г. Особым отделом ОГПУ были арестованы все знавшие Мосевича: агрономы А. Корхов и М. Шевелев, издатель М. Сабашников, комсомольский активист Н. Бобовников и др. В Праге и Париже об этом долго ничего не знали.

В 1930—31 гг. П.Н. Милюков еще выделял небольшие суммы на пересылку литературы в СССР. Он принял предложение В.М. Кудрявцева через Берлин нелегально «высылать до 400 экз. газеты <<Последние новости>> в месяц» в СССР⁸⁷. В марте 1931 г. он выделил деньги, чтобы «выручить М<осевича> из его поездки»⁸⁸.

Но уже летом 1931 г. он на просьбы Б.А. Евреинова продолжить подобные операции Милюков ответил отказом: «Относительно «дальнейшей работы», должен признаться, у меня нет никакого «подлинного намерения». Знаю только, что в прежней работе мы все разочаровались и вести ее дальше в этом направлении и невозможно, и бесполезно»⁸⁹.

В 20-е гг. П.Н.Милюков не раз высказывал скептицизм по поводу походов в СССР, но почти 8 лет он средства на конспирацию выделял. Сама

логика существования РДС заставляла его идти навстречу рискованным проектам. К тому же, как редактор самой популярной газеты эмиграции, Милюков был заинтересован в получении эксклюзивной информации из СССР. И иногда он мог праздновать победу.

Каков был результат? В остатке с одной стороны были несколько ярких публикаций, с другой — растраченные деньги, и искалеченные человеческие судьбы. Получили по 10 лет лагерей эмиссар РДС Д.А. Акимов, Н.В. Воленс и др. Но были и трое расстрелянных большевиками. Это вышеупомянутый курьер А.К. Вышковский, Н.А. Бояров (Мосевич), от которого особый отдел ОГПУ, добился признания в том, что он польский шпион. 20 апреля 1931 г. агент чекистов Николай Бояров (Мосевич) был приговорен Коллегией ОГПУ к высшей мере и расстрелян 24 апреля⁹⁰. Третьим погибшим был собеседник Мосевича в Москве — агроном А.П. Корхов. Он поплатился за публикацию интервью в «Последних Новостях», был расстрелян по решению Коллегии ОГПУ от 20 апреля 1931 г.⁹¹.

После серии провалов к П.Н. Милюкову пришло разочарование, но он отказался от идеи получения эксклюзивной информации из СССР, не столько по моральным соображениям из-за жертв, сколько по объективным причинам: все попытки РДО нелегально проникнуть в СССР провалились.

Оборотной стороной отказа Милюкова от попыток поддерживать непосредственный контакт с советской аудиторией, получить независимую и достоверную информацию путем посылки эмиссаров в СССР стал очевидный дрейф самого политика и его газеты на позиции, большего использования советской официальной информации, убеждения читателей в возможности мирной эволюции режима.

Потеря непрочной связи с Россией для лидера РДО была существенной. Ведь даже советская агентура, дабы не быть разоблаченной, вынуждена была наряду с постоянным убеждением заграницы, что в СССР все интеллигенты против антибольшевистского террора и за эволюцию, давать о советских реалиях и достоверные сведения. Имея частично подконтрольный советской разведке канал связи с СССР П.Н. Милюков был отчасти жертвой

манипуляций ОГПУ. Но оборвав эти опасные секретные связи, главный редактор «Последних новостей» как аналитик процессов в СССР, стал жертвой укрепившихся собственных заблуждений: теории эволюции сталинизма в государстве, защищающее национальные интересы России.

---

¹ Протоколы Заграничных групп конституционно-демократической партии. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 6, кн. 1. С. 189—190 (далее — Протоколы).

² ГАРФ. Ф. Р—7506. Оп. 1. Д. 71. Л. 295 (цит.: по: Протоколы. Т. 6, кн. 1. С. 189).

³ ГАРФ. Ф. Р—5784. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

⁴ ГАРФ, Ф. Р—6366. Оп. 1, Д. 8. Л. 5 (Письмо Б. Евреинова Е. Вагнер от 18 октября 1925).

⁵ В Киеве весной 1924 г. был проведен показательный процесс, о котором С.П. Мельгунов отозвался так: «Дело закончилось киевским процессом так называемого «Центра Действия», в котором по большевицкому обычаю был провокационно инициирован «шпионаж» с целью расправы». Благодаря кампании международной солидарности, вмешательству президента Франции Р. Пуанкаре, глав других стран Европы, профессуру удалось спасти от расстрела, позже «заговорщикам» сроки были снижены вдвое.

⁶ Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике / Под общей редакцией Белошевой Л. Прага, 2000. Т. 1. С. 99—100.

⁷ Протоколы. Т. 6, кн. 2. С. 118.

⁸ ГАРФ. Ф. Р—5784. Оп. 1. Д. 144. Л. 99.

⁹ Там же.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р—6636. Оп. 1. Д. 55. Л. 1 (Доклад о поездке в Польшу в 1924 г.).

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² ГАРФ. Ф. Р—6366. Оп. 1. Д. 59. Л. 3 («Доклад о реорганизации линии связи»).

¹³ Там же.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р—6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 91 (Протокол заседания Р.Д.С. от 22 октября 1924 г. №1).

¹⁵ Там же. Д. 8. Л. 68 (Письмо П.Н.Милокова А.А. Аргунову от 6 июня 1924 г.).

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р—6366. Оп. 1. Д. 34. Л. 5 (Записка отдела внешней информации ИНО ГПУ о Республиканско-демократическом объединении. 1923 г.).

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р—6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 90 (Протокол заседания Р.Д.С. от 22 октября 1924 г. №1).

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р—6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 87 (Протокол заседания ДемБлока от 19-го апреля > 1924 г.).

¹⁹ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П—87257. Л. 26.

²⁰ ЦА ФСБ РФ. Д. Р—35062. Т. 1. Л. 69.

-
- ²¹ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П—82647. Л. 34.
- ²² Там же. Д. П—87257. Л. 27.
- ²³ Там же. Л. 31.
- ²⁴ [Воленс Н.В.] О современном облике интеллигенции // Вестник Крестьянской России. 1925. №6/7.
- ²⁵ Протоколы. Т. 6. Кн. 2. С. 354.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. Р—6075, Оп. 1, Д. 15. Л. 111.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. Л. 113 (Протокол заседания №2 РДС от 4 января 1926 г.).
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же
- ³¹ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П—87257. Л. 28.
- ³² ГАРФ. Ф. Р—6075. Оп. 1. Д. 8. Л. 19 (Письмо П.Н.Милокова А.А. Аргунову от 9 апреля 1926 г.).
- ³³ ГАРФ. Ф. Р—6344. Оп. 1. Д. 91 Л. 341.
- ³⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р—33979. Л. 12—14.
- ³⁵ *Мосевич Н.* «Смыкальцы» в натуре // За Свободу. №300 (1704), 26 ноября 1925 г.
- ³⁶ *Мосевич Н.* В недрах профсоюзов // За Свободу. №319 (1722), 18 декабря 1925 г.
- ³⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р—33979. Л. 14—18.
- ³⁸ Там же. Д. Р—23418. Л. 137—138.
- ³⁹ Там же. Л. 141.
- ⁴⁰ Там же. Л. 140—142.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. Р—6366. Оп. 1. Д. 41. Л. 6.
- ⁴² ЦА ФСБ РФ. Д. Р—23418. Л. 152—153.
- ⁴³ Протоколы. Т. 6, кн. 2. С. 431.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р—6075. Оп. 1. Д. 8. Л. 8 (Письмо П.Н.Милокова А.А. Аргунову от 22 апреля 1927 г.).
- ⁴⁵ Там же. Л. 7.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р—6366. Оп. 1. Д. 58.
- ⁴⁷ Там же. Л. 1—58.
- ⁴⁸ Там же. Д. 66. Л. 11 (Письмо П.Н.Милокова Б.А. Евреину).
- ⁴⁹ Картинки России // Последние новости. 1927. 21 августа. №2342
- ⁵⁰ Голоса из России. Голос спеца // Последние новости. 1927. 26 августа. №2347
- ⁵¹ Голоса из России. Голос бывшего коммуниста // Последние новости. 1927. 29 августа. №2350.
- ⁵² ЦА ФСБ. Д. Р—14604. Л. 54—55.
- ⁵³ Голоса из России. Голос рабочего // Последние новости. 1927. 6 сентября. №2358.

-
- ⁵⁴ ЦА ФСБ Д. Р—37138. Л. 75.
- ⁵⁵ Мельгунов С.П. Непонятное // Борьба за Россию. Париж, 1927. №43.
- ⁵⁶ Глупость или измена? // Возрождение. Париж, 1928. 5 ноября. №1252
- ⁵⁷ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П—87257. Л. 26.
- ⁵⁸ Там же. Л. 45.
- ⁵⁹ Там же. Л. 51.
- ⁶⁰ Там же. Л. 26.
- ⁶¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р—46470. Л. 244.
- ⁶² VAR, Miliukov coll. Box 1. File Evreinov (Письмо Б.А. Евреинова П.Н. Милокову от 18 апреля 1929 г.).
- ⁶³ Справка ЦА ФСБ РФ.
- ⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р-6075. Оп. 1. Д. 16. Л. 8 (Организационный доклад за 1928-29 г. от 18 марта 1929 г.).
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р—6366. Оп. 1. Л. 16 (Письмо П.Н. Милокова Б.А. Евреинову б.д. (август-сентябрь 1928 г.).
- ⁶⁷ К сведению членов партии // Информационный бюллетень Крестьянской России. Издание Центрального комитета «Крестьянской России — Трудовой Крестьянской партии», декабрь 1928, №9. С. 1 (78).
- ⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р—6075. Оп. 1. Д. 15. Л. 161 (Заявление РДС).
- ⁶⁹ Есть две версии названия: от латинского «Orus» т.е. «действие» или как аббревиатура: организация по установлению связи.
- ⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р—6366. Оп. 1. Д. 52. Л. 1 (Протокол №1 заседания Руководящего комитета ОПУС).
- ⁷¹ ГАРФ. Ф. Р—6663. Оп. 1. Д. 45. Л. 6 (Письмо Б.А.Евреинова).
- ⁷² ГАРФ. Ф. Р—5865. Оп. 1. Д. 214. Л. 31 (Письмо А.Ф.Керенского Е.Д. Кусковой от 3 июля 1928 г.).
- ⁷³ ГАРФ. Ф. Р—6366. Оп. 1. Д. 36. Л. 19 (Письмо Г. Арнольди — Б. Евреинову от 24 апреля 1929 г.).
- ⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р—6075. Оп. 1. Д. 16. Л. 18 (Протокол заседания Орус).
- ⁷⁵ VAR, Milyukov coll. Box 1. File Evreinov (Письмо Евреинова Милокову от 27 мая 1929 г.).
- ⁷⁶ Там же (Письмо П.Н. Милокова Б.А. Евреинову от 10 июня 1930 г.).
- ⁷⁷ Там же (Копия письма П.Н. Милокова Б.А. Евреинову от 10 июня 1930 г.). Оригинал: ГАРФ. Ф. Р—6366. Оп. 1. Д. 12. Л. 26.
- ⁷⁸ ГАРФ Ф. Р—6075. Оп. 1. Д. 16. Л. 29 (Заявление Б.А. Евреинова о выходе из состава Руккома от 30 июня 1929 г.).
- ⁷⁹ VAR Miliukov coll. Box 6 (Письмо Г.А. Арнольди П.Н. Милокову).

---

⁷⁹ Там же (Письмо Борисова Семенову от 5 сентября 1929 г.).

⁸⁰ Там же. Вох 1. Files: Evreinov, Arnoldi, Borisov.

⁸¹ *Мейснер Д.И.* Миражи и действительность. Записки эмигранта. М.: Издательство АПН. 1966. С. 141.

⁸² ВАР Милиуков coll. Вох 1. File Evreinov (Письмо Б.А. Евреинова П.Н. Милокову от 14 сентября 1929 г.).

⁸³ ГАРФ. Ф. Р—6366. Оп 1. Д. 12. Л. 32 (Письмо П.Н. Милокова Б.А. Евреинову от 20 сентября 1929 г.).

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. Л 39 (Письмо П.Н. Милокова Б.А. Евреинову от 25 января 1930 г.).

⁸⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Р—33979. Л. 58—59.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р—6366. Оп 1. Д. 12. Л. 43 (Письмо П.Н. Милокова Б.А. Евреинову от 1 мая 1930 г.).

⁸⁸ Там же. Л. 48 (Письмо П.Н. Милокова Б.А. Евреинову от 26 марта 1931 г.).

⁸⁹ Там же. Л. 49 (Письмо П.Н. Милокова Б.А. Евреинову от 2 июля 1931 г.).

⁹⁰ ЦА ФСБ РФ. Д. Р—33979. Л. 76, 79.

⁹¹ Там же. Д. Р—37138. Л. 95.

Анна Владимировна УРЯДОВА

кандидат исторических наук, доктор истории Сорбонны
Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова, Россия

П.Н. МИЛЮКОВ И «ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ» О СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Оказавшись в эмиграции, в начале 1920-х П.Н. Милюков выступал резко против любых договоров с советской Россией. Он рекомендовал русским финансовым и торгово-промышленным кругам убеждать европейские правительства, бизнесменов и банкиров не устанавливать с большевиками никаких отношений, создать вокруг РСФСР экономическую блокаду, вплоть до эмбарго. Такая политика, по его мнению, должна была вызвать экономические и социальные трудности, которые заставили бы большевиков вернуться к государственной системе, основанной на свободной хозяйственной инициативе и частной собственности¹. «Последние новости» во время голода 1921 г. выступали даже против иностранных денежных займов, выделяемых РСФСР для борьбы с ним, поскольку считали, что эти средства большевики потратят не по назначению, и они послужат укреплению советской власти², хотя против помощи голодающим вообще не возражали*. По мнению исследователя Нильсена, на начальном этапе Милюков скептически относился к актам советской дипломатии из-за ее «неумелости», постепенно изменяя свою точку зрения по мере накопления ею опыта⁴. Вероятно, дело было не только в этом, но и в невозможности психологической адаптации к новой ситуации, неприятию на этом этапе Милюковым всего советского.

Совершенно иная реакция наблюдалась, когда речь шла об интересах России вообще. Эта двойственность в поведении Милюкова наглядно проявляется во время международных конференций начала 1920-х гг. Не смотря на отсутствие официального приглашения, он принял участие в Вашингтонской

конференции, а вернее в некоторых ее специальных совещаниях, посвященных читинской делегации и эвакуации японцев из Сибири, в качестве делегата от Исполнительной Комиссии Учредительного собрания (вместе с Н.Д. Авксентьевым). Хотя, судя по письмам Бахметева, был занят не столько вопросами конференции, сколько делами «Учредилки»⁵. Бывший посол критиковал освещение этого события «Последними новостями» и преувеличенное внимание к роли Милюкова в нем. В целом же, он оценивал его деятельность в США положительно, но считал, что на конференцию как таковую его работа влияния не оказала⁶.

П.Н. Милюков протестовал против приглашения РСФСР на Генуэзскую конференцию, называя его «соглашением с господствующей теперь в России властью с целью эксплуатации русского народа в интересах иностранных капиталистов»⁷. Он возражал и против участия в ней представителей эмиграции, поскольку считал, что она не должна иметь никакого касательства к решениям, могущим связать Россию в духе заключенных большевиками договоров. Анализируя работу конференции, он отмечал, что уже сами требования сторон заключали в себе причину ее неудач: требовали от России публичного признания долгов и обязательств, восполнения ущерба, восстановление системы производства и в то же время декларировали принцип невмешательства в экономическую жизнь других стран. Среди других причин провала конференции он назвал: 1) изменение позиции Англии; 2) отсутствие единства внутри как западных, так и советской делегаций; 3) изменение стратегии советской делегации, в связи с поступлением из Москвы инструкции, предписывающей ей быть непримиримой и отстаивать свои позиции⁸. После окончания конференции, анализируя роль в ней различных стран, он пришел к выводу, что главную роль на ней играл Ллойд Джордж, но по ходу конференции он «охладел к экономическому восстановлению России и перестал проявлять уступчивость»⁹, поэтому большинство вопросов и были перенесены на Гаагскую конференцию. Результатом последней, он называл окончательную победу в советской международной политике непримиримого течения, что проявилось, по его мнению, прежде всего в смене

главы советской делегации: вместо интеллигентного культурного г.В. Чичерина, во главе делегации встал неотесанный М.М. Литвинов, призванный применить метод наглости и напористости¹⁰. Милюков писал, что на этой конференции большевики проявили себя невежественно, были не способны считаться с обстановкой. Лозаннскую конференцию он назвал унижительным итогом падения международного престижа России при советской власти, отмечая при этом, что именно с 1922-1923 гг., вопрос о признании России был фактически решен¹¹.

Активную позицию П.Н. Милюков занял и в двусторонних отношениях РСФСР (СССР) с западными державами. 3 ноября 1922 г. он и В.А. Маклаков участвовали в прениях по докладу Эррио относительно отправки французской торговой делегации в Россию. Милюков остановился на критике практических предложений французской стороны, подчеркнув, что русское зарубежье приветствует мероприятия, направленные на помощь народу, но отвергает шаги, ведущие к укреплению правительства¹². «Последние новости» критиковали Рапалльский договор, поскольку считали, что внешнеполитическая стабилизация будет способствовать внутренней, что может привести к свертыванию НЭПа, т.е. прекращению эволюции большевиков. П.Н. Милюков отрицательно относился к установлению дипотношений Великобритании с СССР¹³. «Последние новости» также решительно высказались против признания СССР западными державами, активно дискутируя со своими оппонентами¹⁴.

Под влиянием происходивших на Родине событий, с изменением международной ситуации с середины 1920-х гг. происходит изменение отношения Милюковым советской внешней политике. В 1925 г. он публично признал, что «есть случаи, в которых советское правительство представляет Россию, — например, в некоторых случаях внешней политики»¹⁵. Об эволюции его взглядов свидетельствует цикл статей «Международное положение советских властей»¹⁶. Изменился и отношение «Последних новостей», которые продолжали считать себя противниками внутренней политики, но не имели возражений против большинства международных инициатив СССР.

Так, например, когда в мае 1927 г. Великобритания разорвала дипломатические отношения с СССР, газета расценила такой поворот событий как опасность для России¹⁷.

В 1927 г., подводя итоги советской внешней политики, Милоков дает ее периодизацию. 1919 г. он считал «почти полным пробелом» в истории советской дипломатии, который начинает преодолеваться со второй половины 1919 г. и с этого времени идет по некой средней линии, равнодействующей между линией мировой революции и линией реальных потребностей России и международной обстановки¹⁸. Далее он выделяет 4 периода: 1) 1920—1921 — единственно возможной и желательной для большевиков реальной целью в Европе является заключение торговых договоров; 2) 1922—1923 — сама Европа пытается привлечь советскую власть на международные конференции с целью выработки *modus vivendi*; 3) 1924 — стало понятно, что цели второго периода не осуществились, наступает период попыток отдельных держав восстановить нормальные международные отношения с советской властью, хотя бы ценой фактического или даже правового признания этой власти; 4) 1925—1926 — характеризуется разочарованием, которое последовало за признанием. За разочарованием вновь пробудилось и сознание международной опасности коммунистической пропаганды¹⁹.

В 1929 г. внимание эмиграции было приковано к КВЖД. Некоторые русские верили, что развитие этого советско-китайского конфликта приведет к краху советской власти, ратовали за участие в нем²⁰. «Последние новости» не разделяли этого энтузиазма. В связи с чем, П.Б. Струве на страницах «Возрождения» высказал недоумение в адрес П.Н. Милокова и редактируемой им газеты²¹. Эта «дальневосточная дискуссия» получила свое развитие в начале 1930-х гг. В феврале 1932 г. П.Н. Милоков сделал доклад «Дальневосточный конфликт и Россия». Он был вызван начавшимся в конце 1931 г. вторжением японцев в Манчжурию — Милоков опасался их возможного продвижения в СССР. Он неоднократно подчеркивал, серьезность положения на Дальнем Востоке, опасность национальным интересам и еще раз повторил тезис, высказанный несколькими годами ранее о том, что есть случаи, в кото-

рых советская власть «действительно представляет интерес России»²², предпочитая эмиграцию от участия в нем. Думается, дело здесь было не столько в новой тактике, сколько в убеждениях П.Н. Милюкова, отстаивавшего аналогичную точку зрения еще на Вашингтонской конференции. «За свободу» назвала позицию Милюкова «маргариновым патриотизмом»²³. Наиболее активно дискуссии с ним по этому вопросу начали А.Ф. Керенский и «Возрождение», одобрявшие японские действия, как ведущие к ослаблению советской власти²⁴. С этим был в корне не согласен П.Н. Милюков, отмечавший, что, прежде всего это будет удар по России и ее интересам. В подобных ситуациях наилучшим для эмиграции он считал позицию «нейтралитета».

В начале 1930-х Милюков занял оборонческие позиции. В 1933, выступая в Праге, он заявил: «В случае войны между Германией и СССР эмиграция должна безоговорочно быть на стороне своей Родины»²⁵. Эту мысль он неоднократно повторял и во время более поздних докладов, стремясь донести до эмигрантов свои тревоги за то, что «из борьбы против большевиков борьба может превратиться в борьбу против России»²⁶. По мнению Н.В. Устрялова именно тогда редактор «Последних новостей» занял «национально-советскую позицию». С одной стороны, сменовеховец сожалел, что Милюков сильно запаздывает, а с другой радовался, что тот все же не стоит на месте, а медленно движется вперед²⁷.

В конце 1930-х гг. «Последние новости» и ее редактор пристально следили за развитием советско-европейских отношений, в которых, по мнению Милюкова, СССР должен был ставить себе две цели: 1) обеспечить безопасность границ и по возможности восстановить государство в границах Российской империи; 2) ориентироваться на западные демократии²⁸. Вначале, он опасался, что Сталин начнет сотрудничать с Гитлером, но враждебное отношение Германии к СССР в тот период, а также литвиновская дипломатия, направленная на создание широкого антифашистского фронта, на время успокоили его²⁹. Результаты Мюнхенского совещания потрясли его, хотя он не утратил веру в возможность сотрудничества СССР с демократическими государствами, возлагая особые надежды на московские переговоры лета 1939 г. Когда же ситуация

изменилась на 180° и был заключен советско-немецкий пакт, Милуков и его газета, первое время реагировали на него резко негативно, называя предательством по отношению к Англии и Франции³⁰. Чуть позже, эта точка зрения была скорректирована, и соглашение Сталина с Гитлером было расценено как мудрый тактический шаг³¹, что до сего дня для многих исследователей остается не понятным. По мнению шведского исследователя Е. Нильсена такая тактика не является неожиданностью. Он считает, что Милуков, видимо, решил, что договор принесет России больше пользы, чем неудобства: необходимая передышка, возможность присоединения к СССР Бессарабии, восточной Польши и старых прибалтийских губерний³². С этим согласны и некоторые другие исследователи, которые видят причины такой смены отношения к договору в положительной оценке Милуковым перехода Красной Армией советско-польской границы, с последовавшим за этим воссоединением белорусского и украинского народов, денонсацией Брест-Литовских соглашений, лишивших Россию права обладать балтийским берегом и договоренностей относительно балтийских стран³³. В отношении Польши, это не совсем точно. Есть публикации, в которых советское вторжение туда названо «преступным безумием и по отношению к будущему России, и в глазах всего мира»³⁴. Что касается прибалтийских государств, то выбирая между советизацией и европеизацией Прибалтики, Милуков склонялся к первому варианту, вплоть до формальной аннексии и полной советизации³⁵. С точки зрения Милукова, это было не только возрождение государства в прежних границах, но и сдерживание фашистского продвижения на эти территории, а, следовательно, удар по Гитлеру³⁶. Уже тогда, один из немногих Милуков распознал в двойственность советско-германский отношений. Он писал, что политика СССР «не только направлена против собственного союзника, но и кровно заинтересована в том, чтобы этот союзник был, в конце концов разбит»; внешняя же политика будет постепенно и вынужденно переориентироваться в противоположную заключенному союзу сторону³⁷, по мнению Милукова в сторону Франции³⁸. Милуков пытался доказать, что Сталин, насколько позволяет нейтралитет, все делает, чтобы навредить Германии³⁹.

В борьбе Гитлера со Сталиным, Милюков делал ставку на последнего. С чем были не согласны его оппоненты, например подвергший критике эту точку зрения журнал «Новая Россия»⁴⁰. Сравнивая лидеров двух стран, он находил много общего в их характеристиках, внутренней и внешней политике. Вышел целый цикл его статей под общим названием «Два диктатора — две революции»⁴¹, этой же теме была посвящена и статья «Положение накануне войны», написанная незадолго до смерти на английском языке и впервые опубликованная на русском только в 1943 г.⁴². И если в публикациях в «Последних новостях» он писал о том, что у этих вождей была одна и та же цель — мировое господство, то в последней работе он отказался от этой точки зрения поясняя, что их намерения и цели были различны и даже противоположны, но методы их достижения сходны — «тоталитарные»⁴³.

Сложным было и отношение Милюкова и «Последних новостей» к советско-финской войне. С одной стороны, война оправдывалась. На то было несколько причин: близость границ к Петербургу, опасение нападения не столько со стороны Финляндии, сколько со стороны Германии⁴⁴, общее отношение Милюкова к национальному вопросу, в т.ч. к независимости Финляндии, отстаивание необходимости воссоединения Российской империи в ее прежних границах. Не случайно, пытаясь понять свое отношение к этой войне, он разделил его «сентиментальное» (сочувствие финскому народу) и «политическое» (интересы России) и пришел к выводу: «Мне жаль финнов, но я — за Выборгскую губернию(!)»⁴⁵. С другой стороны, развязывание войны было охарактеризовано как преступление «перед Россией и перед всем цивилизованным миром»⁴⁶. По словам Милюкова, с этим нападением поменялся весь смысл прежней советской внешней политики. В ряду возможных причин приведших к изменению позиции Милюкова по вопросу финской войны, на наш взгляд, можно назвать, по крайней мере, две. Во-первых, негативные публикации о войне появились во время первых бомбежек, поэтому вероятно, что эмоциональное неприятие войны было связано с советскими методами ее ведения. Второй момент, который мог повлиять на Милюкова — это

боязнь втягивания СССР Германией в результате советско-финских событий в вооруженный конфликт с Францией и Англией.

С началом войны «Последние новости» озвучили на своих страницах надежды многих эмигрантов — благодаря ей «вернуться домой через Финляндию»⁴⁷. По воспоминаниям Н.П. Вакара, одного из сотрудников редакции «Последних новостей» и она тогда раскололась по этому вопросу на два лагеря⁴⁸. В начале января 1940 г. в газете появилась карикатура, на которой были изображены Сталин и Ворошилов, последний в свитере, рельефно демонстрирующим его мускулы и с подбитым глазом. Подпись под картинкой была следующей «Эх, Клим, надо ли было показывать всему миру, что эти мускулы у нас фальшивка»⁴⁹. Дело в том, что газета оценивала техническое состояние Красной армии в годы советско-финской войны крайне низко⁵⁰, считала, что западные страны сильно переоценили военную мощь СССР и называли эту войну «борьбой количества с качеством»⁵¹. Газета опасалась, что в случае вовлечения в войну Германии, о котором на ее страницах развернулась целая дискуссия, вместо «сталинизации» Финляндии будет ее «гитлериизация», что может привести к потере ее свободы и увеличению угрозы Петербургу⁵².

Уже тогда авторы «Последних новостей» называли эту войну бесполезной, считали, что в ней нет победителя, поскольку, во-первых, ее результаты весьма сомнительны, а во-вторых, она не закончилась подписанием мира⁵³.

«Последние новости» перестали выходить в июне 1940 г. и с этого времени проследить эволюцию взглядов Милюкова сложно. Когда немцы напали на Россию, он писал: «Гигантский эксперимент закончился гигантской катастрофой»⁵⁴. Вплоть до своей смерти он внимательно следил за военными действиями, применяя, по воспоминаниям Дон Аминадо слово «наши» в отношении советских войск и с воодушевлением радуясь их продвижению⁵⁵.

Можно сказать, что в целом позиция Милюкова в отношении советской внешней политики не касалась ее идеологической составляющей, а оце-

нивала её с точки зрения государственной целостности, безопасности и выгоды тех или иных шагов для России, как государства вообще, не зависимо от политического строя. Остался он верен такой позиции и с началом Второй мировой и Великой Отечественной войн.

---

¹ См.: *Антропов О.К.* История отечественной эмиграции: учебное пособие. Астрахань, 1996. Ч. 1. С. 96.

² См. например: *Последние новости.* 1921. 24 июля; 3 сентября.

*П.Н. Милоков даже входил в Бюро комитета, возглавлявшее Русский общественный комитет помощи голодающим в г. Париже (Бюллетень Исполнительной Комиссии Совещания Членов Российского Учредительного Собрания. Париж, 1921. С. 13—14)

⁴ *Нильсен Е.Л.* Милоков и Сталин: О политической эволюции П.Н. Милокова в эмиграции (1918—1943). Осло, 1983. С. 32—33.

⁵ «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка. Т. 2. М., 2002. С. 168.

⁶ Там же. С. 179.

⁷ Цит. по: *Луначарский А.* Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров. М., 1922. С. 77.

⁸ *Милоков П.Н.* Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 1. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж, 1927. С. 299—302.

⁹ Там же. С. 303.

¹⁰ Там же. С. 304.

¹¹ Там же. С. 308, 332.

¹² «Совершенно лично и доверительно!» ... Т. 2. С. 364—366, 471.

¹³ См.: *Думова Н.Г.* Милоков П.Н. // Россия на рубеже веков. М., 1991. С. 219.

¹⁴ *Милоков П.Н.* Десять лет // Юбилейный сборник «Последних новостей». Париж, [1930]. С. 17—18.

¹⁵ *Последние новости.* 1925. 23 августа.

¹⁶ См., например: *Последние новости.* 1927. 6 ноября.

¹⁷ См. например: *Последние новости.* 1927. 13 мая.

¹⁸ *Милоков П.Н.* Россия на переломе... С. 278—279.

¹⁹ Там же. С. 279.

²⁰ *Возрождение.* 1928. 21 декабря.

²¹ *Возрождение.* 1927. 6 февраля.

²² *Последние новости.* 1932. 1 марта.

²³ *За свободу.* 1932. 14 марта.

²⁴ *Возрождение.* 1932. 3 марта.

-
- ²⁵ Цит. по: *Мейснер Д.* Миражи и действительность. М., 1966. С. 231.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 7506. Оп. 1. Д. 19. Л. 13.
- ²⁷ *Устрялов Н.В.* Наше время. Сб. статей. Шанхай, 1934. С. 13.
- ²⁸ См. например: Последние новости. 1937. 30 января.
- ²⁹ См. например: *Милоков П.Н.* Что случилось в Европе? // Современные записки. Кн. 66. С. 247.
- ³⁰ Последние новости. 1939. 25 августа.
- ³¹ См. например *Вишняк М.В.* Современные записки. Воспоминания редактора. Bloomington, 1957. С. 283.
- ³² *Нильсен Е.Л.* Милоков и Сталин... С. 36.
- ³³ *Абызов Ю., Равдин Б., Флейшман Л.* Русская печать в Риге: из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. I. Stanford, 1997. С. 187 (Stanford Slavic Studies. Vol. 13).
- ³⁴ Второе преступное безумие // Последние новости. 1939. 1 декабря.
- ³⁵ *Милоков П.* Правая и левая рука СССР. // Последние новости. 1939. 26 ноября, 7 декабря.
- ³⁶ *Милоков П.* Политика СССР // Последние новости. 1939. 25 октября.
- ³⁷ *Милоков П.* Политика СССР // Последние новости. 1939. 25 октября.
- ³⁸ *Милоков П.* Как СССР укрепляет приобретенное? // Последние новости. 1939. 9 ноября.
- ³⁹ *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники М.: «Индрик», 2003. С. 422.
- ⁴⁰ См. подробнее: Абызов и др. Указ. соч. С. 188.
- ⁴¹ См. например: *Милоков П.* Два диктатора — две революции // Последние новости. 1940. 11, 16, 23 января, 2 февраля. №6863, 6868; 6875, 6885.
- ⁴² *Милоков П.Н.* Положение накануне войны // Новый журнал. 1943. №6 С. 187—190.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Головоуязвление // Последние новости. 1939. 30 ноября.
- ⁴⁵ *Вакар Н.* Милоков в изгнание // Новый журнал. 1943. Вып. 6. С. 377.
- ⁴⁶ Последние новости. 1939. 30 ноября.
- ⁴⁷ Финляндский вопрос // Последние новости. 1940. 23 января.
- ⁴⁸ *Вакар Н.* Указ. соч. С. 375.
- ⁴⁹ Последние новости. 1940. 5 января.
- ⁵⁰ См. например: *Васильев П.* Неудачи красной армии в Финляндии (причины и следствия) // Последние новости. 1940. 12 января.
- ⁵¹ Последние новости. 1940 3 января.
- ⁵² Финский вопрос и Финляндия // Последние новости. 1940. 12 марта.
- ⁵³ Последние новости. 1940. 15, 16 марта.
- ⁵⁴ Цит. по: *Вакар Н.* Милоков в изгнание // Новый журнал. 1943. Вып. 6. С. 377.
- ⁵⁵ *Дон-Аминадо.* Поезд на третьем пути. Н.Й. 1954. С. 319—320.

«САМЫЙ БЛИЗКИЙ В МИРЕ ЧЕЛОВЕК»:

Т.С. ВАРШЕР И ЕЁ СВИДЕТЕЛЬСТВО О П.Н. МИЛЮКОВЕ

Татьяна Сергеевна Варшер (18 июня 1880, Москва — 2 декабря 1960, Рим) состоялась как ученый-археолог уже в эмиграции в Италии, работая преимущественно на раскопках в Помпеях. Обладая повышенным общественный темпераментом и склонностью к культуртрегерству, она оставила свой значительный след и в других областях — критике, эссеистике, журналистике, мемуарной литературе.

Один из ее наиболее интимных, проникновенных мемуарных очерков посвящен П.Н. Милюкову, который, судя по всему, в жизни Варшер сыграл роль отцовской фигуры — вместо рано ушедшего из жизни собственного отца Татьяны. Милюков, как это очевидно из ее очерка, присутствовал при самых важных моментах формирования Варшер — и личного, и профессионального.

Текст, имеющий описательное название — «Что я помню о Павле Николаевиче, его жене Анне Сергеевне, их сыне Сереже и событиях нашей дружбы» — относится, судя по всему, к самому началу мирного времени, наступившего после разгрома нацистской Германии¹. Мемуаристка в первых строках обращается к 1943 г. — году смерти Милюкова, когда Рим был еще занят немцами и когда во время авиационных налетов, при кромешной тьме и вое сирен, она предавалась воспоминаниям о своих друзьях — и в первую очередь, о Павле Николаевиче, его жене и о погибших детях — Тане и Сереже². Некоторое время спустя, узнав о его кончине, Татьяна была готова поверить в особую связь, возникшую с уходящим в те дни из жизни Милюковым — настолько сильными были картины их совместного прошлого. Теперь же, при написании очерка, ей оставалось только сожалеть, что Милюков, «до-

живший до 84 лет, не дожил до 86 — иначе бы он увидел Париж, освобожденный от немцев... и многое другое, но судьба к нему была не справедлива»³.

Свои воспоминания Варшер предваряет заявлением о том, что не собирается говорить о Милюкове как о политике или журналисте: её задача — рассказать о нем, «как о человеке, точнее — о его глубокой человечности». Это мемуаристке кажется особенно важным, ибо Милюков «так мало понят и так много оболган», и её правдивая заметка «сможет помочь будущему автору монографии о нем».

Поставив подобную цель, Татьяна Варшер переходит на достаточно подробную собственную семейную хронику, вписывая в нее образ Милюкова. Генеалогические подробности о ее французских предках приводят к матери мемуаристки, Нине Депельнор, проживавшей вместе с родителями в Москве в «доме Арбузовых» на Пречистенке.

Именно с этим домом, где обитало и семейство Милюковых, у Павла Николаевича «связывается целый период перехода от детства к ранней юности»⁴. Дядя мемуаристки, Евгений Депельнор, учился в одном классе с Милюковым, которого он и привел к Депельнорам. В воспоминаниях самого Милюкова этот дом, его описание и соседи-Депельноры, занимают внушительное место:

Участок Арбузова представлял удлиненную четырехугольную площадь очень больших размеров, только отчасти застроенную. В Староконюшенный переулок выходила узкая сторона четырехугольника. Если разделить ее пополам, то левая половина (с улицы) была застроена обширным деревянным домом хозяина, где помещалась его квартира, а в западной части — флигель, в котором, наверху, жила семья Депельноров (о них в своем месте). <...> Возвращаюсь к двору Арбузовского дома, грязному, неубранному и, увы, оставившему далеко не одни только чистые воспоминания. Двор, как я упоминал, разделялся нашим домом на две части. Передняя, вместе с домом хозяина и с двумя палисадниками, была предоставлена в распоряжение дворянских жильцов и их детей, т. е. нас и Депельноров. Тут происходило то

общение, о котором говорилось выше. Но уже намечалась грань между двумя половинами: с одной стороны, я, старший Депельнор [Александр] и старшая сестра [Нина], к которой я питал рыцарские чувства; с другой — Женя [Депельнор] и мой брат, хотя и не доходивший в своих резвостях до его пределов. Эти двое явились посредниками в общении «мальчиков» нашей половины с «мальчишками» задней половины — многочисленной детворой мещан и ремесленников, занимавших заднюю часть нашего дома.

Мать мемуаристки — Нина — являлась предметом отроческого увлечения Милюкова, о чем он сообщает в связи со своими ранними поэтическими опытами:

Слава о моем стихописании распространилась по двору, а на дворе жила семья Депельноров. В семье была милая девушка [Нина], к которой я был не равнодушен; милая девушка захотела прочесть мои стихи, — и стихи у меня украли. Я был заранее уничтожен. И уже не отчаяние, а скорее облегчение почувствовал, когда, наконец, тетрадь вернулась ко мне и поперек моих стихов красовалась бойкая надпись карандашом задорного брата девушки, Жени, — «Пашка — сволочь, не стоящая моего сапога». А в другом месте: «Всё это дрянь, и списано у Пушкина». Обиженный до глубины души и за себя, и за Пушкина, я написал стихотворный ответ обидчику, — как мне казалось, весьма язвительный. Но нахал, — а он таки был нахал, младший Депельнор, — свое дело сделал и ответом меня не удостоил. Тетрадь моя после этого перестала пополняться. Я писал отныне на отдельных листочках и тщательно их прятал от постороннего глаза.

Татьяна Варшер, уже со слов родителей, тоже дает колоритные подробности из жизни в арбузовском доме, в частности — о любительской постановке «Недоросля», где, как она пишет, юный Павел Милюков играл господа Простакову, ее будущая мать Нина — Софию, ее будущий отец Сергей — Стародума, будущий профессор западноевропейской литературы Матвей Розанов⁵ — няню. Согласно семейному преданию, в тот же вечер, после танцев, 14-летний Милюков объяснился в любви к 16-летней Нине Депельнор, но та открыла ему свою привязанность к другому соседу — Сереже Варше-

ру... Сам Милюков на склоне лет вспоминает тот любительский спектакль, несколько иначе «распределяя роли»:

Заговорив о русских классиках, я, однако, забыл об одном эпизоде, к ним относящемся. Не помню, по чьему почину, — вероятно, старшего Деспельнора, Александра, отличавшегося своей серьезностью, в противоположность младшему Жене, — мы в летние дни разыграли «Недоросля» Фонвизина в костюмах.

Сцену устроили на террасе хозяйского дома, на которой повесили занавес; костюмы сделали при дамской помощи, вызубрили роли и, после довольно многочисленных и веселых репетиций, созвали старшую публику. Мне досталась ответственная роль г-жи Простаковой, и я старался подражать голосу старой барыни. Софью играл в соответственном белокуром парике из конопли и в светленьком ситцевом платье мой брат. Роль Стародума досталась старшему Деспельнору [Александру]. Женя [Деспельнор] был самым подходящим актером для Митрофана. Он — единственный — не выучил, как следует, своей роли, да притом еще был заикой от природы. Но к Митрофану это как раз подошло, и игра вышла красочная. Словом, всё сошло благополучно, и нас всех очень хвалили. По общему приговору мне был присужден первый приз: он состоял из вырезной картинки, изображавшей вокзал и железнодорожные вагоны.

Однако эпизод с объяснением в любви к Нине Деспельнор в мемуарах у Милюкова отсутствует...

Спустя два года, в 1877 г., Нина и Сергей⁶, будущие родители Татьяны Варшер, тайком обвенчались в одном московском полковом храме. Татьяна родилась в 1880 г., когда ее отец еще был студентом, и получила имя в честь небесной покровительницы Московского университета.

В летние сезоны середины 1880-х гг. Милюков вновь сблизился с друзьями детства и отрочества — уже с семейной четой Варшеров, проводившей дачные сезоны близ Сергиева Посада. Сам Павел Николаевич в то время работал в архиве Троице-Сергиевой лавры (и ухаживал за дочерью ректора Духовной академии, ставшей его женой), а в свободное время от-

правлялся на характерном английском велосипеде, с огромным передним колесом, на дачу к Варшерам. Там он — «тогда еще рыжий и бородатый» — усаживал маленькую Таню на велосипед и возил по полям — на удивление местным крестьянам. Первые же городские воспоминания Татьяны о Милюкове связаны с его частым присутствием в кабинете отца-филолога.

Следующий пласт мемуаров — наиболее болезненный для Татьяны: она страдала от нелюбви матери, прибегая к защите отца, который, к её огромному горю, скоропостижно скончался в 1889 г. в возрасте 33 лет — ей же было всего 8. Тогда в поисках отцовской фигуры она и выбрала Милюкова, который еще и при жизни Сергея Варшера обласкивал девочку в тяжелые моменты материнской критики. Ее старался утешать и дед по материнской линии, отпрыск французских аристократов и знакомец Пушкина — позднее Милюков упрекал Татьяну за то, что она не расспрашивала своего деда о пережитом.

В Четвертой женской гимназии, где она училась, Павел Николаевич преподавал историю (правда, в классе у Варшер был другой учитель — С.Ф. Фортунатов⁷), и на «переменках», в коридорах, Таня, лишенная отцовской ласки, стремилась разыскать Милюкова⁸.

Ударом для гимназистки стала его высылка в 1894 г. из Москвы в Рязань. Для нее это стало первым «политическим уроком»: талантливого и привлекательного преподавателя грубо оторвали от любимой работы, лишили дома. Изгнанника и его семью, Анну Сергеевну с Колей, торжественно провожала на вокзале вся либеральная Москва. Позднее, в летние сезоны 1903 и 1904 гг. Татьяна жила в качестве преподавателя в семье рязанских друзей Милюкова — князя Николая и Веры Волконских, и много слышала от них о его 2-летней рязанской ссылке. Князь Волконский⁹, как и Милюков, учился у В.О.Ключевского в Московском университете и разделял многие интересы ссыльного, дружба с которым являлась смелым поступком. Как утверждает Варшер, именно по предложению Милюкова Н.С. Волконский занялся историей рязанских землевладельцев на рубеже XVIII—XIX вв.

В 1897 г. Милюков получил кафедру в Софийском университете; позднее Татьяне приходилось встречать восхищенных его преподаванием болгарских студентов. Они встретились вновь в 1899 г. — теперь в Петербурге, где Таня училась истории на Высших женских (Бестужевских) курсах, преимущественно, у М.И. Ростовцева¹⁰: именно его блестящие лекции и пробудили у Варшер глубокий интерес к античности и археологии. Однокурсницей Татьяны была Софья Кульчицкая, на которой в 1901 г. женился Ростовцев.

В тот период Милюков деятельно работал в публицистике, главным образом в журнале «Мир Божий» и газете кадетов «Речь»: по его протекции «бестужевка» нашла работу как детский учитель в семье инженера Юлиана Борисовича Бака, главного пайщика газеты «Речь»¹¹. Татьяна часто бывала в семье Милюковых, при этом ее глубокая симпатия к Павлу Николаевичу сочеталась с боязнью перед «строгой и суровой» Анной Сергеевной.

Милюковы вели скромный образ жизни, обитая на 6-м этаже, без лифта, куда вели 112 ступенек, скрупулезно сосчитанных будущим археологом. Их семейному бюджету способствовали средства от сдачи внаем дома в Софии, приобретенного Павлом Николаевичем. От бурной политической и публицистической деятельности он отдыхал или в театре, куда ходил и с Таней Варшер, или дома, за исполнением скрипичных дуэтов с Нитой Вилькорейской, дочерью издателя «Хроники еврейской жизни» А.Ф. Вилькорейского.

Именно в ту пору произошло очередное и самое серьезное столкновение с матерью, неожиданно потребовавшей возвращения Татьяны в Москву. Милюков вступился за девушку, написав Нине Варшер увещательное письмо и добившись тем самым для Татьяны продолжения учебы на бестужевских курсах в Петербурге. Мать резко отписала дочери: «Если ты вмешаешься в дело чужих людей, то живи, где хочешь».

Несколько страниц в мемуарах занимает пространный эпизод с постановкой в 1900 г. театре Суворина антисемитского по духу спектакля «Контрабандисты»¹². В стенах Бестужевских курсов Татьяна дала публичную

отповедь профессору И.А. Шляпкину¹³, поддержавшему пьесу, после чего получила венок цветов от еврейской общины Петербурга и моральную поддержку от Милюкова.

Другая, подробно описанная, история связана с опальным московским историком Н.И. Кареевым¹⁴ и с его, по мнению Варшер, неуместным и безмерным бахвальством. Произошло следующее. После скоропостижной смерти историка М.С. Корелина¹⁵ Татьяна решила поехать из Петербурга в Москву на вечер его памяти, пребывая, однако, в смущении при мысли о неизбежной встрече с матерью, к которой она только что отказалась ехать. Милюков предложил написать матери письмо с предупреждением о поездке — «Иначе она смертельно обидится». На вечере же Кареев вдруг стал неумеренно себя восхвалять, и в притихшем в недоумении зале мать Варшер вдруг громко воскликнула: «Стоило ли приезжать в Москву ради такой глупости!». Татьяна Варшер прокомментировала, что это стало одним из самых тяжелых воспоминаний ее жизни (и это при том, что судьба наносила ей многие страшные удары — она, к примеру, дважды овдовела¹⁶). Милюков, уже в Петербурге, всячески успокаивал Татьяну, говоря о печальном вдовьем положении ее матери и, одновременно обличая Кареева и пародируя его речи, где тот сравнивал самого себя с Сократом, также подвергшимся опале из-за прививки свободолюбия юношеству.

К этому же периоду относится и арест Милюкова, произошедший зимой 1901 г. после антиправительственных выступлений на студенческих сходках. Жена, навещавшая его в Доме предварительного заключения (на Шпалерной), просила Татьяну посидеть с их тремя детьми, не желая оставлять их одних с прислугой — этот и другие эпизоды, в самом деле, свидетельствуют о почти семейных отношениях Варшер с Милюковыми. После 6-месячного заключения Милюкову повелели — в ожидании приговора — покинуть Петербург, а до его отъезда наложили домашний арест, учредив в прихожей постоянный полицейский пост. Однако полицейский оказался весьма милым человеком: Сережа Милюков, дабы помочь ему скоротать время, читал вслух книги, прочтя, в частности, весь роман «Князь Серебря-

ный» (из трех детей Милоковых Татьяна выделяла именно Сережу, и его детским фразам и впечатлениям уделено немало места в очерке).

После домашнего ареста Павлу Николаевичу повелели покинуть столицу, и тот выбрал в качестве места поселения Удельную, так как она уже не входило в городскую черту. Мемуаристка подчеркивает смехотворность такой меры — Удельная отстоит от столицы в 10-минутах езды на пригородном поезде. Милоков, к тому же, имел официальную возможность обращаться к городским врачам и часто ею пользовался, отправляясь в Петербург попеременно то к зубному врачу, то к окулисту. К нему же ежедневно приезжали друзья и знакомые, а также одна английская дама [мисс Хьюз]: в «ссылке» в Удельной он довел своей английский язык до совершенства, чему позднее в эмиграции удивлялись англичане и американцы. Милоков же в своих воспоминаниях поясняет то, что не запомнила Варшер, — английский язык ему был нужен для чтения будущего курса лекций в Чикагском университете, куда его пригласили американские друзья.

В Удельной дети и Татьяна часто гуляли, ведя почти идиллический образ жизни среди пригородных парков и прудов. Она вспоминает, как на Рождество опальному профессору доставили от его почитателей множество подарков для его детей, что возмутило Анну Сергеевну, пожелавшую отправить их обратно. Милоков сумел убедить супругу, что это явилось «формой выражения солидарности».

По окончании Бестужевских курсов, в 1907 г., Варшер покинула Петербург ради Риги, где стала работать преподавателем: ее жизненные пути с Милоковыми разошлись.

Революция застала ее в Прибалтике, и в 1922 г., осознав, что связи с Россией для нее в привычной форме не возобновятся, она уехала из Риги в Западную Европу. Первые несколько лет она провела в Берлине, где в 1923 г. издала книгу «Виденное и пережитое в Советской России». Она много писала в газету «Сегодня» (Рига), рупор русскоязычной Прибалтики (и не только) в межвоенное время¹⁷. Затем Варшер переехала, по настоятельному совету Ростовцева¹⁸, в Италию, где поселившись в Риме, не без помощи того же Рос-

товцева нашла работу при Германском археологическом институте, много сотрудничая и с Американской Академией в Риме, куда маститый историк посылал студентов и аспирантов. Она дружила с Вяч. Ивановым и ее семьей¹⁹, а также с литераторами-эмигрантами в Париже — Буниным, Алдановым, Мережковским и Гиппиус²⁰. Свои исследовательские усилия она посвятила ценнейшему 25-томному «Топографическому атласу Помпей» (Codex Topographicus Pompeianus), составленному ею в нескольких копиях и ставшему важнейшим антиковедческим источником.

К 1933 г. относится последняя — и долгая — встреча с Павлом Николаевичем и его супругой, которой посвящено много теплых страниц: 10-недельное пребывание Милюковых в Риме мемуаристка оценивает как «самое радостное воспоминание в жизни» (!).

Сам Милюков воспоминаний о той поездке в Италию не оставил, однако описывая свое первое итальянское путешествие, в 1881 г., он, «забегая вперед», сообщает:

На подземные раскопки Геркуланума я не польстился, а проехал кругом залива прямо в Помпеи. Излишне повторять, какое впечатление производит этот застывший вид римского города с его колеями на улицах, водопроводами, обстановкой домов, избирательными плакатами на стенах и всеми подробностями ежедневной жизни. Но тогда из девяти кварталов города были раскопаны только три, и внутреннюю обстановку домов только что перестали вывозить в Неаполитанский музей. Мне пришлось посетить Помпеи много позднее, когда в них работала милая Т. Варшер, дочь той самой барышни из арбузовского дома, о которой я упоминал выше. Она составляла подробное, многотомное описание всякой вновь находимой частности для проф. М.И. Ростовцева; и когда в моих руках всякие гиды видели описание Помпеи, ею составленное, они уже не приставали с предложениями и говорили: это — наша *principessa!* (Принцесса.)

Анна Сергеевна Милюкова обратилась к Варшер в феврале 1933 г. с просьбой подыскать ей с мужем жилье в Риме на пару месяцев, что та и сделала. С первых же моментов новой встречи, которая произошла 6 марта в

стенах Германского археологического института, Милюков повел себя как ученый-историк, заинтересовавшись системой работы института, библиотекой и прочим. В итоге он приходил в институт почти каждый день (кроме экскурсионных), точно к 9-ти часам, занимаясь в библиотеке, «самой большой в мире среди археологических», и удивляя сотрудников института безупречным немецким языком.

Экскурсии посвящались античному Риму, в первую очередь Колизею и форумам, открывшимся во всем их великолепии после прокладки новой улицы Империи, *via dell'Impero* (теперь эта часть улицы имеет название улицы Императорских Форумов, *via dei Fori Imperiali*): Милюков был поражен античными панорамами, открывшимися после сноса ветхой застройки и последовавших раскопок.

Его жена отпраздновала одну гулять по новому Риму («ее больше интересовала современность»), попадая, как пишет Варшер, под влияние пропаганды того строя, который мемуаристка назвала «гениальным маскарадом». Так Анне Сергеевне нравилось посещать «*Casa della Madre e del Bambino*» («Дом матери и ребенка») — штаб-квартиру Национальной организации по материнству. Варшер при этом поясняет, что в 1933 г. режим Муссолини был иным: «Никто и не говорил о противоестественном союзе Италии и Германии, а дуче и Дольфус²¹ были личными друзьями». Италия даже принимала евреев-беженцев из Германии, где к власти только что пришел Гитлер. В связи с этим Варшер вспоминает эпизод, случившийся при осмотре триумфальной Арки Тита, на которой изображены предметы иудейского культа (уносимые легионерами из разрушенного иерусалимского Храма). Близ этой арки оказалась семья берлинских евреев, живших в Риме в ожидании отъезда в Аргентину. Подробно рассказав Милюкову о начале расовых преследований в гитлеровской Германии, они вызвали следующий его комментарий: «Это — первые ласточки». Сами же беженцы утверждали, что выбрали Италию транзитным пунктом, так как «тут нет ни еврейского вопроса, ни антисемитизма»²².

В один из последующих дней Милюков с гневом показал ей письмо из редакции «Последних Новостей» с просьбой не нападать особо на Гитлера, «иначе газету закроют». Разъясняя ситуацию, он с горечью рассказал, что в эмиграции поднимают голову члены «Черной Сотни», — к примеру, в Берлине «верховодит Владимир Сергеевич Ливанов, сын того ректора Одесского университета, который вдохновлял в 1905 г. еврейские погромы»²³.

Однажды Варшер повела Милюкова в кинотеатр, не предполагая, что содержание фильма вызовет у ее спутника слезы: герой картины уходил добровольцем на фронт, что напомнило Павлу Николаевичу гибель его сына-добровольца в 1915 г. Павел Николаевич внимательно осматривал исторические собрания римских музеев. Татьяна также возила Милюковых в античную Остию и, конечно, в Неаполь и Помпеи²⁴. Под конец его пребывания в Риме Археологический институт организовал в честь ученого гостя музыкальный концерт, на котором растроганный Милюков познакомился со многими представителями культурной элиты Рима.

Однажды, по получении письма из Америки от Ростовцева, сообщавшего об очередной командировке в Рим его учеников и просившего их опекать, между эмигрантами произошел выразительный диалог:

— «Татьяна Сергеевна, кто бы мог подумать, что Вы будете обучать американцев археологии?»

— «Павел Николаевич, а кто бы мог подумать, что Вы будете издавать парижскую газету?»

— «Я, конечно, этого представить не мог, но у меня всегда было предчувствие, что рано или поздно мне придется оставить Россию...».

Узнав, что Милюков любит искусство Марка Антокольского, Варшер повела его на кладбище Тестаччо, где на могиле княжны Оболенской водружена прекрасная статуя плакальщицы работы Антокольского. Пройдут годы, и сама Варшер будет погребена неподалеку от этой статуи...²⁵

---

¹ Неопубликованная рукопись, хранящаяся в библиотеке американского Исследовательского института Гетти (Getty Research Institute) в Нью-Йорке, в составе фонда Т. Варшер (Tatiana Warscher Papers), хронологически определена как «около 1946 г.». Сам фонд Варшер сформирован ее последним учеником в Риме, американцем-италофилом Хальстедом Биллингсом ван дер Поэлом (1912—2003), которому она завещала свой личный архив. В этом же фонде - несколько писем от супругов Милоковых из Парижа к Варшер в Рим.

Пользуясь случаем, выражаю благодарность за любезную помощь Саре Шерман, сотруднице Института Гетти.

² О третьем ребенке — ремарка Варшер: «Так сложились обстоятельства, что я мало знаю об их старшем сыне, Николае Павловиче».

³ Здесь и далее все цитаты Т.С. Варшер даны по ее рукописи «Что я помню о Павле Николаевиче...».

⁴ *Милоков П.Н.* Воспоминания (1859—1917) / Под ред. М.М. Карповича и Б.И. Элькина. Т. 1. Нью-Йорк, 1955. Здесь и далее цитаты даны по Интернет-ресурсу: http://www.hrono.info/libris/lib_m/milyukov06.html.

⁵ Матвей Никанорович Розанов (1858—1936), литературовед, академик АН СССР (1921). В 1911—29 профессор Московского университета по кафедре западноевропейской литературы.

⁶ Сергей Абрамович, также Эдуардович, Варшер (1854—1889), из крещенных польских евреев, историк литературы и педагог, шекспировед. Окончив Московский университет по историко-филологическому факультету, преподавал в разных учебных заведениях.

⁷ Степан Федорович Фортунатов (1850—1918), историк, профессор Московского университета, специалист по политической истории Соединенных Штатов Америки; см. о нем в воспоминаниях Милокова: «Моим старшим товарищем по преподаванию в женской гимназии был милейший и оригинальнейший Степан Федорович Фортунатов, брат лингвиста. Долго спустя нельзя было упомянуть его имени, чтобы лицо собеседницы (или собеседника) не расплылось в самую счастливую улыбку - с примесью некоторого элемента шутки. Дело в том, что Степан Федорович, старый холостяк, совершенно пренебрегал своей внешностью. Старый, заношенный костюм был невероятно грязен, от бороды пахло на далекое расстояние, и ученицы ходили в грязные дни в переднюю на "поклонение калозам святого Степы", когда около этого допотопного предмета разливались целые озера грязной воды. Но в преподавании Степан Федорович был неподражаем. Жестулируя, потирая руки и разливаясь смехом, он увлекательно излагал свои любимые отделы истории - преимущественно истории революций, а также историю Соединенных Штатов Америки».

⁸ В этой гимназии Милоков преподавал одиннадцать лет, с 1883 по 1894 г., т.е. с окончания университета до высылки из Москвы.

---

⁹ Николай Сергеевич Волконский (1848—1910), крупный землевладелец Рязанской губернии; долго был ее земским деятелем; в 1905 г. один из основателей Союза 17 октября, в 1906 г. — член Первой Государственной думы.

¹⁰ Михаил Иванович Ростовцев (1870—1952) содействовал профессиональной специализации Варшер: именно по его совету в эмиграции она занялась античностью и Помпеями; ему посвящено немало признательных фраз и в заметке про Милокова.

¹¹ См. о нем у Милокова: «Солидно финансировал газету инженер Бак. Это был уже не Проппер с его "Биржевкой". Бак преследовал не спекуляцию на к.-д., а чисто идейные соображения, верил в нас и не вмешивался в денежные, а тем более в редакционные дела газеты».

¹² «Контрабандисты» (первоначальное название — «Сыны Израиля»), пьеса С. Литвина-Эфрона и В. Крылова, вызвала широкий резонанс в российском обществе. Ее премьера в Петербурге была сорвана студентами, о чем пишет и Варшер.

¹³ Илья Александрович Шляпкин (1858—1918), филолог, специалист по древнерусской литературе.

¹⁴ Николай Иванович Кареев (1850—1931), профессор кафедры всеобщей истории Петербургского университета, позднее член-корреспондент Российской Академии Наук; специалист по истории Франции XVIII в.

¹⁵ Михаил Сергеевич Корелин (1855—1899), выпускник Московского университета, затем экстраординарный профессор кафедры всеобщей истории и специалист по итальянскому Возрождению, приятель Н.И. Кареева. В архивном фонде Корелина, хранящемся в Центральном историческом архиве Москвы, сохранились две записные книжки с его дневниковыми записями за 1889-1896 гг., где особенно часто среди прочих коллег упоминается Милоков — его соперник в научном мире; см. *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Дневниковые записи М.С. Корелина о П.Н. Милокове, см. ресурс в Интернете: <http://www.hist.vsu.ru/cdh/Articles/02-07a.htm>.

¹⁶ В 1911 г. Татьяна Варшер вышла замуж за врача Суслова, из уральских старообрядцев, но спустя два года ее муж умер, после чего она вышла замуж за его вдового брата — ради воспитания племянников. Второй муж погиб во время Гражданской войны.

¹⁷ Переехав в Италию, Варшер стала римской корреспонденткой газеты «Сегодня» — вплоть до 1940 г., когда Рига стала советской и издание прекратилось.

¹⁸ Ростовцев к тому времени уже обосновался в Америке; судьбоносная встреча с Татьяной произошла во время его визита в Париж в 1923 г.

¹⁹ В римском Архиве Вяч. Иванова сохранилось несколько документов, относящихся к Т.С. Варшер, в т.ч. биографическая заметка о ней, написанная Дмитрием Вяч. Ивановым; см. <http://www.v-ivanov.it/archiv/op5-k02.htm>.

²⁰ В фонде Варшер в Институте Гетти сохранился ряд писем к ней от этих писателей.

²¹ Энгельберт Дольфус (1892—1934), канцлер Австрии, противостоявший планам Гитлера на аншлюс.

---

²² Муссолини ввел расовые, в т.ч. антисемитские законы в 1938 г. В начале 1940-х гг. многие итальянские евреи были отправлены в немецкие концлагеря на уничтожение; об этом делает ремарку и мемуаристка: «мы не могли представить, что спустя десять лет тысячи евреев — в том числе и русских евреев — погибнет в Италии!».

²³ Сергей Васильевич Левашов (1856—1919), профессор медицины, ректор Новороссийского университета в 1908—1913, депутат IV Государственной думы, один из руководителей русского патриотического движения.

²⁴ Интересно, что в Неаполе в то время проживала другая русская эмигрантка, знакомая Милокова — Екатерина Васильевна Ростовская, урожд. княжна Дабижа. Будучи близким другом лейтенанта П.П. Шмидта, она пыталась с помощью Милокова спасти осужденного революционера от смертной казни. Милоков встретился с Ростовской еще в 1897 г. во время его поездки по турецкой тогда Македонии: «Здесь я познакомился с русским консулом, превосходным представителем сербофильской политики, <...> и его очаровательной супругой, женщиной поэтической души и большого музыкального таланта». Позднее в отчаянной попытке как-то повлиять на ход дела Шмидта, Ростовская отправила письмо Милокову, и тот опубликовал его в январе 1906 года в газете “Русь”, сам выступив в защиту «красного лейтенанта»: «Истина та, что тут нет обиды для государства и тупой клеветой было бы назвать Шмидта простым разрушителем. На развалинах власти он только хотел создать власть новую, лучшую форму власти, чтобы предупредить разрушение. Виноват ли он, что разрушение произошло без него, что авторитет местной власти лежал в развалинах, и что в его голове крепко засела та самая идея лучшей власти, за которую боролось и борется русское освободительное движение?» [цит. по: «Новое время», 22.1.1906, № 10725]. Описывая последнее свидание со Шмидтом накануне его казни, Ростовская приводит его последние слова, явно касающиеся Милокова: «Ты сохранила переписку с профессором М*** — этим великим и светлым умом? Не скажешь ли ты ему в следующем письме, что есть такой лейтенант Шмидт, который находится, возможно, накануне своей смерти, что сей лейтенант посылает ему свой последний привет и выражает свое восхищение. Скажи ему, что его портрет всегда стоял на моем письменном столе, что он всегда был моим учителем в том, что касается моих политических убеждений, и если я останусь в живых, то буду всегда его учеником...»; см. Бордато Э., Талалай М. Под чуждым небосводом. СПб., 2009. С. 97—98.

²⁵ Могила №3008; см. *Гасперович В., Катин-Ярцев М. Ю., Талалай М.Г., Шумков А.А.* Тестацхо: Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме. Алфавитный список русских захоронений. СПб., 1999. Сама Варшер написала (неопубликованное) эссе «Кладбище античное и кладбище современное», сравнивая — как историк — некрополи в Помпеях и Некатолическое кладбище «Тестацхо».

УЧАСТИЕ МИЛЮКОВЫХ В СУДЬБЕ СЕМЬИ

В.Д. НАБОКОВА ПОСЛЕ ЕГО ГИБЕЛИ

Владимир Дмитриевич Набоков (1870—1922) и Павел Николаевич Милюков (1859—1943) в течение двух с лишним десятилетий по праву воспринимались общественностью как выдающиеся деятели русского либерализма. Интеллектуалы, один юрист, другой историк, люди безупречной репутации, отказавшись от академической карьеры, посвятили себя общественной деятельности. Совместную общественную деятельность П.Н.Милюкова и В.Д. Набокова можно датировать октябрём 1905 г., когда они участвуют в создании партии кадетов и с первых же дней входят в её ЦК. Их связывала издательская деятельность — с 1906 г. при ближайшем участии П.Н. Милюкова В.Д.Набоков издаёт газету «Речь», вплоть до осени 1917 г. П.Н. Милюков почти ежедневно пишет для неё передовицы. Их связывает думская деятельность. Набоков был депутатом Первой Государственной Думы, Милюков — Третьей и Четвёртой, но с самого начала работы Думы он выступал в качестве фактического руководителя думской фракции кадетов.

С началом Мировой войны оба лидера кадетов разделяли «патриотический энтузиазм», захлестнувший широкие слои общества после вступления России в войну. 45-летний Набоков, призванный на военную службу, считал, что в тяжелейший для страны момент его место в армии. Супруга Набокова, подобно многим состоятельным столичным дамам, открыла в Петрограде собственный лазарет и работала там в качестве сестры милосердия. П.Н. Милюков искренне верил в победу России, связывая с ней торжество идеалов конституционализма, проведение реформ, расширение свобод. Налог войне Милюков заплатил кровью своего младшего сына Сергея, ушедшего добро-

вольцем на фронт и погибшего в 1915 г. при отступлении русских войск в Восточной Галиции. Старший сын Милюкова, Николай, также служил в армии, сначала артиллеристом, а затем лётчиком¹.

И Набоков, и Милюков, были сторонниками конституционной и парламентской монархии. Монархию они считали незыблемым фундаментом Российской империи, стремясь лишь к её реформированию в строго конституционном направлении. Однако их деятельность объективно способствовала падению монархической власти.

Во Временном правительстве П.Н. Милюков получил портфель министра иностранных дел, В.Д. Набоков, вполне заслуженно рассчитывавший на пост министра юстиции, получил должность управляющего делами Временного правительства. Одну из основных причин слабости Временного правительства Набоков видел в его неспособности решить проблему участия в войне. Он безуспешно убеждал П.Н. Милюкова в необходимости срочно скорректировать внешнюю политику России с целью скорейшего заключения мира². Как известно, нота Милюкова о продолжении войны до победного конца и верности России союзническим обязательствам послужила причиной его отставки.

Октябрьская революция заставила Набоковых покинуть Россию. Первое время семья жила в Лондоне, где совместно с П.Н. Милюковым В.Д. Набоков издаёт журнал «New Russia» («Новая Россия»), но вскоре их политические позиции расходятся. Набоковы переезжают в Берлин, Милюковы — в Париж.

В эмиграции усиливается отчуждение между В.Д. Набоковым и П.Н. Милюковым. Правое крыло кадетской партии, к которому принадлежал В.Д. Набоков, оставалось на непримиримых позициях в отношении большевизма, считая возможным организовать новый поход с целью свержения большевиков с оружием в руках. П.Н. Милюков же рассчитывал на внутреннее пере рождение большевистского режима: «Я не знаю, как мы придём в Россию, но я знаю, как мы туда не придём»³, то есть не придём с оружием в руках, поскольку любая вооружённая борьба обречена на провал. Позиция Милюкова

не нашла поддержки у остальных представителей кадетского руководства. Оказавшись в меньшинстве на совещании членов ЦК, проходившем в Париже в июне 1921 г., Милюков фактически пошёл на раскол, который в 1924 г. завершился созданием Республиканско-демократического объединения в Париже. Члены берлинской группы кадетов, куда входил и В.Д. Набоков, были наиболее резкими критиками Милюкова. Однако политические разногласия не выливались в личную неприязнь. Контакты между Берлином и Парижем продолжались и после разрыва. 28 марта 1922 г. Милюков был приглашён Берлин прочесть лекцию о задачах эмиграции, где в переполненном зале Берлинской филармонии (оратор он был блестящий) двое монархистов П. Шабельский–Борк и С. Таборицкий, выкрикивая обвинения Милюкову в гибели царской семьи, открыли стрельбу. Попытавшись разоружить одного из террористов, В.Д. Набоков принял удар на себя. Пуля попала в сердце.

Смерть главы семейства стала катастрофой для его семьи. До революции это была одна из самых богатых семей России. Глава семьи — Владимир Дмитриевич Набоков, отпрыск сановной бюрократии, сын министра юстиции в правительстве Александра II. Елена Ивановна Рукавишникова-Набокова (1876—1939), дочь богатейшего золотопромышленника Ивана Васильевича Рукавишникова, состояние которого оценивалось в миллион рублей золотом⁴. Православно-христианская семья Набоковых была образцом нравственного здоровья и душевного равновесия, здесь жили по закону любви, превратившей детство пятерых детей в рай. В романе «Дар», во многом автобиографичном, старший сын, ставший всемирно известным писателем, В.В. Набоков вкладывает в уста главного героя свои воспоминания о счастливом детстве: «...наша жизнь была действительно проникнута каким-то волшебством, неизвестным в других семьях.... Жизнь приобретала такую колдовскую лёгкость, что казалось, сейчас тронусь в путь. Оттуда я и теперь занимаю крылья»⁵. Зиму семья проводила в Петербурге в особняке на Б. Морской, лето — в имении, а осень — за границей. «Счастливые моменты счастливой юности» старшего сына, будущего писателя В.В. Набокова связаны с волшебным миром старинной дворянской усадьбы, который позднее в

эмиграции стал у В.В. Набокова символом потерянной Родины и нашёл отражение во всех его произведениях. Лето проводили в родовом имении его матери Батово, а рядом было ещё поместье бабушки Выра и поместье бездетного дяди Василия Ивановича Рукавишника — Рождествено. Дядя умер в 1916 г., оставив племяннику миллионное состояние и своё имение. Однако полученным богатством воспользоваться не пришлось, началась революция, имения были национализированы, имущество частью разграблено, частью отправлено в музеи. Спустя много лет, в горах Америки вздыхая по северной России, писатель Набоков будет утверждать, что его «расхождение с советской диктатурой никак не связано с имущественными вопросами»: «презираю россиянина-зубра, ненавидящего коммунистов, потому что они, мол, украли у него деньжата и десятины. Моя тоска по родине лишь своеобразная гипертрофия тоски по утраченному детству»⁶.

После революции благосостояние семьи Набоковых основательно пошатнулось, однако об утраченном богатстве не сокрушались.

Некоторые из семейных драгоценностей удалось вывезти, и на эти деньги семья Набоковых жила в Берлине. Издательской деятельности В.Д. Набокова в Берлине (где он основал издательство «Слово» и издавал ежедневную газету «Руль» на русском языке), сопутствовал чрезвычайный успех, до тех пор, пока центр русской эмиграции оставался в столице Германии.

Быт Набоковых и в Берлине отличался патриархальностью и традиционно широким русским хлебосольством. Привычный образ жизни не поддавался корректированию. Обильный стол изысканностью не блистал, но за столом у Набоковых всегда царил оживление. Говорили о политике, культурных событиях, литературе, искусстве. Благодаря доброжелательной атмосфере их дома в тяжёлые годы эмигрантских скитаний многие находили в доме Набоковых тепло и сочувствие.

Л. Новгородцева⁷ в письме к А.С. Милуковой, выражая радость, что грозная опасность прошла мимо Павла Николаевича, извиняется за мужа, до сих пор ему не написавшего, объясняя это его «глубокой скорбью о его вели-

кодушном друге, которого в эти страшные минуты унесла смерть. В тяжёлые годы его бездомного скитания и в особенности последнего из них Владимир Дмитриевич стал ему особенно близок, в нём и его семье он нашёл тепло и сочувствие — неудивительно, что он до сих пор не может освоиться с этой утратой»⁸.

Владимир, будущий писатель, был старшим сыном, кроме него в семье было ещё четверо детей: Сергей («женственно изысканный питомец Оксфорда»⁹ — погиб в фашистском концлагере), Ольга (в первом браке — кн. Шаховская, во втором Петкевич), Елена¹⁰ (в первом браке Сколиари, во втором — Сикорская). Муж — Всеволод Вячеславович Сикорский — белый офицер (шофёр в 1945 г.) и десятилетний Кирилл.

После гибели главы семьи она утратила стержень и распалась. Каждый из её членов после этой трагедии начинает вести самостоятельную жизнь. Жестокий поворот судьбы — и выросшая в роскоши женщина, никогда не знавшая ни в чём недостатка, окружённая всю жизнь сонмом слуг и не представлявшая, как вести хозяйство, осталась без средств к существованию.

Вскоре после похорон она с младшими детьми переезжает в Прагу, где ей, как вдове Набокова, правительство президента Масарика даёт маленькую пенсию.

В фонде П.Н. и А.С. Милоковых отложились свидетельства бедственного положения семьи Набоковых после гибели её главы. Это письма, адресованные А.С. Милоковой, от вдовы В.Д. Набокова Е.И. Набоковой, её сына Сергея и друга семьи С. Гессена. Обращение к А.С. Милоковой не случайно. Верная спутница Милокова в течение 50 лет (до её смерти в 1935 г. в Париже), активистка движения за эмансипацию женщин, она принимала деятельное участие в жизни кадетской партии. Ещё до революции Анна Сергеевна открыла собственное издательство в Петербурге и занималась всеми делами, связанными с изданием и реализацией книг мужа. («Очерки по истории русской культуры» постоянно переиздавались). В эмиграции она продолжала активную общественную деятельность: член Русско-британского братства, член общества помощи русским беженцам (учреждено 17 декабря

1920 г. под председательством А.В. Тырковой), председатель комитета помощи детям при Русском Красном Кресте. Сергей Набоков писал А.С. Милуковой о безвыходном положении его матери. (Монте-Карло. Отель Балморра) Письмо не датировано, предположительно — нач. 30-х годов.

С. Набоков объясняет мотивы, побудившие его написать о бедственном положении матери, получением открытки от неё, в которой она пишет сыну о своём беспросветном существовании. (Открытка не сохранилась). О себе Сергей Набоков сообщает, что он уехал из Парижа и живёт на попечении друзей. Старший брат В.В. Набоков (Сирина) — в Берлине, по возможности матери помогает, но и его положение трудное. С. Набоков обращается за помощью: «Может быть, среди людей, помнящих моего отца, можно было бы собрать сумму, которая бы вывела Маму из этого безвыходного положения. Не сомневаюсь, что Вы поймёте, как всё это трудно и с каким тяжёлым сердцем я пишу Вам»¹¹.

При всей любви к матери старший сын Владимир Набоков не имел возможности обеспечить матери достойное существование и очень страдал от этого. Большую часть своей жизни он провёл, что называется, в «благородной бедности». Его и его жену Веру Слоним Николай Набоков, двоюродный брат, вспоминает живущими в убогих мебелирашках. Писать приходилось иногда в день по 15-20 страниц, случалось, и в ванной комнате на доске, положенной на ванну, за неимением письменного стола¹². «Вид у него в те годы был ужасный. ...Кашлял из-за непрекращающегося бронхита и трахеита, страдал невралгией¹³. Год за годом в продолжение восьми лет, почти в каждом из писем В. Набокова к З. Шаховской вопиёт та же непреодолимая бедность, всё те же заботы — от 1933 до 1939 года. В 1935 г. «мать моя живёт впроголодь и больна», в 1939 г. «положение моей матери действительно страшное»¹⁴.

Лишь когда русско-библейская птица Сирина превратилась в писателя Владимира Набокова, лишь после «Лолиты», к нему пришла мировая слава, а вместе с ней и благосостояние¹⁵. Но матери к этому времени уже не было в живых.

П.Н. Милюков принимал участие в судьбе В.В. Набокова. Н. Берберова вспоминает, как все сотрудники газеты «Последние новости», издававшейся в Париже П.Н. Милюковым, пришли в помещение редакции, чтобы взглянуть на В.В. Набокова, которого «Милюков несколько торжественно представил коллегам в качестве нового сотрудника газеты»¹⁶. С 1931 г. в газ. «Последние новости» начинают публиковаться рассказы начинающего автора: «Обида», «Занятой человек», «Лебеда». В 1932 г. — «Совершенство», в 1933 г. — «Адмиралтейская игла», «Оповещение», в 1934 г. — «Красавица», в 1935 г. «Тяжёлый дым» — один из самых выдающихся рассказов Набокова. В 30-е годы возможность публиковаться в самой читаемой эмигрантской газете пришлось начинающему автору очень кстати.

О трудном материальном положении А.С. Милюковой писала и сама Ел. Ив. Набокова. В письме (не датировано, предположительно — 1931 г.) она пишет о мизерной «стипендии» 650 крон в месяц в рамках «русской акции» Масарика, которую «обещают ещё сократить, а затем и совсем прекратить. Что тогда делать — не знаю. И сейчас трудно». Пишет, что живёт уроками, «но сейчас и это туго идёт. Но надо учить младшего сына Кирилла, закончившего домашнюю русскую школу и надо продолжать образование». Вынуждена помогать старшей дочери, у которой нет постоянной работы и маленький ребёнок (внук)¹⁷.

Денег она не просит, просит помочь получить долг у Манташевых¹⁸, которые им должны 15 тысяч чешских крон. «А мы здесь бедствуем! Выцарапать хоть немного в счёт долга», — пишет она. — «Всякая сумма была бы нам подспорьем»¹⁹.

В письме от 14. 01. 1932. Ел. Ив. Набокова благодарит за трогательную заботу о них, за то, что Милюкова выхлопотала пособие её сыну. Просит передать благодарность Зернову Н.М.²⁰.

Ел. Ив. выражает опасение, что русская акция не будет продолжена, и тогда придётся коренным образом изменить свою жизнь, то есть «рассстаться с квартирой и начать вести ещё более нищенское существование»²¹.

Друзья тяжело переживали трагическую безвременную гибель В.Д. Набокова. За помощью к Милюковым неоднократно обращался сын И.В. Гессена, друга и соратника по партии В.Д. Набокова С. Гессен²². В письме к А.С. Милюковой от 23.01.1931. он пишет, что последние годы Ел. Ив. Набокова «всё более и более нуждалась, накопились долги на несколько тысяч крон, которые очень её мучают». Просит помочь достать сумму, которая покроет хотя бы часть её долгов, чтобы облегчить её положение. Подчёркивает, что обращается по собственному почину без ведома Ел. Ив. Даже в бедности на грани нищеты чувство собственного достоинства не позволяло Ел. Ив. Набоковой унижаться, напоминая о себе и о моральных обязательствах перед её семьёй. Деньги Гессен просит «прислать от имени какой-либо организации», чтобы помощь Милюковых не выглядела как милостыня²³.

В письме от 27.09.1932 С. Гессен²⁴ после получения письма от Ел. Ив. Набоковой, в котором она пишет о своём отчаянном положении, вновь решается писать А.С. Милюковой, несмотря на то, что месяца три тому назад он писал Павлу Ник., но не получил ответа. После долгих размышлений он счёл своим долгом написать А.С. Милюковой и А.И. Каминке²⁵, который в курсе положения Ел. Ив. и в течение 10 лет помогал ей ежемесячными пособиями (не содержится ли здесь косвенная укоризна Милюковым, недостаточно помогающим Набоковой?). С. Гессен считает положение Ел. Ив. ещё более ухудшилось, так что «нельзя ограничиться уже присылкой даже большой суммы денег, а нужно друзьям Ел. Ив. сговориться и предпринять нечто более радикальное».

Далее С. Гессен раскрывает А.С. Милюковой трагизм существования вдовы В.Д. Набокова: «Сейчас она питается на 5 крон в день, будучи больной, не пользуется даже трамваем. Даёт 2-3 урока в неделю (около 10 часов) за грошовое вознаграждение. А главное — целый день думает, где бы достать денег, чтобы заткнуть то ту, то другую прореху. В начале каждого квартала думает о том, как бы избежать выселения из квартиры».

С. Гессен перечисляет немногочисленные источники дохода Набоковой: «500 крон от чешского правительства (стипендия сократилась, чего так

боялась Елена Ивановна) и от Каменки 100 марок ежемесячно, т.е. 1300 крон, чего не имеют многие другие. Да сама зарабатывает крон 200 в месяц — итого 1500 крон. Она не хочет ничего иного, как снять комнату и тихо жить на эти деньги со своей старой приятельницей, их бывшей гувернанткой Еленой Константиновной. Но на её шее до сих пор семья и долги, которые она вынуждена была делать последние годы. Главное — семья, долги могут быть постепенно выплачиваемы из 1500 крон. Сына Кирилла необходимо поставить на какую-либо работу в Берлине. Если удастся, то остаётся главная тяжесть — дочь Ольга, муж (Петкевич) и сын её, маленький внук Елены Ивановны». Полагаясь на связи Милюковой в Париже, С. Гессен предлагает попытаться найти работу зятю Ел. Ив. хоть во Французской Западной Африке. Зять — Петкевич — очень достойный и честный человек, землемер, но совершенно неприспособленный к жизни: «Два года без работы, берётся за любую работу что попадётся под руку. Надо во что бы то ни стало найти работу зятю, чтобы снять обузу с Ел. Ив. содержания второй семьи». «Это было бы самое лучшее, что Вы могли бы сделать для Ел.Ив.», — убеждает он. — Надо снять с неё эту обузу, которая лежит на ней уже более 10 лет. Если даже Ел. Ив. во многом сама виновата в своём теперешнем положении, то вина здесь — её неумение, а не отсутствие доброй воли». Елена Ивановна хозяйственными навыками не обладала, да и откуда им было взяться, если материальное благополучие, в котором она жила всю жизнь, позволяло ей не заботиться о зарабатывании денег. С. Гессен предлагает А.С. Милюковой встретиться с Каминкой, который вскоре будет в Париже, и принять радикальное решение о радикальном устройстве судьбы Ел. Ив., которой «осталось уже немного жить, и надо бы сделать так, чтобы она хоть самые последние годы своей жизни могла провести не в таких невыносимых условиях, как она живёт здесь в течение последних трёх-четырёх лет»²⁶.

Благородные побуждения С. Гессена успехом не увенчались. Известно, что Кирилл «безнадёжно затерянный в сложностях быта»²⁷ в начале 30-х годов переехал в Бельгию, женился на бельгийке, основал туристическое агентство, печатал стихи в газ. «Последние новости». Прожил недолгую

жизнь, умер на 52 году жизни во время работы на радиостанции «Свободная Европа» в 1964 г. Переезд семьи Ольги Набоковой-Петкевич в Западную Африку также не состоялся. Известно, что в 1945 г. они по-прежнему жили в Праге.

Елена Ивановна умерла в нищете. О последних годах её жизни с нежной грустью и с чувством сыновней вины перед матерью напишет В. Набоков: «В 1930 г. моя овдовевшая мать в Праге жила на крохотную казённую пенсию. Я жил далеко от матери, в Германии и Франции и не мог часто её навещать. Не было меня при ней и когда она умерла в мае 1939 г... Квартира, которую она делила с внуком и Евгенией Константиновной г., самым близким её другом, была донельзя убогой. Клеёнчатые тетради, куда она вписывала в течение многих лет нравившиеся ей стихи, лежали на кое-как собранной ветхой мебели. Около её кушетки, ночью служившей постелью, ящик. Поставленный вверх дном и покрытый зелёной материей, заменял столик, и на нём стояли маленькие мутные фотографии в разваливающихся рамках»²⁸.

Милюковы в эмиграции не бедствовали, помогали многочисленным родственникам, даже посылали деньги родственникам в Россию, покупали недвижимость, не отказывали себе в отдыхе в Ницце. М. Цветаева, проводившая лето 1935 г. с маленьким Муром на Атлантическом побережье в Фавьере, в письме к А. Тесковой сообщает: «Сняли мансарду... Хозяева ещё в Париже. Мы с Муром — на чердаке — одни царствуем. В Faviere несколько русских вилл, между прочим — две милюковских, обе заколоченные»²⁹.

Помощь семье погибшего В.Д. Набокова, которому П.Н. Милюков был обязан жизнью, была эпизодической; сведений о том, что после смерти А.С. Милюковой в 1935 г. она продолжалась — нет. П.Н. Милюкову, имевшему репутацию довольно жёсткого человека (его называли «каменным котом»), приходилось напоминать о необходимости позаботиться о семье В.Д. Набокова.

---

¹ *Гессен И.В.* В двух веках. Жизненный отчёт / Архив русской революции. Т. 22. Берлин, 1937. С. 398—399.

² *Архинов И.В.* Д. Набоков: либерал и патриот // Звезда. 2009. №7. С. 160.

³ *Милюков П.Н.* Эмиграция на перепутье. Париж, 1926. Ч. 2. С. 70—123.

⁴ *Набоков В.В.* Другие берега. М., 1989. С. 31.

⁵ *Набоков В.В.* Дар. Нью-Йорк. Б/д. С. 131.

⁶ *Набоков В.В.* Другие берега. С. 33.

⁷ Л. Новгородцева — супруга проф. П.И. Новгородцева, члена ЦК партии кадетов, основатель и декан Русского юридического института (факультета) в Пражском университете.

⁸ ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 2. Д. 45. Л. 181. Письмо Л. Новгородцевой от 22.04.1922. Прага. 8. Свободарна 1922.

⁹ *Сухомлин В.В.* Гитлеровцы в Париже // Новый мир. 1965. №11. С. 112.

¹⁰ Елена Владимировна Сикорская (1906—2000) — сестра В.В. Набокова. В 1919 г. вместе с родителями эмигрировала за границу. После убийства отца В.Д. Набокова в марте 1922 г. в Берлине Ел. Влад. вместе с матерью Еленой Ивановной и др. детьми, Ольгой и Кириллом, переезжает в Прагу, где живёт до 1947 г. В Праге она учится в Карловом университете. В 1947 г. Ел. Владим. уедет с мужем и сыном в Женеву, начнёт работать в библиотеке ООН — до 1968 г. Скончалась Е.В. Сикорская в Женеве, в доме престарелых 9 мая 2000 г. («Край ты мой, рай мой чешский...») Интервью И. Толстого с потомками русской эмиграции // Новый журнал. Нью-Йорк. №251. С. 316).

¹¹ ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 2. Д. 45. Л. 181.

¹² *Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 16.

¹³ Там же. С. 30.

¹⁴ Там же. С. 28.

¹⁵ *Набоков Н.* Багаж. СПб., 2003. С. 136.

¹⁶ *Берберова Н.* Курсив мой. М., 1996. С. 366.

¹⁷ Н. Савицкая вспоминает: «Ольга Набокова-Петкевич своим сыном Ростиком совершенно не занималась, его воспитывала няня Гофельд, которую вся эмиграция называла Тётик. Ростик спился и умер в 29 лет от цирроза печени. Он собирался перебраться к своему дяде, Вл. Набокову, на Запад. В 48-м году всё было перекрыто. Его погнали из гимназии и не давали ему работать, он начал пить по-чёрному» («Край ты мой, рай мой чешский...») Интервью И. Толстого с потомками русской эмиграции // Новый журнал. №251. С. 302).

¹⁸ Манташевы — наследники нефтепромышленника А.И. Манташева, ставшего в результате финансовых махинаций в 90-е годы XX в. одним из богатейших людей России.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 2. Д. 43а. Л. 56.

²⁰ Зернов Н.М. (1898—1980) — богослов, историк церкви, эмигрант. В эмиграции — с 1921 г. Один из основателей Русского студенческого христианского движения за рубежом (РСХД).

---

²¹ ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 2. Д. 43а. Л. 57.

²² Гессен С. — профессор Русского юридического факультета в Праге. В 1923—1929 гг. основатель и редактор журнала «Русская школа за рубежом».

²³ ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 2. Д. 43а. Л. 162.

²⁴ Там же. Л. 217.

²⁵ Каминка А.И. — один из организаторов и лидеров партии кадетов. Член ЦК партии. Вместе с В.Д. Набоковым был редактором еженедельного журнала «Вестник партии народной свободы» (1906—1917 гг.). В Берлине в 1920 г. был соучредителем В.Д. Набокова издательства «Слово» и газеты «Руль» (1920—1931 гг.), председатель Русской Академической группы в Берлине.

²⁶ ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 2. Д. 43а. Л. 218.

²⁷ *Шаховская З.* Указ. соч. С. 15.

²⁸ *Набоков В.В.* Другие берега. С. 36.

²⁹ *Цветаева М.* Спасибо за долгую память любви. Письма А. Тесковой. 1922—1939. М., 2008. С. 267.

**В ПОИСКАХ «ПОРЕВОЛЮЦИОННОГО»
СИНТЕЗА:
П.С. БОРАНЕЦКИЙ — П.Н. МИЛЮКОВУ**

Формирование пореволюционной идеологии берет свое начало еще до того, как победа большевиков в Гражданской войне определила судьбу страны и, вынужденные покинуть Россию, представители интеллектуальной элиты, принадлежащие к разным партиям и течениям, уже в эмиграции, начали разрабатывать разного рода «синтетические», компромиссные по отношению к большевизму теории, получившие общее название «пореволюционных». Летом 1918 г. П.Б.Струве был задуман сборник статей о русской интеллигенции и ее роли в революциях 1917 г., «призванный непосредственно гласно откликнуться на проблемы современности»¹. В итоге на страницах вышедшего лишь в 1921 г. сборника «Из глубины»² были представлены статьи С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Вяч. Иванова, А.С. Изгоева, С.А. Котляревского, В.Н. Муравьева, П.И. Новгородцева, И.А. Покровского, П.Б. Струве, С.Л. Франка. По заключению М.А. Колерова³, именно статья Н.А. Бердяева «Духи русской революции», а точнее внесенная в статью правка (она не была учтена в издании 1921 г.), отразившая «полугодовалую эволюцию» взглядов мыслителя (с июля по октябрь 1918 г.), легла в основу формулирования концепции «пореволюционности».

«Пореволюционность» или «транс-революционность» определялась как путь «духовного преодоления крайностей большевизма и социалистического по своей сути синтеза либеральных завоеваний предреволюционной России с реальностью большевистского порядка, которую, по мысли Бердяева, призвана была унаследовать будущая небошевистская Россия. К этой

идее синтеза генетически были близки все крупнейшие идейные течения русской мысли после 1917 года — и национал-большевизм, и евразийство, и сменовеховство, и либерально-консервативная теория и практика белого

тельной деятельности представителей различных движений эмиграции. Ставка делалась прежде всего на молодое поколение российской эмиграции как главную среду, из которой должно было исходить новое «пореволюционное» творчество политической мысли. На страницах эмигрантской прессы активно обсуждались проблемы взаимоотношения «отцов» и «детей», с выступающими на первый план проблемами идейной преемственности и т.д.

В частности, в определении характерных для эмигрантской молодежи настроений, интересна позиция идеолога «сменовеховского» движения, кадета Н.В. Устрялова. Он считал, что задававшее до последнего времени тон в эмигрантской политической мысли «первое поколение», «всеми корнями, уходящее в старую Россию», уходит в прошлое — «постепенно слагается новая социально психологическая среда русского зарубежья» и, несмотря на то, что «юные последователи» могут, встречаются и у Милюкова, которому «нетрудно бывает с терпеливой и внимательной снисходительностью разъяснять ей формально-логические и конкретно-политические пороки ее рассуждений», и у Струве, ... и «даже у Керенского», более характерны для «молодого мыслящего зарубежья» настроения иные — они представлены «утвержденцами», евразийцами и родственными им группами»⁹.

Дискуссия велась и на страницах газеты «Последние Новости». Одно из утверждений в адрес РДО заключало в себе отрицание «вообще» самого существования «сторонников р.-д. взглядов среди «молодого» поколения», наличие «разрыва преемственности между «отцами» и «детьми», возникновение между ними глубокой трещины. «Отцы осуждены на то, чтобы унести одушевлявшие их идеи с собой в могилу: нет у них продолжателей, нет у них смен»¹⁰. Безусловно, представители РДО с подобными определениями были не согласны и, считали, что «нельзя игнорировать наличность среди молодежи и р.-д настроений»¹¹.

Мы обратимся к одному из эпизодов, отражающему попытку представителя поколения «пореволюционных детей» П.С. Боранецкого, найти поддержку у одного из выдающихся «отцов», лидера конституционно-демократической партии и Республиканско-Демократического объединения

П.Н. Милюкова. Основой для исследования послужило не рассматриваемое ранее, письмо П.С. Боранецкого П.Н. Милюкову, хранящееся в ГАРФ¹².

Прежде чем перейти к тексту самого письма, кратко остановимся на личности писавшего, на основных позициях представляемого им «пореволюционного» течения «народников-мессианистов», ибо информация об этом крайне скудна. Петр Степанович Боранецкий (17.10.1900 — не ранее 1965), философ и публицист, (с 1947 г. масон), стал главным идеологом пореволюционного журнала «Третья Россия»¹³ и главой группы «народников-мессианистов», или «третьероссов» (по названию издаваемого журнала). В 1925 г. он окончил социально-экономический факультет Новороссийского ун-та. За письменную дипломную работу был приглашен в Москву в число аспирантов при РАНИ по экономическим наукам. Являясь противником капитализма, Боранецкий не принимал и социалистические учения, и марксизм, из-за чего ушел из аспирантуры. Нелегально перешел границу Румынии, затем жил в Чехословакии, Париже¹⁴.

В Париже, первоначально, наряду с другими представителями «пореволюционных» течений, он участвовал в издававшемся лидером «национал-максималистов» Ю.А. Ширинским-Шихматовым, журнале «Утверждения»¹⁵, являясь членом его редколлегии. Журнал был задуман «как попытка подготовить объединение пореволюционной молодежи и той части эмиграции, которая в тяжелом опыте обрела новое сознание»¹⁶. Определяемая «утвержденцами», политическая позиция, была «непримиримо революционна по отношению к коммунистическому правительству современной России» и «столь же непримиримо враждебна всякой реставрации — во всех ее видах и степенях»¹⁷. Позже, выделившись в собственное течение, П.С. Боранецкий и его сторонники, пытаясь найти пути к созданию новой «Третьей России», также как и «утвержденцы», провозгласили в основе своей деятельности «пореволюционный синтез».

Необходимо отметить, что общей для всех представителей «пореволюционных» течений (в том числе и для «народников-мессианистов»), была вера в мессианское призвание русского народа и утверждении примата духа

над материей. При этом учение Боранецкого занимало особое место в «пореволюционной» идеологии и, главное отличие заключалось в том, что он не понимал «российскую национально-историческую идею» как «социальное раскрытие Православия», и вообще крайне отрицательно относился «ко всем стремлениям «христианизировать» культуру»¹⁸. «Народнический мессианиззм», «третьероссов» решительно «отгораживался» от «церковного мессианизма евразийцев и их всякого рода попутчиков», противопоставлялся он и мессианизму «классовому, материалистически-социалистическому», который «в своем развитии закончился»¹⁹.

Как и П.Н. Милюков, «третьероссы» рассматривали начало 30-х годов как переломный период в жизни Советской России. «Квалифицируя большевистскую революцию, как негативную стадию Революции», они «всегда мыслили начало пореволюционной эпохи, пореволюционной в отношении этой негативной стадии революции, как логический момент, когда от разрушения исторически обреченных форм жизни, революция перейдет к саморазрушению и к разрушению всего, на чем она держалась. Теперь этот момент наступил»²⁰.

Выстраивая возможные модели развития России после падения большевистского режима, Боранецкий выдвинул концепцию «двухпалатного государства» — нижняя палата должна была стать палатой «народных представителей, организованной по принципу демократического права», а верхняя — «явилась бы палатой государственных экспертов, организованной по принципу научной целесообразности», включая в себя «весь мозг страны, всю ее квалификацию, знания, таланты»²¹.

Преступая к непосредственному рассмотрению послания П.С. Боранецкого П.Н. Милюкову, необходимо отметить, что письмо не датировано, но можно предположить, что написано оно не ранее 1932 г., а возможно, и непосредственно в 1932 или 1933 г.

К сожалению, на данный момент, мы, пока, не располагаем достаточной информацией о том, как осуществлялось непосредственное взаимодействие Милюкова и Боранецкого. Однако, о негативном отношении кадет-

ского лидера к идеям, проводимым «народниками-мессионистами», думается, можно судить по его критическим статьям, посвященным «пореволюционным» «Утверждениям»²², с которыми, как указывалось выше, сотрудничал и к которым был идеологически близок Боранецкий.

Тем не менее, на то, что рассматриваемое письмо является продолжением непосредственного диалога П.С. Боранецкого с П.Н. Милюковым, указывают уже первые его строки: «Высокоуважаемый Павел Николаевич, с Вашего разрешения я позволю себе в дополнение к сказанному мною присокупить несколько слов, чтобы раз и навсегда сделать понятными побуждения и намерения группы журнала, которым я руковожу»²³.

Далее Боранецкий затрагивает ту самую «злободневную» тему взаимоотношения эмигрантских «отцов и «детей»: «Подобно тому, как у лучших из «отцов» есть потребность иметь своих «детей», ибо это потребность видеть свои идеи продолжающими жить в других сменяющихся поколениях, точно также и у лучших из «детей» есть потребность иметь своих «отцов», т.к. это укрепляет их в уверенности правильности избранных путей. И в этом смысле я позволю себе еще раз заверить, что касается той группы, именем которой мы издаем журнал, что она не стремится зачеркнуть историю и искания свои основывает на определенных исторически данных ценностях. Но эти «дети» были бы никчемными «детьми» если бы они довольствовались общественно-политическим капиталом, добытым их «отцами» и не пытались дальше искать, думать, в меру своих сил, добиваться новых ценностей»²⁴.

Следующее далее утверждение Боранецкого, что он подходит «к своему начинанию только с точки зрения» Милюкова, рассчитывая при этом, на некоторое его сочувствие, говорит о том, что позиция Милюкова, как председателя РДО, была идеологу «третьероссов» близка. При этом Боранецкий говорит о необходимости создания «канала», «через который естественно-назревающие пореволюционные настроения молодежи будут литься на демократическую мельницу» и, именно «группировка» Боранецкого призвана «соответственные настроения, чаяния и искания канализировать в должном

направлении... в противном случае, ища выхода, они выльются на мельницу идеократическую (евраз.), а то и монархическую (младор.)»²⁵.

Таким образом, определяя свое течение, как «пореволюционное», Боранецкий решительно отстраняется от течений, по его мнению, «псевдопореволюционных» (в письме — «евразийцев» и «младороссов»), «которые отправляются от революции — главным образом февральской, другие — октябрьской. А фактически они отправляются от контрреволюции, представляя собой грубое недоразумение, ибо пореволюционное течение, идущее от контрреволюций — нонсенс»²⁶. Как известно, критических взглядов в отношении данных (как и вообще «пореволюционных») течений придерживался и П.Н. Милоков. В частности, в своем докладе «Евразийство» он указывал на то, что «соединяя противоречивые черты, объединенные лишь отрицательным отношением к демократии, евразийцы представляют двустороннюю черно-красную опасность»²⁷.

Можно допустить, что общность вышеозначенной критической оценки также послужила причиной, по которой Боранецкий пытался «найти сочувствие» у лидера партии Народной Свободы, разъясняя ему свою позицию в письме.

Отрицательное отношение Боранецкого к христианству, как уже было отмечено, противопоставляло его практически всем носителям «пореволюционной» мысли (в том числе и «утвержденцам»). Христианство, «как оно есть», рассматривалось «народниками-мессианистами» как сумеречная картина «великого кризиса, в известном смысле кризиса смертельного, означающего, что мир должен подняться к неким высшим формам религии, или духовно разложиться и погибнуть»²⁸. И эти «Высшие формы религии» и должны были нести «третьероссы». Именно эта позиция «антихристианства» возбудила, по определению одного из ведущих лидеров евразийства К.А. Чхеидзе, «репульсивные эмоции стопроцентных христиан» против Боранецкого²⁹. Но, не смотря на то, что помимо дискуссии в процессе переписки с Чхеидзе, практически все статьи Боранецкого, опубликованные в «Третьей России», пронизаны идеей возникновения новой религии, носителем которой

станет, не кто, иной, как русский народ, в письме Милокову рассуждения на религиозные темы отсутствуют.

Учитывая все вышеизложенное, не удивительно, что отношение Милокова, по словам самого же Боранецкого, к нему и представителям близких ему течений, «вообще отрицательное»³⁰, ибо подобные рассуждения о возникновении «новой религии», даже непосредственно не вынесенные на страницы рассматриваемого письма, были Милокову чужды. Но Боранецкий, все же, не понимает причин этого отрицательного отношения, ведь, по его утверждению, будучи мессианистами в идеологии, «третьероссы» «в конкретной политике, прежде всего народники, т.е. в переводе на иностранный язык — демократы»³¹.

Какую же именно роль отводил П.С. Боранецкий П.Н. Милокову на пути к созданию «Третьей России»? Далее в своем письме он эту роль определяет: «В Вашем лице я вижу нечто значительно большее, чем представителя определенной организации, определенных идей, принимая во внимание то, что мною было сказано, что в России «победят» не организации, не идеи, а лица, исторические имена, что, быть может они явятся единственными моментами, вокруг которых начнет кристаллизироваться развязанный в результате падения большевизма, хаос. Принимая во внимание это, я позволю себе сказать, что в частности Ваше отношение к группировкам подобным нашей — ниже Вашего положения, ибо, несмотря на весь свой максимализм нам не чуждо понимание реального положения сегодняшнего дня, такого же рода «исторические имена» умалили бы свое значение, если бы снизились до борьбы порядка группового. Тем более что и опасность послебольшевистской реакции представляется несомненной: отталкиваясь от революции обратным историческим стихиям трудно остановиться на грани, разделяющей октябрьскую и февральскую революцию. Как и революция, контрреволюция имеет ту же тенденцию углубления, последовательности и доведения до логического конца, но только с обратной направленностью. Именно поэтому, мне предоставляется столь необходимым, бережное отношение к каждой боевой единице, способной противостоять этой реальной угрозе»³².

Таким образом, можно предположить, что Павел Николаевич Милюков, как один из величайших «отцов», рассматривался идеологом «третьероссов» и, как «боевая единица», могущая сыграть роль в противодействии «послебольшевистской реакции» и, как «историческое имя», призванное стать неотъемлемой частью «двухпалатного государства» — в верхней палате «государственных экспертов, организованной по принципу научной целесообразности»³³.

При этом, думается, Боранецкий отдавал себе отчет в том, что личность такого масштаба как лидер партии Народной свободы, вряд ли серьезно отнесется к идеологическим построениям «народников-мессианистов», определяя подобное движение, скорее, как «новейшую попытку интеллигентского сектантства»³⁴. Поэтому, можно допустить, что письмо Боранецкого явилось определенной реакцией на, негативное по отношению к нему и его движению, выступление Милюкова. Целью его, могла быть даже не надежда на то, что представится возможность идти вместе, «канализировать» сообща «исторические стихии», а желание убедить кадетского лидера воздержаться от острой критики. Безусловно, это указывает на то, что мнение Павла Николаевича Милюкова, как «исторического имени», было весомым и важным для лидера «народников-мессианитов».

В заключении хотелось бы отметить, что, несмотря на, в целом, критическое отношение лидера партии Народной Свободы к представителям «пореволуционных» течений, прежде всего, как к «революционерам духа», с их, по его мнению, недостаточным «уважением к факту»³⁵ и, даже характеристики их деятельности, как «новейшей попытки интеллигентского сектантства», Милюков признает, что «пореволуционная мысль» внесла «кое-какие изменения в новом стиле», а именно, «стала подчеркиваться связь «духовного начала» с идеей «создания социальной организации», помимо этого, всем им (в частности участникам «Утверждений»), было «свойственно чувство катастрофичности эпохи..., убеждение в той исключительной провиденциальной роли, которую суждено сыграть России в настоящий исторический момент»³⁶.

-
- ¹ Колеров М.А., Плотников Н.С. Вступительная статья // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1990. С. 6.
- ² Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1990. 298 с.
- ³ Квакин А.В. Сборник «Из глубины» 1918 года и формирование пореволюционной идеологии интеллигенции России. Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 4. Часть I. М.: ИНИОН РАН, 2009. С. 506.
- ⁴ Цит. по: Квакин А.В. Указ. соч. С. 506.
- ⁵ Перелом в Советской России // Последние Новости. 1932. №4290.
- ⁶ Русское Республиканско-Демократическое Объединение. Программные положения, утвержденные общим собранием 30 октября 1932 года // Последние Новости. 1932. №4244.
- ⁷ Социальная программа РДО // Последние Новости. 1932. №4244.
- ⁸ Русское Республиканско-Демократическое Объединение. Программные положения, утвержденные общим собранием 30 октября 1932 года // Последние Новости. 1932. №4244.
- ⁹ Устрялов Н.В. Зарубежная смена. // Утверждения. 1932. №3. С. 108.
- ¹⁰ И.И. Бунаков и РДО // Последние Новости. 1933. №4305.
- ¹¹ Там же.
- ¹² ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 185. Л. 20—21.
- ¹³ Всего вышло 9 номеров с 1932 по 1939 гг.
- ¹⁴ Серков А.И. Русское масонство. 1731—2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 130.
- ¹⁵ Всего вышло 3 номера 1931—1932 гг.
- ¹⁶ Утверждения. 1931. №1. С. 3.
- ¹⁷ Там же. С. 8.
- ¹⁸ Варшавский В.С. Незамеченное поколение. М., 1992. С. 266.
- ¹⁹ Боранецкий П.С. Новый класс или новый народ спасет мир? // Третья Россия (Париж) 1932. №1. С. 31—32.
- ²⁰ К идее синтеза // Третья Россия (Париж) 1933. №3. С. 14.
- ²¹ Боранецкий П.С. К идее научного государства // Третья Россия (Париж) 1933. №3. С. 19.
- ²² Последние Новости. 1931. №3835; №3839.
- ²³ ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 185. Л. 20.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 185. Л. 20.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 167. Л. 59-60.
- ²⁸ Артемьев М. Мессианизм и национальная проблема // Третья Россия (Париж) 1932. №1. С. 34.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 13. Л. 32.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 185. Л. 20.

---

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 20—21.

³³ *Боранецкий П.С.* К идее научного государства // Третья Россия (Париж) 1933. №3. С. 19.

³⁴ *Милоков П.Н.* Пореволюционные «утверждения» I. В небесах // Последние Новости. 1931. №3835.

³⁵ *Милоков П.Н.* В по-революционных потемках I // Последние Новости. 1931. №3922.

³⁶ *Милоков П.Н.* Пореволюционные «утверждения» I. В небесах // Последние Новости. 1931. №3835.

Людмила Павловна ЛАПТЕВА

доктор исторических наук

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова, Россия

**КОНТАКТЫ РУССКИХ УЧЕНЫХ С ЧЕШСКИМ УЧЕНЫМ
И ПОЛИТИЧЕСКИМ ДЕЯТЕЛЕМ Т.Г. МАСАРИКОМ
(до 1917 г.)**

Среди контактов русской прогрессивной интеллигенции с демократическими кругами Западной Европы до 1917 г. не последнее место занимают связи некоторой части профессоров СПб. университета с известным политическим деятелем Чехии, проф. Пражского университета Т.Г. Масариком. В настоящем сообщении речь пойдет о двух ученых упомянутого университета, представителях всеобщей истории.

Старшим из них является Николай Иванович Кареев (1850—1931) — историк, социолог, публицист и педагог. Он внес столь весомый вклад в русскую науку и культуру, что до настоящего времени его труды являются не только источником знаний, но и поучительным примером преданности науке, собственным убеждениям и высокой нравственности. При жизни, особенно до Октябрьской революции 1917 г., Н.И. Кареев пользовался заслуженной общеевропейской известностью. Он заложил фундамент для изучения ряда вопросов истории французской буржуазной революции и был признанным авторитетом в европейской науке. Весьма известен был Н.И. Кареев и в области разработки социологии.

Октябрьская революция самым печальным образом отразилась на творческой судьбе выдающегося ученого. Постепенно его труды перестали публиковаться, а в конце 1930 г. на заседании методологической секции Общества историков-марксистов Академии наук СССР Н.И. Кареев был ошельмован членом этой секции Н.М. Лукиным, с чего и началось забвение цен-

нейшего научного и культурного наследия одного из лучших представителей русской исторической науки. В советское время в течение ряда десятилетий о творчестве Кареева либо умалчивали, либо упоминали его в качестве примера антимарксистского и, следовательно, «ненаучного» подхода к истории. В 50-е годы, когда имя Кареева стали упоминать в некоторых статьях и общих работах, подчеркивалось опять же его отрицательное отношение к марксизму, и постепенная эволюция от демократизма к буржуазному либерализму, который, по убеждению наших историков 50-х годов, был явлением реакционным. «Элементы нового, передового, — демократического по своему происхождению — подхода к современности, социологии и истории, которые остались не совсем чуждыми Карееву в юности, оказались в дальнейшем подчиненными общей системе его антиреволюционных и антидемократических в целом взглядов либерала, позитивиста и неокантианца», — читаем мы в одном издании 1955 г.¹ Между тем сам Кареев писал в своих воспоминаниях: «Я считал себя всегда человеком прогрессивных устремлений и искал знакомств среди либералов, радикалов и революционеров, а в области мысли чувствовал себя всегда ближе к позитивистам, реалистам и материалистам, относясь отрицательно к противоположным направлениям, и революция отнюдь... не заставила меня в области мысли повернуть направо или двинуться назад. Я не только не изменился, но и не хотел измениться. И этой верностью самому себе я особенно дорожу»².

Известно, что в период господства в СССР марксистской методологии историки руководствовались в своих оценках не результатами собственных исследований творчества того или иного ученого, а высказываниями классиков марксизма-ленинизма по соответствующему предмету. Существовало 4 таких классика — К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин и И.В. Сталин (последний, впрочем, вскоре после смерти из их числа был исключен, как «не оправдавший доверия партии»). Понятно, что оценка взглядов Н.И. Кареева базировалась на одном из высказываний В.И. Ленина, который в начале 90-х годов XIX века в полемике с Н.К. Михайловским критиковал экономический материализм и при этом отозвался о Карееве пренебрежительно.

Оригинальным исследователем Кареев считался в нашей историографии лишь когда речь шла о его работе «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.» (1879), поскольку К. Маркс назвал эту книгу «превосходной», а Ф. Энгельс считал ее лучшей работой о крестьянах и даже перевел из нее отрывки для К. Каутского. Это обстоятельство и спасло магистерскую диссертацию Кареева от разгрома советскими историками³. Более объективное отношение к Н.И. Карееву и интерес к его трудам намечаются в советской историографии с 70-х годов XX в. Ученых начинает интересовать социологическая концепция Кареева. Изучаются в его творчестве вопросы методологии исторического исследования, специфики исторического познания, роли классовой борьбы в истории прогресса и другие методологические и идейно-политические позиции ученого. Наряду с этим в некоторых работах рассматривается освещение Кареевым определенных исторических периодов и конкретных событий истории Западной Европы, например, освещение гуситского движения в Чехии XV века⁴ или истории Польши⁵. 80-е годы приносят новые труды о Карееве. На основании изучения архивных материалов уточняются данные его биографии, публикуются отрывки из его воспоминаний. Следует отметить, что литература 80-х годов в основном уже не содержит необоснованных обвинений ученого в отходе от демократических убеждений и поправении, а его позитивизм уже не клеймится как «ненаучная методология»; но все же продолжает господствовать взгляд на процесс развития исторической науки России в конце XIX — начале XX в. как на явление, охваченное глубоким кризисом.

90-е годы условно можно назвать началом нового этапа изучения творчества Н.И. Кареева отечественной историографией. В это время увидели свет его воспоминания, которые он сам назвал «Прожитое и пережитое», переизданы некоторые труды ученого или опубликованы фрагменты из них⁶. Из исследований о теоретических позициях русского историка необходимо отметить монографию Б.Г. Сафронова «Н.И. Кареев о структуре исторического знания» (М., 1995). В целом теперь мы имеем более или менее правдивый образ историка, по сравнению с тем, который был представлен в нашей

литературе советского периода. Однако не все еще стороны научной и общественной деятельности Н.И. Кареева изучены в полной мере. К числу вопросов недостаточно освещенных относится интерес ученого к истории славян. Заслуживают большого внимания его труды по истории Польши⁷ и Чехии⁸ и контакты петербургского профессора с интеллектуальной элитой этих стран.

Н.И. Кареев был широко известен за пределами России. Он часто посещал европейские страны с ученой целью и просто для ознакомления с культурными и художественными ценностями. Как он пишет сам, особенно его тянуло в славянские земли — Чехию и Галицию, где он бывал неоднократно. О начале своих связей с чешским ученым миром сам Кареев говорит в своих воспоминаниях: «Славянские мои симпатии сказались в том, что первым заграничным городом на моем пути оказалась Прага, которую и впоследствии я неоднократно посещал, особенно в первые годы нынешнего столетия, когда собирал материал для глав об истории Австрии в конце XIX и в начале этого века»⁹. Политические и научные контакты Н.И. Кареева с чешской интеллектуальной средой были достаточно богаты и плодотворны. Особенно близким знакомым русского историка был профессор Пражского университета ученый и политик Томаш Гарриг Масарик (1850—1937), впоследствии первый президент Чехословацкой Республики. С ним русский ученый встречался в Петербурге, вел переписку, обменивался книгами и оттисками работ. Н.И. Кареев характеризует Масарика как самую крупную фигуру чешской политики, человека с широким философским кругозором и большим политическим талантом, с которым русский ученый охотно виделся и беседовал. «В одном из моих приездов в Вену, — пишет Кареев, — где я пробыл десять дней во время сессии рейхстага, членом которого был Масарик, я каждый день ужинал с ним в одном ресторане, куда приходили и его единомышленники Крамарж, Кайзль и еще один депутат, купец Ваганка. Они составляли тогда вчетвером отколовшуюся от младочехов группу «реалистов». Помню одну воскресную поездку с Масариком, Крамаржем и Кейзлем куда-то в живописные окрестности Вены, где мы провели приятно целый день, бродя по горам и лесам и ведя оживленные беседы. Между прочим, Крамарж

жаловался на внутреннюю политику Австрии и сказал, что лучше был бы абсолютизм, но под условием всяких видов свободы. Я отпарировал ему, и шутя заметил: хорошо, что я не репортер какой-либо газеты, а то бы мог опубликовать Ваш разговор и Вас более не стали бы выбирать в рейхстаг»¹⁰.

По ряду научных проблем Кареев и Масарик были единомышленниками. В своих трудах по социологии Масарик давал понять, что хорошо знает сочинения русского коллеги по этой проблематике. О дружественных отношениях Кареева и Масарика свидетельствует и тот факт, что последний не только присутствовал, но и принимал живейшее участие в организации большой публичной лекции Н.И. Кареева о главнейших направлениях русской общественной мысли в XIX столетии, прочитанной русским ученым в «Умелецкой Беседе» в Праге 21 июня 1901 года. На лекцию пришло много слушателей, университетские профессора, представители чешских прогрессивных партий, члены общества любителей русского языка и литературы и т.д. Н.И. Кареев вспоминает об этом: «Я был крайне удивлен, когда увидел, что на мою лекцию явилось около двухсот человек... После лекции был скромный ужин в ресторане, куда пришли и некоторые журналисты; но Масарик шепнул мне, что им не понравилось мое отношение к русским националистам, бывшим у чехов, наоборот, очень популярными. Я просил Масарика прислать мне в Карлсбад отзывы о моей лекции, но он предупредил, что кроме одной старочешской газеты и его собственного органа «Час» о моей лекции другие газеты промолчат. Так оно и вышло»¹¹.

Н.И. Кареев посещал и Пражский университет. Он вспоминал: «Бывал я еще в Пражском (Чешском) университете на двух-трех лекциях и семинарских занятиях. Знакомые ученые награждали меня своими книгами, среди которых были, конечно, и произведения Масарика и отдельные оттиски»¹².

Еще в 1916 г. Н.И. Кареев находился в контакте с Масариком, о чем свидетельствует факт, что в ноябре месяце на заседании историко-филологического факультета Петроградского университета профессора Н.И. Кареев, П.А. Лавров, А.А. Шахматов, М.И. Ростовцев, А.И. Веденский, И.И. Лапшин по предложению Н.В. Ястребова приняли решение пригласить Т.Г.

Масарика в Петроград читать лекции¹³. Решение имело политическую подоплеку и МИД России отказал чешскому профессору во въезде.

Более активными и многосторонними были контакты Т.Г. Масарика и профессора Петроградского университета Н.В. Ястребова (1869—1923). Он принадлежал к новому поколению русских историков (был на 19 лет моложе Н.И. Кареева и Т.Г. Масарика), но его связи с чешскими учеными были более интенсивными ввиду того, что он являлся историком-славистом и преимущественно богемистом. Н.В. Ястребов принадлежит к числу блестящих русских историков-славистов начала XX в., внесших вклад в европейскую историческую науку. Однако в отечественной историографии сведения о его жизни и творчестве долго ограничивались короткими статьями справочного характера. К настоящему времени появилось уже несколько подробных работ, большая часть которых принадлежит автору этих строк, исследовавшему архивные материалы и сочинения ученого¹⁴. Н.В. Ястребов окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и был послан за границу для подготовки к профессуре по истории славян. Предметом его исследования за границей являлась средневековая история Чехии, конкретно история гуситского движения, главным образом, его идейная сторона и история общины чешских братьев. В 1900—1901 гг. Н.В. Ястребов занимался в Вене палеографией, дипломатикой, слушал лекции по истории славян в Венском университете, изучал и греческую палеографию. Затем в течение трех месяцев штудировал сочинения византийских историков под руководством профессора К. Крумбахера в Мюнхене. В середине мая 1901 г. ученый прибыл в Прагу, где около года проработал в библиотеках и архивах, изучая произведения П. Хельчицкого. Возвратившись в Россию в 1902 г., Н.В. Ястребов защитил магистерскую диссертацию по книге «Этюды о Петре Хельчицком» (1908) и стал преподавать историю славянских народов в Петербургском университете и других высших учебных заведениях. Н.В. Ястребов был отлично подготовлен именно для преподавания истории славянских народов: знал все славянские языки, владел древними и новыми западными языками и историческим материалом на высоком профессиональном

уровне. Специалистов, подобных Ястребову, в России тогда не было. Ученый сделал много научных открытий: обнаружил ряд сочинений Петра Хельчицкого, установил историю литературной деятельности этого чешского средневекового мыслителя. Н.В. Ястребову принадлежит открытие, изучение и публикация ряда материалов об общине чешских братьев. Крупнейшим сочинением Ястребова была его книга «Этюды о Петре Хельчицком и его времени», признанная выдающимся достижением не только в русской, но и чешской литературе. Он также опубликовал «Краткий очерк истории польского народа» (1915), «Историю болгарского народа» (1917), «Лекции по истории западных славян» (2-е изд. 1911) и ряд других ценных, интересных, в значительной мере новаторских работ.

По мировоззрению и политическим убеждениям ученый относился к кругу либеральной интеллигенции, осуждавшей реакционные проявления в политике русского правительства в отношении высшей школы и репрессии против студентов, и вообще желал для России более прогрессивного общественного строя, однако, без революционного вмешательства народных масс в обновление его. Под влиянием революционной ситуации в России после ее поражения в русско-японской войне, политические взгляды Ястребова эволюционировали влево. В период революции 1905—1907 гг. он пытался с небольшой группой петербургских интеллигентов создать «партию свободомыслящих», программой которых была бы «свободная критическая мысль». По своей идеологической позиции «свободомыслящие» являлись политическим центром: от левых с их требованиями революции они отличались и по тактике, т.к. стояли на принципах «эволюции». Уже в конце 1906 партия прекратила свое существование, влившись в группу «либеральных демократов». Пережив бурное время революции 1905—1907 гг. Ястребов не остался в стороне от событий, стремясь своим трудом способствовать прогрессу, как он его понимал. Он относил себя к самым решительным противникам подчинения науки политике, но в то же время был убежден в необходимости служения науки политике, точнее – использования политикой «великой работы науки». Большое значение для научной и общественной деятельности Н.В.

Ястребова имели его контакты со славянскими учеными, особенно с чешскими. В период своих командировок за границу он установил связи со многими чешскими историками и политиками, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка. В частности Н.В. Ястребов был знаком с проф. Т.Г. Масариком. По материалам, имеющимся в нашем распоряжении, можно сделать вывод, что русский ученый уже в начале века интересовался политической деятельностью Т.Г. Масарика, его публицистикой и отношением к России. Имеется любопытное письмо Ястребова Масарику 1901 г., извещающее, что Ястребов не имеет никакого отношения к статье в журнале «Славянский век», комментирующей одну из речей Масарика¹⁵.

Русскому профессору импонировала программа Масарика по политическим вопросам. Как выше упоминалось, Ястребов в период революции 1905—1907 гг. был членом партии «свободомыслящих», считая, что положения программы этой партии находятся в близкой связи с идеями, лежащими в основе некоторых работ Масарика, руководство названной партии приняло решение издать на русском языке XIII и XIV главы из книги тогдашнего профессора пражского университета «Otázka sociální. Zaklady marksismu sociologické a filosofické» (Praha 1898). Обе главы сочинения Масарика вышли в Петербурге в 1906 г. в виде брошюр под названиями «Революция или эволюция?» и «Марксизм и парламентаризм». Редакция перевода и дополнение, указанной в обеих главах литературы были осуществлены Н.В. Ястребовым¹⁶. Через него же, вероятно, шли и все контакты партии «свободомыслящих» с профессором Масариком.

Связующим звеном отношений между Масариком и Ястребовым мог служить и их общий интерес к чешской истории; роль Масарика в разоблачении фальсификатов В. Ганки общеизвестна, имеются и другие свидетельства его внимания к прошлому чешского народа. Естественно, что знаменитого пражского ученого Ястребов решил привлечь к сотрудничеству в «Русской энциклопедии», где являлся редактором славянского отдела. В 1911 г. Н.В. Ястребов обратился к Т.Г. Масарику с просьбой «дать статью об истории чешского народа с 1848 года до наших дней (3 страницы, 14000 букв), т.е.

обрисовать главнейшие линии эволюции экономической, политической и культурной жизни (детали у нас будут под отдельными словами, например, Палацкий, Ригер, младочехи и т.д.)». «...Статья нужна будет года через два, — продолжал Ястребов. — Зная Ваши работы, я уверен, что никто из чехов не даст такого объективного и существенного очерка, как Вы. Вполне рассчитываю на Ваше согласие и жду скорого ответа»¹⁷. Однако, Т. Масарик, сославшись на болезнь, отказался от написания предложенной статьи¹⁸.

В период Первой мировой войны до 1917 г. Ястребов активно занимался политической публицистикой. Зная внутреннюю жизнь и политические стремления чехов так хорошо, как мало кто другой из русских (выражение К. Крофты)¹⁹, Ястребов сочувствовал их борьбе за освобождение от власти Австро-Венгрии и пропагандировал мысль о национальной самостоятельности чешского народа в духе идей Т.Г. Масарика. Эти идеи он проводил в своих лекциях по истории Чехии в университете и на Высших женских курсах, а в статьях на страницах газеты «Биржевые ведомости» разъяснял причины и цели чешского национального движения. Он также высказывался за «славянскую политику» России, т.е. за поддержку Россией всех славянских народов (не исключая и поляков). Авторы чешских некрологов Ястребова подчеркивают, что своей деятельностью в период мировой войны Ястребов оказал в России и вообще в политической жизни Европы неоценимую услугу чешскому движению за независимость, что в Чехии Ястребова знали, что в контакте и союзе с ним находились все значительные чешские деятели (как внутри страны, так и прибывшие в Россию), стремившиеся привлечь влиятельных русских лиц на свою сторону²⁰. Газета «Лидове Новины» писала, что «личные связи Ястребова с Т.Г. Масариком приобрели особое значение, когда началось движение чехов на Руси и выяснилось наличие сочувствующих политическим стремлениям чешского народа, которые объяснили бы русской общественности наши цели»²¹. По инициативе Н.В. Ястребова некоторые профессора Петроградского университета предложили избрать Т.Г. Масарика почетным профессором этого учебного заведения. Это была достаточно смелая демонстрация, направленная против германофильского русского прави-

тельства Штюрмера и серьезная поддержка профессора Масарика как представителя и вождя чешского национального движения²².

На Киевском съезде 1917 г. чехи и словаки выразили благодарность профессору Ястребову, избрав его почетным председателем. В неопубликованном письме президенту Чехословацкой республики (т.е. Масарику) от 25 ноября 1920 г., подписанном «Stěhule-Kopal», заслуги Ястребова формулируются следующим образом: «Ястребов привлекал внимание к чешским делам в литературе, журналистике, в политических кругах в период войны вплоть до большевистского захвата власти и расчищал нашим людям путь в этой области. Ястребов вместе с Шахматовым устранил препятствия для Вашего прибытия в Россию и Вашего избрания профессором Петроградского университета, где подготовил для этого почву»²³. Октябрьская революция сильно изменила положение интеллигенции в России и отрицательно повлияла не только на научную работу, но и на бытовые условия существования людей умственного труда, ввергнув их в нищету, лишив возможности заниматься тем делом, которому они себя посвятили. В 1919 г. Н.В. Ястребов вместе с семьей покинул Россию, хотя уже был утвержден профессором Петроградского университета. В марте 1920 г. он обосновался в Праге. Положение Н.В. Ястребова и его семьи в Чехословакии первоначально было весьма тяжелым. Без средств, без квартиры бывший русский профессор обивал пороги бюрократических учреждений Чехословацкой республики. И везде получал отказ²⁴. Органы власти не торопились проявлять «национальную благодарность» за помощь чехам в их предшествующей борьбе. Для них Ястребов был обыкновенным беженцем, эмигрантом из России, каких в Чехословакии тех лет обреталось достаточно много. Однако со временем о желании Н.В. Ястребова работать профессором в Пражском университете стало известно в высших государственных учреждениях. Декретом Президента республики от 10 июля 1920 г. Н.В. Ястребов был утвержден ординарным профессором славянской истории в Карловом университете в Праге²⁵. Распоряжением министерства школ и народного просвещения Чехословацкой республики 19 декабря 1920 г. было удовлетворено ходатайство профессорской коллегии

Карлова университета в том, «чтобы отделение тамошнего исторического семинара, которым руководил проф. д-р Новотный, было в зимнем семестре разделено на две параллельные секции..., чтобы новый назначенный проф. д-р Ястребов был определен соруководителем исторического семинара с обычной семестровой нагрузкой, и чтобы он смог сразу же начать вести занятия в семинаре»²⁶. В апреле 1921 г. Ястребов был принят канцлером президента республики П. Шамалом²⁷, после чего русский профессор получил хорошую квартиру²⁸ и 25 тысяч крон помощи²⁹. Тем самым была выражена «национальная благодарность» профессору, которого столь высоко ценили чешские легионеры в период их пребывания в России. О встречи и каких-либо других контактах Н.В. Ястребова с Т.Г. Масариком мы не располагаем сведениями. Вероятнее всего их не было. В Праге Н.В. Ястребов серьезно заболел и 20 мая 1923 г. скончался на 54 году жизни³⁰.

---

¹ Из истории социально-политических идей. М., 1955. С. 646.

² Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 301.

³ См. об этом: Гутнова Е.В. историография истории средних веков. М., 1985. С. 319—322 (первоначально М., 1974. С. 276—279).

⁴ См.: Лантева Л.П. Русская историография гуситского движения. М., 1978. С. 234—249.

⁵ Дьяков В.А. Польская тематика в русской историографии XIX — начала XX в. (Н.И. Кареев, А.А. Корнилов, А.Л. Погодин, В.А. Францев) // История и историки. Историографический ежегодник за 1978. М., 1981.

⁶ См. об этом: Николай Иванович Кареев. Библиографический указатель (1869—2007). Казань, 2008. С. 124—131. К сожалению, указанная книга содержит далеко не все, что написано о Карееве Н.И. за последние 20 лет. В частности, не упомянута указанная книга Б.Г. Сафронова и ряд других работ.

⁷ Кроме отмеченной выше статьи В.А. Дьякова о работах Н.И. Кареева об истории Польши см. Juliusz Bardach. Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX — początku XX wieku: N.I. Kariejew // Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku. Warszawa, 1980. S. 104—153.

⁸ Лантева Л.П. Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. — 1917 г.). М., 1978.

Л.П. Лантева. Н.И. Кареев и его связи с чешскими учеными // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. 1999, № 2. С. 51—69.

⁹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое... С. 145.

¹⁰ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое... С. 213.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ См. об этом: Биржевые ведомости. 1916. 13 ноября; Вечернее время. 1916. 17 ноября.

¹⁴ См., например, работы последних лет: *Лантвева Л.П.* Николай Владимирович Ястребов (1869—1923) как исследователь истории Чехии // История и историки 2005. Исторический вестник. М., 2006. С. 212—252; *Лантвева Л.П.* Русский историк-славист Н.В. Ястребов и его деятельность в эмиграции // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. Сборник статей. М., 2008. С. 148—158. А также *Лавров П.А.* Н.В. Ястребов и его ученая и преподавательская деятельность // Изв. ОРЯС РАН 1923. Л., 1924. Т. 28. С. 441—441; *Krofta K. N.V.* Jastrebov. 17 května 1923. ČČN. R. 29. 1923.

¹⁵ Н.В. Ястребов — Т.Г. Масарику 23 ноября 1901 г. Archiv Ústavu dějin KPČ v Praze, f. 41. Korespondence. В настоящее время указанный архив не существует. За истекшие десятилетия со времени моей работы, в ряде архивов ЧР некоторые документы уже переданы в другие хранилища. Не имея возможности проследить за этими перемещениями, ссылаюсь на те архивы, в которых знакомилась с соответствующими делами.

¹⁶ См. предисловие к кн.: Проф. Ф.О. Масарик. Начала социалистического общества. (Главные вопросы марксистской политики. 1. Революция или эволюция?). Пер. под ред. приват-доцента Н.В. Ястребова. Изд. партии свободомыслящих. СПб., 1906. Заметим, что Масарика в России называли в то время «Фомой Осиповичем».

¹⁷ Письмо Н.В. Ястребова Т.Г. Масарику 22 марта 1911 г. Указ. фонд.

¹⁸ Письмо Т.Г. Масарика Н.В. Ястребову. Б.д. Указ. фонд.

¹⁹ *Krofta K. N.V.* Jastrebov. †17 května 1923.

²⁰ *Bidlo J.* Nikolai Vladimirovič Jastrebov // Tribuna. 23.5.1923.

²¹ Lidové noviny, Brno 23.5.1923.

²² Ibidem.

²³ Archiv Kanceláře Prezidenta republiky (далее АКПР). Več: Profesor N.V. Jastrebov. Sign. R. 1310/21. — Dopis prezidentovi Československé republiky 25 listopadu 1920.

²⁴ АКПР. Več: Profesor N.V. Jastrebov. Sign. R. 1310/21. — Dopis prezidentovi československé republiky. 25 listopadu 1920 (далее — Письмо 25.XI.1920 г.).

²⁵ Archiv University Karlovy (далее АУС). Personalia N.V. Jastrebov. — Ministerstvo školství a národní osvěty — Universite Karlove. 20 července 1920.

²⁶ АУС, ibid. — Ministerstvo školství a národní osvěty — Dekanstvi FFUK 19 prosince 1920.

²⁷ АКПР. D. 1755/21; D. 1976/21; čís. 2496/21.

²⁸ АКПР. D. 4629/21. Ястребов — Канцлеру Президента 22.XI.21 с благодарностью за заботы о квартирных делах.

²⁹ АКПР. D. 1976/21.

³⁰ АУС. F.F. — официальное извещение факультета от 21 мая 1923 г. о кончине Ястребова и дне его погребения.

Людмила Петровна МУРОМЦЕВА

кандидат исторических наук
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Россия

**П.Н. МИЛЮКОВ О ПЕРВОМ СПИКЕРЕ РОССИИ
С.А. МУРОМЦЕВЕ**

4 октября 1910 г. в московской гостинице «Националь» перестало биться сердце председателя I Государственной Думы России, члена ЦК конституционно-демократической партии, профессора-правоведа Сергея Андреевича Муромцева (1850–1910).

Начало изучения жизни и деятельности С.А. Муромцева было положено в 1911 г., когда по решению ЦК кадетской партии был издан посмертный сборник статей о нем, написанных соратниками. В него вошли статьи известных кадетов: П.Н. Милюкова, Д.И. Шаховского, А.А. Кизеветтера, М.М. Винавера, Ф.Ф. Кокошкина, В.Д. Набокова и др.

Среди них прежде всего следует отметить работу лидера кадетской партии П.Н. Милюкова «Сергей Андреевич Муромцев. Биографический очерк». В ней впервые предпринята попытка написания научной биографии С.А. Муромцева, опирающейся на широкий круг источников. Биографический очерк, состоящий из 11 разделов, дает всестороннее представление о становлении С.А. Муромцева как политика, вписавшего свое имя в политическую историю России.

Родился С.А. Муромцев 23 сентября 1850 г. в Петербурге на Фонтанке в казармах лейб-гвардии Московского полка, в котором служил офицером его отец. Происходил он из старинного дворянского рода, корни которого сам Сергей Андреевич проследил до XVI в. Все Муромцевы по мужской линии были военными, принимали участие во взятии Казани, в разгроме польской интервенции в начале XVII века, в войне 1812 г. Вопреки семейной

традиции Сергея Андреевича совсем не привлекала перспектива военной службы. Он избрал для себя научное, а затем и политическое поприще. К этой деятельности он готовился с юных лет.

Особенно запомнились близким Сергея Андреевича (в частности, его брату Николаю) игры в «государство» и издание ежедневной рукописной газеты с девяти-десяти лет.

Отличаясь любознательностью и большими способностями, мальчик, прочитав в библиотеке отца «Справочную книгу офицера», содержащую краткие сведения о политическом устройстве зарубежных стран, объявил отцовское имение Лазавку (в Новосильском уезде Тульской губернии) конституционным государством, в котором имелся парламент с верхней и нижней палатами, размещавшимися в двух беседках сада, а резиденция его главы располагалась в господском доме. Сергей сочинил конституцию своего государства, нарисовал карту, разделил на губернии и уезды, составил письменную историю.

С ответственностью относился Сергей и к выпуску ежедневной семейной газеты. Ее очередной номер, заполненный реальными домашними известиями, готовился вечером и раскладывался наутро на столе перед местом, которое обычно занимал во время чаепития отец. Так, уже в детстве постепенно формировались многие черты характера и будущие интересы Сергея Андреевича¹.

Благодаря матери, Анне Николаевне, происходившей из дворянского рода Костомаровых, С.А. Муромцев получил хорошее домашнее образование. К сентябрю 1860 г., семья Муромцевых переселилась из тульского имения Лазавка в Москву. Здесь Сергей поступил в гимназию и в 1867 г. окончил ее с золотой медалью².

Становление С.А. Муромцева происходило в годы общественного подъема, вызванного буржуазными реформами 60 – начала 70 гг. XIX в. В Москве в свободные от занятий часы гимназиста можно было увидеть на заседаниях окружного суда, интересовала молодого Муромцева и деятельность Московского губернского земского собрания. Так, задолго до окончания

гимназии он вполне осознанно и твердо сделал свой жизненный выбор, считая юриспруденцию и самым подходящим для себя и весьма нужным людям занятием.

Рано проявившийся интерес к государственному праву привел Сергея Муромцева в 1867 г. на юридический факультет Московского университета. На первых двух курсах его интересовали не только специальные предметы (энциклопедия права, статистика и др.), но и блистательные лекции знаменитого историка С.М. Соловьева, способствовавшие укреплению «западнических» настроений будущего первого председателя Государственной думы. Активно участвовал он и в деятельности студенческого кружка, рассматривавшего на своих примерных судебных заседаниях уже решенные уголовные дела, полученные при содействии профессуры из окружного суда. Функции его председателя обычно выполнял Сергей Муромцев, готовивший, правда, себя к научной карьере. Он еще в 1869 г. в записной книжке пророчески наметил ее основные вехи: защита магистерской диссертации через 6 лет, чтение лекций, а затем спустя некоторое время отставка «за распространение либерализма»³.

И действительно, в 1875 г. Сергей Андреевич, защитив диссертацию, получил степень магистра гражданского права, в 1877 г. последовала успешная защита докторской диссертации. Следующие вехи в его послужном списке — в 1878 г. 27-летний профессор возглавил кафедру римского права, а в 1880 стал проректором Московского университета. Кроме того, из-под его пера выходят десятки монографий, статей, рецензий. Всего список печатных работ С.А. Муромцева насчитывает свыше 180 наименований⁴. Наряду с напряженными научными исследованиями он постоянно читал лекции в университете и, по отзывам слушателей, был прекрасным оратором.

Прирожденный либерал, сторонник создания в России правового государства С.А. Муромцев придавал большое значение публицистике в воспитании правосознания общества. «Будущее не должно застать нас врасплох», — часто говорил Муромцев. В 1878—1892 гг. он возглавлял журнал «Юридический вестник», а с 1880 г. был избран председателем Московского юри-

дического общества, члены которого под его руководством активно занимались подготовкой проектов более совершенных и столь необходимых России законов. Всех их объединяла идея создания на основе реформ правового государства.

Политический климат России между тем постепенно менялся. Как известно, после убийства 1 марта 1881 г. народовольцами императора Александра II реакция перешла в наступление. С принятием реакционного университетского устава 1884 г. участь либерально настроенных профессоров была решена. С.А. Муромцев вместе с другими профессорами был уволен из университета «за распространение либерализма» и «политическую неблагонадежность». Таким образом, еще раз подтвердилась истина: либерализм в России безнаказанным не остается.

Оторванный от университетской среды, С.А. Муромцев сосредоточил свою деятельность в области практической юриспруденции. Огромная эрудиция, честность и принципиальность создали ему блестящую репутацию адвоката⁵.

Неоценимый опыт практической работы приобрел Сергей Андреевич, участвуя в эти годы в земском движении. Не раз в 80—90-х гг. XIX в. избирался гласным Московского губернского и уездного земств. Не смог он отказаться и от участия в выборах в гласные Новосильского уездного и Тульского губернского земских собраний. Муромцев заслужил репутацию радикала и в качестве гласного Московской городской Думы (1881—1884, 1889—1893, 1897—1908 гг.) Сохранились свидетельства о его работе в Московском комитете грамотности и комиссии по народному образованию⁶. Не жалея сил, он будучи гласным Думы немало потрудился над разработкой ее постановлений по многим вопросам жизни крупнейшего города. Особый интерес у него вызывали проблемы создания юридической базы органов городского самоуправления, соотношения между местным и общероссийским законодательством. Занимался он решением и чисто хозяйственных вопросов: обсуждением отчета о строительстве Александровских казарм, рассмотрением проектов создания окружной железной дороги, упорядочения Цветного бульва-

ра, газового освещения Москвы. Особенно в первый период своей думской работы, в 1881—1884 гг., ему приходилось нередко выступать в качестве наиболее квалифицированного юридического эксперта по правовым вопросам работы Московской думы, ее гласных и председателя. Позднее, воздавая дань памяти Сергею Андреевичу, городская дума после его кончины учредила премию и стипендию имени Муромцева при юридическом факультете Московского университета и поместила портрет одного из самых известных своих гласных в зале заседаний.

Его плодотворнейшая общественно-политическая деятельность пришлась на конец 1904—1906 гг.: начиная с ноября 1904 г., он активный участник всех земских съездов, автор важнейших программных документов либералов. Главной работой этого периода стал проект Основного и Избирательного законов, в которых в концентрированном виде отразились его взгляды на конституционное будущее России. По мнению П.Н. Милюкова, в переломный для страны момент «Муромцев был с передовой Россией»⁷.

В это время Сергей Андреевич Муромцев словно переживал вторую молодость. Не жалея сил, захватывая нередко ночные часы, он подолгу сидел над текстами, столь нужных стране проектов законов, оттачивая до блеска их формулировки. И по праву проект конституции, представленный на рассмотрение земского съезда в июле 1905 г., именуется «муромцевским». Этот документ стал теоретической основой последующего конституционного движения в России⁸. Высшими ценностями для Муромцева и других русских конституционалистов являлись права личности и законность. Все преобразования в России должны были (и в этом состояла твердая убежденность) осуществляться только правовым путем.

Конституционная модель Муромцева была призвана не столько заменить существующие законы, сколько постепенно наполнить их новым содержанием. Муромцев, как и многие другие либералы, считал наиболее целесообразным введение в России конституционного строя путем ряда реформ сверху, последовательно осуществляемых самой монархической властью.

«Проект изложен таким образом, — пишет С.А.Муромцев, — что мог бы быть включен в Свод законов взамен ныне действующих статей 47—81 первой части первого тома, не затрагивая непосредственно остальных отделов ни первой, ни второй части первого тома Свода и предоставляя уже дальнейшему ходу законодательства дать то или другое выражение влиянию новых начал на старые части законодательства».

Впервые проект конституции был опубликован 6 июля 1905 г. в газете «Русские ведомости». Он состоял из 6 разделов и 113 статей, представляя собой достаточно сжатый и четко сформулированный документ. В проекте Основного и Избирательного законов уже в первых статьях первого раздела провозглашалось, что «Империя Российская управляется на твердых основаниях законов», проекты которых «исходят от Императорской власти или от Государственной думы и не иначе получают силу закона, как по одобрении Государственной думы и по утверждении Императором за собственным Его Величества подписанием». Особое значение имело и декларировавшееся равенство всех российских граждан перед законом, «не взирая на различия их племенного происхождения, веры или сословного положения». Проект был направлен на введение в стране всеобщего равного избирательного права, последовательным сторонником которого являлся С.А. Муромцев, широко использовавший при его разработке тексты европейских конституций и избирательных законов. Можно, таким образом, считать, что проект Муромцева на определенном этапе создавал основу и возможность исторического компромисса конституционно-либерального движения и монархического правительства, объединения их усилий по преодолению революционного кризиса. Возможность эта оказалась тогда не реализованной⁹.

С 12 по 18 октября 1905 г. в Москве в разгар Всероссийской политической стачки проходили заседания первого учредительного съезда партии конституционных демократов. С.А. Муромцева, принявшего деятельное участие в его подготовке, избрали в состав Центрального Комитета, а в апреле 1906 г. он прошел в I Государственную думу от кадетов по Москве¹⁰. С из-

бранием в депутаты Думы С.А. Муромцев становился и потенциальным кандидатом от партии на пост ее спикера.

Известный как талантливый председатель еще с 80-х гг. XIX в., времен расцвета Московского юридического общества, блестяще зарекомендовавший себя в 1904—1905 гг. на земско-городских съездах Муромцев, по мнению многих современников, был лучшей кандидатурой на этот пост. К его известности как председателя добавлялось еще и профессиональное знание парламентских порядков европейских стран, безупречный нравственный авторитет как политика «чистых рук».

Избранный 27 апреля 1906 г. на высокий и ответственный пост председателя I Государственной думы, к которому он готовился всю предшествующую жизнь, Сергей Андреевич возложил на себя огромное бремя ответственности и перед депутатами, и перед всей Россией.

Четкость, последовательность и беспристрастность Муромцева, его некоторая председательская жесткость, культура и корректность дисциплинировали Думу. Плавная речь, античный профиль самого Муромцева, старомодный говор вроде «господа совет», эстетство — все это способствовало умиротворению депутатов. «Председательствует — как обедню служит», — привел В.А. Маклаков меткое наблюдение одного депутата-крестьянина. Он «в последовательной, систематичной, ясной и красивой речи заставлял всех внимательно себя слушать и подчиняться его доводам»¹¹.

Установив для себя с первого же дня сверхжесткий режим работы с десяти часов утра и зачастую до трех часов ночи, Муромцев совмещал организационную работу в Думе и председательство на большинстве заседаний парламента с активной законодательной работой, прежде всего в части подготовки основных статей Наказа (регламента) Думы¹².

Вряд ли эта ноша оказалась бы под силу кому-либо из других видных либералов, деятелей кадетской партии. Павел Николаевич Милюков справедливо написал в своем «Очерке», что «именно С.А. Муромцеву первая Государственная Дума обязана тем, что введение русского представительства

ва, действительно, не застало «врасплох» наиболее подготовленную часть русской интеллигенции»¹³.

Введение в России законодательной выборной Думы было важнейшим в ее истории событием и крупнейшим завоеванием народа, достигнутым в годы первой российской революции.

Центральным в I Государственной думе стал аграрный вопрос, особенно бурно обсуждавшийся народными избранниками. Депутаты требовали ликвидации крестьянского малоземелья, отмены смертной казни, объявления амнистии политическим заключенным, установления ответственности министров перед представительным учреждением, всеобщего равенства и соблюдения законности в стране. Такая непокорная Дума оказалась слишком большой обузой для царского самодержавия. Созданная на 5 лет, она просуществовала всего 72 дня. 8 июля 1906 г. Николай II подписал Манифест о ее роспуске под предлогом того, что думские депутаты «вместо работы строительства законодательного уклонились в не принадлежащую им область». Как видим, ростки парламентаризма приживались в России на заре XX в. с большим трудом. В знак протеста против роспуска Думы около двухсот депутатов во главе с С.А. Муромцевым собрались в Выборге, где подготовили воззвание «Народу от народных представителей», в котором призвали население к гражданскому неповиновению — к отказу от уплаты налогов и от призыва на военную службу до созыва нового всероссийского представительного учреждения. Наряду с другими поставил свою подпись под документом и С.А. Муромцев — человек глубоко порядочный и честный, поборник права и парламентаризма, внутренне, возможно, и не вполне согласный с такой формой протеста. Вскоре власти привлекли к судебной ответственности бывших думских депутатов, участников протеста, так и не получившего ожидавшейся широкой поддержки населения. Их лишили избирательных прав и права быть избранными в Государственную думу.

Но Муромцев, духовно не сломившийся, продолжал жить с верой в лучшее для страны будущее, занимаясь подготовкой Наказа для будущей Думы. Утешение он находил в изречении из библейской притчи, ставшим его

своеобразным жизненным девизом: «Сторож, скоро ли рассвет? Еще темно, но день уже близок...»¹⁴. Достоинейшим было его поведение и во время суда над депутатами I Государственной думы 12—18 декабря 1907 г. в Петербурге, и в период трехмесячного пребывания в Таганской тюрьме в Москве¹⁵. Правда, здоровье С.А. Муромцева после всех сложных перипетий научной и общественно-политической деятельности оказалось резко подорванным. Тем не менее он продолжал напряженно работать в нескольких областях: и в роли адвоката, и в качестве профессора по кафедре гражданского права в Московском университете, и как преподаватель на Высших женских юридических курсах, в Коммерческом институте и Народном университете имени А.Л. Шанявского. В 1908 г. вышла книга С.А. Муромцева «Основы гражданского права. Человек и общество», а через два года его «Статьи и речи» в пяти выпусках (последние два выпуска уже после кончины автора, успевшего подготовить их к печати).

Вот далеко не полный перечень его дополнительных обязанностей уже в достаточно пожилом возрасте: председатель суда чести при Обществе деятелей периодической печати и литературы, член редакции Энциклопедического словаря братьев Гранат, один из организаторов Общества мира в Москве, член Общества народных университетов.

Выражением жизненного кредо С.А. Муромцева в этот период стала его проникновенная речь, произнесенная 26 апреля 1909 г. на торжественном собрании в Московском университете, посвященном 100-летию со дня рождения Н.В. Гоголя: «Чествование Гоголя есть чествование духовной народной мощи — той жизнедеятельной силы народного духа, которую сам Гоголь постоянно сознавал в основе своего художественного творчества. Чествование Гоголя есть обращение к чувству общности, призыв к нелицемерному и горячему служению народу, к самоусовершенствованию личности, как составной единицы человеческого общежития»¹⁶.

В том же году чествовали и самого оратора по случаю 25-летия его адвокатской деятельности. А 23 сентября 1910 г. Сергей Андреевич скромно отметил шестидесятилетие и, хотя летом пришлось в связи с ухудшением

здоровья обращаться к врачам, юбиляр был переполнен жизненными планами: готовил проекты законов для будущей, либеральной по составу думы; планировал новый курс лекций, новые научные работы¹⁷. Но этим планам не суждено было осуществиться. В ночь с 3 на 4 октября 1910 г. он скончался от сердечного приступа.

Весть о смерти С.А. Муромцева разнеслась по всей России от Петербурга до Владивостока. Скорбные некрологи напечатали многие русские и зарубежные органы прессы. Похороны председателя I Государственной думы 7 октября 1910 г. надолго запомнились москвичам. В течение нескольких часов по центральным улицам и площадям первопрестольной к Донскому монастырю двигалась огромная траурная процессия. Такой массовой манифестации Москва, пожалуй, не знала со времен первой русской революции¹⁸. Студенты, стоявшие с двух сторон цепью, порой с трудом сдерживали натиск многотысячной толпы. В ней можно было встретить и молодых людей, и убеленных сединами уважаемых господ, и интеллигенцию, и рабочих. Полиция тоже присутствовала, но вела себя незаметно, не вмешиваясь в организацию похорон. Десятки колесниц везли венки с траурными лентами. В центре не работали магазины, учебные заведения. Так, отдавая дань глубокого уважения его памяти, провожали в последний путь благороднейшего человека. Чье имя тогда знала вся просвещенная Россия.

Многим из присутствующих на траурной церемонии глубоко запали в душу проникновенные слова юриста Ф.Ф. Кокошкина, депутата I Государственной думы от Москвы.

«Сергей Андреевич Муромцев был явлением пророческим в нашей жизни. Он не только учил нас началам правового государства, но и предсказывал их осуществление, предсказывал не словами, нет, — но сам собою, своею личностью, всем существом своим. В те времена, когда самая мысль о народном представительстве в России казалась многим бредом, люди проницательные, видя его в московской городской думе, в московском земстве, могли предугадать, что представительный строй близится к нам. Ибо уже тогда в лице Сергея Андреевича мы имели народного представителя, и даже

более того — главу представительного собрания. Пророчество сбылось. Москва помнит ту минуту, когда она отказывалась от своих исключительных прав на Муромцева, когда она отдавала его всей России...»¹⁹.

Траурная церемония на Донском кладбище продолжалась до позднего вечера. Выступающие говорили об удивительной целостности личности Муромцева, о верности его идеалам свободы, о том, что имя Муромцева навсегда останется символом российского парламентаризма.

---

¹ Милоков П.Н. Сергей Андреевич Муромцев. Биографический очерк // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С.1–4.

² В.Н. Из семейной и личной жизни // Сергей Андреевич Муромцев. С. 59—61 (Автором этих воспоминаний является Вера Николаевна Муромцева-Бунина, племянница С.А. Муромцева).

³ Милоков П.Н. Сергей Андреевич Муромцев. С. 19.

⁴ См. Перечень публикаций С.А. Муромцева: Сергей Андреевич Муромцев. С. 407—419.

⁵ Милоков П.Н. Сергей Андреевич Муромцев. С. 30—31, 37.

⁶ См.: Астров Н.И. В Московской городской Думе // Сергей Андреевич Муромцев. С. 158—179; Шаховской Д.И. Работа в земстве // Там же. С. 180—204; Муромцев С.А. Статьи и речи. М., 1910. Вып. IV.

⁷ Милоков П.Н. Сергей Андреевич Муромцев. С. 41.

⁸ Кокошкин Ф.Ф. С.А. Муромцев и земские съезды // Сергей Андреевич Муромцев. С. 205—250.

⁹ Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. Приложение первое. С. 384—406.

¹⁰ Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 183—184.

¹¹ Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Л., 1991. С. 68.

¹² Винавер М. Муромцев — адвокат и председатель Государственной думы // Сергей Андреевич Муромцев. С. 270.

¹³ Милоков П.Н. Сергей Андреевич Муромцев. Биографический очерк // Сергей Андреевич Муромцев. С. 44.

¹⁴ Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева. М., 1910. С. 49, 91.

¹⁵ См.: Суд над первой Государственной Думой 12—18 декабря 1907 г. СПб., 1908; Обнинский В.П. 90 дней в тюремном заключении. Тюремные заметки. М., 1917.

¹⁶ Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. I. С. 37—41.

¹⁷ Винавер М.М. Недавнее (Воспоминания и характеристики). Пг., 1917. С. 59—60.

¹⁸ См.: Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева. М., 1910.

¹⁹ Там же. С. 48.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А.А. КИЗЕВЕТТЕРА
В УСЛОВИЯХ ЭМИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА
«ПРОФЕССОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ»**

Идеал свободной ответственной личности, лежащий в основе либерального мировоззрения, всегда являлся одним из основополагающих признаков «профессорской культуры». Под последней понимается вся совокупность идейного и нравственного состояния научного социума, выражающаяся в идеологии, воспитании, образовании, ценностных ориентациях, мотивации поведения, быте, коммуникативной практике т.п. Отстаивание собственного мнения, не всегда совпадающего с мнением окружающих, уважение взглядов оппонента были не только правилами поведения, но и важнейшими этическими нормами большинства представителей научного сообщества. В значительной мере это связано со спецификой интеллектуального труда, предполагающего относительную личную свободу и проявление индивидуальности. Не случайно, поэтому у истоков кадетской партии стоял цвет российской профессуры. По данным Н.Г. Думовой, примерно треть состава ЦК этой партии была представлена профессорами и юристами¹. К числу ее создателей и активных участников принадлежит Александр Александрович Кизеветтер, известный историк, один из ближайших учеников В.О.Ключевского. Будучи убежденным либералом и западником, он входил в руководство Московского губернского и городского комитетов кадетской партии, в 1906 г. избирался членом ЦК и депутатом Государственной думы второго созыва.

В Советской России имя Кизеветтера долгое время предавалось забвению. С начала 1990-х годов оно все чаще стало фигурировать в статьях и

монографиях, посвященных русскому зарубежью², началось переиздание его трудов³. Значительный вклад в изучение научного наследия А.А. Кизеветтера внесли работы М.Г. Вандалковской.⁴ Ее монография «П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер: история и политика», по сути, положила начало серьезному изучению жизненного пути и творческого наследия этого талантливого представителя научно-реалистической школы в исторической науке дореволюционной России. Проанализировав достаточно подробно политические воззрения научную и общественную деятельность ученого до революции, М.Г. Вандалковская, лишь вскользь характеризует его взгляды в эмигрантский период, отмечая, что «политические убеждения Кизеветтера оставались прежними. Он был сторонником демократической, парламентской формы государственного правления, резко осуждал Советскую власть, размышлял о России»⁵. С этой точкой зрения нельзя не согласиться, но она нуждается в уточнении. Революционные события и вынужденное изгнание, безусловно, должны были заставить видного историка скорректировать политические взгляды. И хотя, по сути, он остался убежденным сторонником либеральных ценностей, несколько изменилось его отношение к монархии. Целью данного выступления является уточнение политических взглядов А.А. Кизеветтера в эмигрантский период его жизни. Ценную информацию об этом можно найти в эпистолярном наследии нашего героя, хранящемся в ГАРФ, в частности в письмах к П.Б. Струве и А.Ф. Изюмову по поводу сотрудничества с газетой «Возрождение», а также на страницах последней.

С академиком Петром Бернгардовичем Струве А.А. Кизеветтера связывала многолетняя дружба, возникшая еще с начала XX века в результате совместной деятельности в кадетской партии и в различных изданиях («Русская мысль», «Русские ведомости» и «Освобождение»). Материалы их переписки позволяют судить не только о нюансах в политических взглядах двух известных российских либералов, что само по себе интересно, но и дают представление о практике личных взаимоотношений в рамках научного сообщества. Как справедливо заметила Л.П. Репина, «интеллектуальная коммуникация с помощью циркулирующих внутри нее текстов, имеющих форму

переписки, книг и статей, публичных выступлений или частных разговоров, не только передает информацию, но и поддерживает некое интеллектуальное сообщество, формируя общепринятый для данного сообщества язык, тип поведения, систему ценностей, организуя сетевую структуру»⁶.

Дружеские отношения связывали А.А. Кизеветтера и с А.Ф. Изюмовым. Последний, будучи студентом Московского университета, в 1905—1906 гг. с большим интересом слушал лекции А.А.Кизеветтера по русской истории и занимался у него на семинарах. Впоследствии их жизненные пути неоднократно пересекались. В 1918 г. они сидели в одной камере Бутырской тюрьмы, потом вместе работали в книжном магазине, открытом кооперативном издательством «Задруга» на Моховой улице. В августе 1922 г. их объявили неблагонадежными и выслали из России. Оказавшись в Берлине, их семьи поселились в одном пансионе. С 1925 г. Изюмов переезжает в Прагу и работает в Русском заграничном историческом архиве (РЗИА) под началом своего учителя. Письма А.А. Кизеветтера к А.Ф. Изюмову очень искренни и доверительны. Он сообщает в них сведения о своих близких, делится душевными переживаниями и раздумьями.

После высылки из России на одном из «философских пароходов» А.А. Кизеветтер оказался вначале в Берлине, а затем с 1923 г. — в Праге. Как известно, чешские власти, проводившие «Русскую акцию», настаивали на прекращении политической деятельности ученых-эмигрантов. А.А. Кизеветтер отходит от политики, полностью отдавшись преподавательской и культурно-просветительской работе. Впрочем, и прежде ученый не испытывал «непосредственного влечения» к политической деятельности, занимался ею по необходимости. «Я по природе вовсе не политик. Я ученый и писатель», — признавался он в своих мемуарах. Однако, по его мнению, бывают в жизни страны «грозные моменты, когда каждый гражданин обязан, независимо от своего призвания, принять участие в общей политической «страде», если у него имеются к тому хоть какие-нибудь способности»⁷. Таким временем он считал, например, 1905—1907 гг. В Праге А.А. Кизеветтер преподавал историю в Русском Юридическом Институте, в Карловом университете и Русском

народном университете (РНУ), а также читал многочисленные лекции и курсы в чешской провинции. Эстонии, Латвии, Германии, Болгарии, Королевстве СХС и др. Кроме этого ученый вел активную общественную работу, будучи председателем Совета РЗИА, одним из учредителей (1925 г.) и председателем (1930 г.) Русского исторического общества в Праге, членом Педагогического бюро, участником IV (1928 г.) и V (1930 г.) съездов русских академических организаций за границей. На протяжении ряда лет он входил в состав редакционно-издательского совета Комитета по подготовке дней русской культуры, был почетным членом Союза русских писателей и журналистов в Чешской Республике.

Несмотря на стремление ученых-эмигрантов дистанцироваться от политики, избежать споров на эту тему им все же не удалось. В поисках средств к существованию им приходилось печатать свои статьи в различных изданиях, однако в профессорской среде недопустимым считалось сотрудничество с теми, которые придерживались противоположной политической ориентации. Статьи А.А. Кизеветтера часто появлялись на страницах газет и журналов либеральной и демократической направленности («Руть», «Сегодня», «Воля народа», «На чужой стороне», «Современные записки» и др.) Весной 1925 г., когда редакцию ежедневной газеты «Возрождение», стоявшую на консервативных позициях, возглавил П.Б. Струве, А.А. Кизеветтер дал согласие на сотрудничество с ней. 20 июня 1925 г. на первой странице «Возрождения» был опубликован список более ста известных деятелей русской эмиграции, поддерживавших газету. В нем значилось и имя А.А. Кизеветтера. Свое решение он объяснил А.Ф. Изюмову в письме 6 июля 1925 г. следующим образом: «Мое вступление в «Возрожд<ение>» не включает в себе никакого отступления от моих всегдашних взглядов. Как Вам известно, кадеты всегда допускали и монархию и республику, лишь бы только и та и другая опирались на правовой [подчеркнуто автором — В.В.] конституционный строй. Имя Струве служит мне порукой в том, что дело отнюдь не идет о реставрации самодержавного произвола. А если так, то для меня одинаково приемлема та форма правления, к[ото]рая сможет лучше содействовать восста-

новлению России <...>. Все мои личные симпатии на стороне республики. Но я не разделяю идиллических грез о том, что стоит только пасть большевикам, и все пойдет как по маслу»⁸. Он считал, что вдали от Родины политические разногласия только вредят изгнанникам, и призывал «не забывать: мы на походном бивуаке, а не в нормально действующем парламенте, в котором нужно резкое размежевание партий. А эмигранты все воображают, что им нужно вести себя так, как будто бы мы все сидим в Таврическом дворце, в Государственной Думе»⁹.

Сотрудничество с «Возрождением» длилось недолго. Здесь было напечатано только три статьи А.А. Кизеветтера: «Тернистый путь Речь, произнесенная на праздновании Дня русской культуры в Праге» (13 июня), «В.Ф. Комиссаржевская. Речь, произнесенная в Праге по поводу 15-летия смерти актрисы» (24 июня) и «Опричнина» (17 июля). В последней, автор, опираясь на записки немца-опричника Штадена, обнаруженные незадолго до этого в Ганноверском архиве, опровергает довольно распространенное мнение о рабской покорности русского народа и неспособности его к сопротивлению диктатуре. Историк проводит параллель между большевистской диктатурой и опричниной, называя Ивана Грозного «духовным предком» большевиков. Причину крушения «опричного эксперимента» ученый видит в том, что он «был отринут всем складом народного быта, всем направлением народного миросозерцания, как некое чужеродное тело, выталкиваемое вон силами здорового, общественного организма»¹⁰.

Надежды А.А. Кизеветтера не оправдались. «Возрождение» все более приобретало право-консервативную направленность. В июле 1925 г. здесь был опубликован ряд статей, содержащих призывы к реставрации монархии. Так, В.В. Шульгин доказывал, вздорность идеи народоправства, поскольку она исходит из «тупой теории, будто бы всякий народ во всякое время дня и ночи владеет таинственнейшим из искусств: выбирать людей, пригодных для власти», а «успех политики зависит от личности, а не от толпы»¹¹. И.А. Ильин в статье «Самообуздание и самообладание» отстаивал идею «диктатора-патриота с сильной и благородной волей»¹². А П.Б. Струве, об-

ращаясь к эмиграции, писал: «Пусть кто-нибудь в зарубежной России оглянется вокруг добросовестно и спросит себя: какие же другие факты можно противопоставить Великому Князю и Армии или поставить с ними рядом? Таких фактов просто нет. А Великий князь — есть. И Армия тоже — есть»¹³.

Убежденный либерал, каким был А.А. Кизеветтер, не мог согласиться с такой политической платформой и в конце июля 1925 г. он отказался сотрудничать с редакцией «Возрождения». Объясняя П.Б. Струве, причину отказа, Александр Александрович писал, что, несмотря на сочувствие некоторым исходным принципам издания, прежде всего непримиримому антибольшевизму, он не может примкнуть к политической платформе «Возрождения». «Если я отнюдь не разделяю неумной мысли о том, что «с монархистами нельзя иметь ничего общего», если я, вопреки Миллюкову, допускаю возможность возвращения в России монархии [курсив мой — *V.B.*], то в такой же мере я не могу согласиться с тем, что только в восстановлении монархии для России заключается единственно возможный путь к возрождению. Между тем, это — пункт настолько основоположный для позиции «Возрождения», настолько обуславливающий подход газеты ко всем решительно вопросам, что при несогласии с ним, невозможно работать в «Возрождении»».¹⁴ В другом письме он обращал внимание П.Б. Струве на то, что для освобождения России от большевизма «не полезно углублять и закреплять сейчас резкие водораздельные линии между политическими группировками. Вопросы о форме правления всего лучше было бы сейчас снять с очереди. Что же касалось его отношения к политическим баталиям в среде эмиграции, то он признавался, что «какое-то, я бы сказал, безотчетное чувство побуждает меня воздерживаться от участия в этой борьбе. Мне кажется, что такое воздержание может быть бесполезным для будущего»¹⁵.

Уважая мнение адресата, он писал П.Б. Струве: «Конечно, только будущее покажет, кто из всех нас сейчас более прав. Но повторяю, я не могу не следовать моему внутреннему чувству, которое для меня всегда важнее логических выкладок при определении линии моего поведения»¹⁶. При этом он выражал надежду, что его уход не отразится на дружеских личных взаи-

моотношениях со Струве: «Мне было бы очень больно, если бы прекращение моего сотрудничества заронило в Вас неприятное чувство по отношению ко мне, ибо я люблю Вас той истинной сердечной любовью, которая выдерживает искус расхождения в точках зрения. Верю, что Вы не усомнитесь в моей искренности и не лишите меня Вашей дружбы»¹⁷.

Таким образом, в эмиграции А.А. Кизеветтер несколько меняет свое отношение к монархии. В марте 1917 г. в статье «Партия народной свободы и республика» он, разъясняя позицию кадетов, подчеркивал, что до 1917 г. русские либералы ратовали за парламентскую и конституционную монархию, рассматривая ее как переход к созданию правового государства. После отречения Николая II русские либералы стали выступать за парламентскую республику, поскольку монархия в изменившихся условиях превратилась в анахронизм. Пережив и осмыслив ужасы революции и гражданской войны, оказавшись вдали от родины, ученый согласился с возможностью реставрации монархии, если она будет способствовать возрождению и объединению России. Конечно, ему не легко было сделать этот шаг назад. Симпатии его оставались на стороне парламентского строя. Но выбор формы правления А.А. Кизеветтер всегда ставил в зависимость от условий политической жизни и не допускал догматизма в решении этого вопроса. В условиях изгнанничества он считал бессмысленным ведение преждевременных и бескомпромиссных споров о политическом строе будущей России, ибо судьба последнего будет решаться не внешними, а внутренними антибольшевистскими силами.

Приведенные выше письма, свидетельствуют, на наш взгляд, что, несмотря на «поправение» политических взглядов эмигрантов, ученым все же удалось сохранить важнейшие аксиологические особенности своей корпоративной культуры, важнейшими из которых были либеральные воззрения.

---

¹ Думова Н.Г. Кончилось ваше время... М., 1990. С. 6.

² Русские без отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20 — 40-х годов. М.: РГГУ, 2000; Цепилова В.И. А.А. Кизеветтер в эмиграции (1922—1933) // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 34. С. 108—114; Емельянов Ю.Н. История в изгнании:

Историческая периодика русской эмиграции (1920—1940-е годы). М.: НП ИД «Русская панорама», 2008; *Волошина В.Ю.* А.А. Кизеветтер о методологии изучения русской революции // Русская революция в контексте истории: материалы региональной научной конференции (Томск, 6—8 ноября 2007 г.) / Под ред. В.П. Зиновьева. Томск: ТГУ, 2008. С. 112—119; Она же. «Не дай Бог попасть в присяжные говорильщики» // *Родина*. 2009. №4. С. 65—76 и др.

³ *Кизеветтер А.А.* Исторические очерки: Из истории политических идей. Школа и просвещение. Русский город в XVIII столетии. Из истории России в XIX столетии. М.: «Территория будущего», 2006; *Историки-эмигранты. Вопросы русской истории в работах 20-х — 30-х годов*. М.: ИРИ РАН, 2002; «Мы дышали свободой...» *Историки Русского Зарубежья о декабристах*. М.: Формика-С, 2001.

⁴ *Вандалковская М.Г.* П.Н. Милоков и А.А. Кизеветтер: история и политика. М.: Наука, 1992; Она же. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Памятники исторической мысли, 1997; Она же. Исторические взгляды А.А. Кизеветтера // *Очерки истории отечественной исторической науки XX века*. Под ред. В.П. Корзун. Омск: ОмГУ, 2005, С. 90—124; и др.

⁵ *Вандалковская М.Г.* П.Н. Милоков и А.А. Кизеветтер: история и политика. С. 106.

⁶ *Репина Л.П.* Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // *Диалог со временем*. Альманах интеллектуальной истории. 22. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 13.

⁷ *Кизеветтер А.А.* На рубеже столетий: (Воспоминания, 1881—1914). Прага, 1929. С. 466.

⁸ ГАРФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 9. Л. 26.

⁹ Там же. Л. 27.

¹⁰ «Возрождение». Париж, 1925. 17 июля.

¹¹ Там же. 19 июля.

¹² Там же. 20 июля.

¹³ Там же. 25 июля.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 65. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 7.

¹⁶ Там же. Л. 8.

¹⁷ Там же. Л. 4.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям ГК № 02.740.11.0350.

Мария Владимировна КРОТОВА

кандидат исторических наук
Санкт-Петербургский государственный университет
экономики и финансов, Россия

Н.В. УСТРЯЛОВ: МЕЖДУ ЛИБЕРАЛИЗМОМ И СТАЛИНИЗМОМ

Николай Васильевич Устрялов (1890—1937) известен в основном как «сменовеховец», идеолог национал-большевизма. Это была личность, оставившая глубокий след в сознании современников, вызывавшая как отвращение, так и восторг¹. Интересна и необычна судьба Николая Васильевича, типичного российского интеллигента, кадета, профессора права, талантливого публициста, принявшего в 1925 г. советское гражданство, прожившего 15 лет в эмиграции в Харбине и вернувшегося в СССР в 1935 г.

Николай Васильевич родился в 1890 г. в Санкт-Петербурге, в дворянской семье врача. Он окончил юридический факультет Московского университета в 1913 г., слушал лекции в Сорбонне и Марбургском университете. Будучи приват-доцентом, в 1917—1918 гг. читал в Московском университете курс по истории русской политической мысли. В 1918 г. из-за угрозы ареста перебрался в Пермь, в январе 1919 г. был «откомандирован в Омск на должность юрисконсульта Совета министров. Затем занимал должность директора Пресс-бюро (в правительстве А.В. Колчака), после чего покинул правительственную службу, перейдя в Русское бюро печати, вместе с которым перед падением Омска эвакуировался в Иркутск, где стоял во главе Бюро до самого падения правительства»².

Устрялов называл себя «человеком десятых годов» и впитал в себя различные течения философской и общественно-политической мысли. Большое влияние оказал на него Е.Н. Трубецкой — друг семьи, товарищ отца по калужской гимназии. Его политические пристрастия определились еще в

гимназический период — «умеренный либерализм с ярко патриотической, государственно-национальной окраской»³. В семье симпатизировали правым кадетам, поэтому неудивительно, что в университете он примкнул к студенческой кадетской фракции, лидерами которой были Е.А. Ефимовский и г.В. Вернадский. Сам себя он относил к «школе Струве» (позже, уже в эмиграции, он признавался, как сильна в нем «закваска струвизма»)⁴. С 1916 по 1918 гг. Устрялов активно сотрудничал с праволиберальной московской газетой «Утро России», где печатался под псевдонимом П. Сурмин, горячо приветствуя Февральскую революцию и считая Октябрьский переворот национальной катастрофой.

После революции Н.В. Устрялов пережил сложную идейную эволюцию, в которой можно выделить два серьезных кризиса. Первый — в 1919 г., когда, испытав потрясение от хаоса и анархии в стране, он признал, что только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения государства, делая ставку на адмирала Колчака, в правительстве которого он работал. Поражение Колчака стало переломным моментом в сознании Устрялова. Разочаровавшись в белой идее, он признавался себе в январе 1920 г.: «Большевизм побеждает, победит — я, по крайней мере, в этом почти не сомневаюсь. Он объединит Россию — честь ему и слава! Боже, как глубоко все ошибались, ничего не поняли!»⁵.

Возник острый личный вопрос: что делать? Служить делу, в которое он уже не верил или перейти к большевикам? Для Устрялова это было тяжелым «распутьем»: «пойдешь налево, — писал он в дневнике, — потеряешь одну половину души, направо — другую». Особенно тяжело для него было порвать с привычной средой, «перейти в круг людей чуждых, не доверяющих, вероятно, презирающих»⁶. Не способный моментально «перекраситься», он с остатками колчаковской армии выехал в январе 1920 г. вместе с женой в Харбин, где провел 15 лет, «наиболее зрелую треть жизни». Именно здесь, в Харбине, окончательно оформилась его программа национал-большевизма.

Термин «национал-большевизм» появился впервые в письме Н.В. Устрялова к П.Б. Струве в Крым 15 октября 1920 г., где Устрялов объясняет его как «использование большевизма в национальных целях». «Мне представляется, — писал он, — что путь нашей революции мог бы привести к преодолению большевизма эволюционно и изнутри»⁷. Выход в Харбине в октябре 1920 г. сборника статей «В борьбе за Россию» означал окончательный разрыв Устрялова с либеральной традицией, т.к. в нем он отошел от идеи правового государства — неотъемлемой части кадетской программы. Он утверждал, что в критические эпохи истории право может уступить место другим, более важным факторам. Таким образом, переход от демократии к диктатуре был, по его мнению, исторически неизбежен и необходим «для самосохранения и развития нашего варварского народа». «Первое и главное, — писал он, — собрание, восстановление России как великого и единого государства. Все остальное приложится»⁸.

Сам Устрялов прекрасно сознавал всю «еретичность» своей точки зрения, «сжег все корабли» и готовился к отпору. Уже после статьи «Интервенция» в харбинской газете «Новости жизни» в феврале 1920 г. от него отвернулись многие знакомые, ему не подавали руки, для большинства он стал «агентом Кремля», «патриотом чужого Отечества». Назревал общественный скандал. Например, собрание офицеров генерального штаба в Харбине отказалось присутствовать на открытии Юридических курсов, т.к. приглашение было подписано Устряловым. Сам он искренне удивлялся такой реакции: «Не может же человек восхвалять дело, которое считает вредным, и молчать о том, в чем видит желанный просвет»⁹.

Если со стороны эмиграции было, за редким исключением, явное неприятие, обвинения в продажности, прямые физические угрозы, то слева поначалу были приветствия и комплименты. Все статьи Н.В. Устрялова читались и активно обсуждались в Советской России¹⁰. В.И. Ленин видел в нем «прекрасное противоядие против “сладенького комвранья”»¹¹. А. Луначарский в статье 1922 г. назвал Устрялова патриотом, человеком, «не заражен-

ным нелепыми демократическими предрассудками», жаждущем «прочной государственности», рыцарем «Смены вех»¹².

После выхода в Праге в 1921 г. сборника «Смена вех» со статьей Устрялова «Patriotica», в которой он призывал к компромиссу с большевиками, милюковские «Последние новости» выступили с резкой отповедью, посчитав этот сборник опасной ересью. В резолюции кадетской партии о размежевании со сменовеховцами было отдельно указано: «Мы отбрасываем версию об эволюции советской власти, ибо признающие эволюцию тем самым <...> сливают в своем сознании в одно нераздельное целое советскую коммунистическую власть со всей остальной Россией и вследствие этого открыто идут на службу III Интернационалу»¹³.

Устрялов был человеком старого воспитания и либеральных привычек, и даже после разрыва с кадетами сохранял глубокое уважение к ним. Будучи оппонентом П.Н. Милюкова, он всегда подчеркивал, что это исключительный человек, «светоч русского либерализма», по которому «история и мир судят по нации и эпохе»¹⁴. Но в своих дневниках, статьях и письмах он постоянно полемизировал с Милюковым. Они по-разному смотрели на пути развития России. Милюков считал, что русская стихия «завела Россию в тупик» и верил, что Россия вернется к «пути культуры, пути сознательности», который пусть и не блещит «всемирными миссиями», но зато и не усеян беспримерными катастрофами». Для Устрялова же большевики — путь «европеизации» России, путь «западной сознательности, пролагаемый по нашей степи и тайге»¹⁵.

Особенно опасным бывшие соратники сочли нравственный релятивизм Устрялова. «Последние новости» Милюкова разъясняли, что с большевиками нельзя заключать мира, поскольку они своими действиями нарушают всякие этические нормы. Историю следует оценивать с моральных позиций, — неоднократно подчеркивалось в эмигрантской прессе, — «в противном случае между Шарлоттой Горде и Джеком-Потрошителем не будет никакой разницы»¹⁶. Устрялов, в свою очередь, считал необходимым подчиниться категорическому императиву истории, «неотвратимому и жестокому», а в

ответ на упреки в отсутствии совести заявлял: «Совесть есть практический разум, а разум — интеллектуальная совесть», «бывает, что «жертвы совестью» — высший нравственный долг»¹⁷.

Такие диалектические выверты вызвали негодование эмиграции. г.П. Федотов назвал позицию Устрялова «духовным самоубийством». «Он <...> по ту сторону добра и зла. Он заморожен «огромностью» (масштабом) эпохи. Количество перевешивает для него качество»¹⁸. Кн. Л.В. Голицына, приятельница Устрялова, упрекала его в предательстве идеалов и нравственных основ: «Не может быть государственного строительства на фундаменте лжи, обмана и отвращения народного <...> Особенно больно и обидно видеть, что Вы поддерживаете морально тех, которые в корне противоположны тому, во что Вы верите и что для Вас свято. В Вас политик взял верх над философом и идеологом»¹⁹.

Даже близкие друзья отвернулись от Устрялова. Его однокурсник по Московскому университету Н.А. Цуриков резко ответил ему из Праги в 1926 г.: «Никто еще <...> не вызывал во мне такого чувства негодования и возмущения, а временами и отвращения, и тем, что Вы писали, но еще более тем, как все это сделано и преподнесено. <...> Я вижу 1) ловкую и целевую подмену персональной подлости большевиков «стихией народной революции»<...>; 2) сознательное завуалирование мерзости ближайшего туманом мнимых исторических далей <...>; 3) органический порок «аморально-эстетического» подхода ко всем политическим проблемам»²⁰.

Это письмо очень задело Устрялова. В записных книжках 1927 г. он заметил: «[Цуриков] упрекает меня в “аморально-эстетическом” подходе. <...>. Нельзя противопоставлять этику эстетике: эстетические категории не отвергают, а «снимают», «отменяют» этические, претворяя их в себе. Они проникают глубже, и часто то, что «иррационально» для морального сознания, может быть освоено, уяснено эстетически»²¹. Для Устрялова вообще было характерно преобладание эстетического подхода к осмыслению истории и действительности в духе К.Н. Леонтьева. Не случайно, отвечая оппонентам, Устрялов апеллировал, в первую очередь, к поэтам — А.А. Блоку,

М.А. Волошину, С.А. Есенину, даже А.С. Пушкину: «Немыслимо даже представить себе Пушкина эмигрантом. Он был слишком гармоничен, чтобы не включить в себе революции, и слишком национален, чтобы отказаться от Отечества»²².

Сам себя Устрялов эмигрантом не считал. Он часто подчеркивал: «Я не эмигрант, а “внутренний интеллигент”, хотя и живущий ныне за границей»²³. В 1925 г., приняв советское гражданство, он получил статус «советского спеца». В Харбине он служил на КВЖД, исполняя обязанности начальника учебного отдела КВЖД, а затем директора Центральной библиотеки КВЖД. Он внимательно следил за всеми событиями в СССР, чтобы не остаться на обочине истории, не стать «отпадшим зяблым деревом»²⁴.

Воспитанный на либеральных ценностях, Устрялов тщательно оберегал свою интеллектуальную независимость. Он часто подчеркивал: «Останусь сам по себе», «сохраню свою цель и свой маршрут». Однако в ситуации выбора Устрялов предпочитал «от всего отречься — от свободы, от «политики», от науки, — но только не порывать с родною землей. <...> Есть такие аксиомы души, которые “даны” до всяких этических оценок»²⁵.

Тема Родины и патриотизма были руководящими темами устряловской публицистики. Служить России, защищать ее государственную мощь, достоинство, национальное величие — было главным в иерархии его ценностей. Но, как точно подметил И.А. Бунин в 1925 г., «сам по себе патриотизм может быть источником и добра, и зла. <...> Нужно еще и патриотическое сознание, различающее истинное благо Отечества от ложного»²⁶. И если для большинства эмигрантов служение России означало освобождение ее от большевистской власти, для Устрялова главным было содействие в укреплении государства. Не случайно, в эмиграции сложилось мнение, что «для Устрялова государство, вне зависимости от его классовой и социальной сущности, есть нечто самодовлеющее, “потустороннее добру и злу”. Для него вне государства нет жизни»²⁷.

В конце 1920-х гг. Устрялов пережил еще один серьезный идейный кризис. Многие из его предсказаний сбылись, все четче обрисовывался «на-

ционально-государственный» облик страны, но многое выходило совсем не так, как ожидалось. Он пытался убедить себя и сторонников, что кроме «шипов», сталинский режим имеет и свои сильные стороны, но голос его становился все менее убедительным. Он заклинал своих немногочисленных сторонников «понять и простить», «оправдать» все ужасы, творившиеся там, но, по его словам, «раньше это “оправдание” выходило у меня бодрим и бравурным, теперь оно окрашивается грустно-лирическим тоном и некой жалостью к себе»²⁸.

Одним из сложных моментов для Устрялова стал вопрос о терроре. В СССР у Устрялова остались родственники, друзья, до него доходила информация о начавшихся репрессиях. Необходимо было определиться, и он занял позицию конформизма и прагматизма. Отвечая на письма г.Н. Дикого, близкого друга, сменовеховца, он писал: «Конечно, террор отвратителен, но и “протест” против него в современных условиях в наших устах будет походить на жалкий писк давимой мыши. Нашего брата истребляют — это грустно, но если мы хотим и можем высказываться, то говорить надо о другом». По мнению Устрялова, анализ современной ситуации должен был быть проникнут «философски-историческим спокойствием», в корне отличным от «всякой милюковщины», тогда он может сыграть какую-либо «практическую» роль²⁹.

Все чаще в дневнике, в письмах к друзьям Устрялов жалуется на свое одиночество, на «психологические и моральные трудности», отсутствие «наследников» и «круга своей среды». В самом Харбине у него было мало сторонников, к нему относились настороженно, как к «редиске» — красному снаружи, белому внутри. В эмигрантской прессе его называли «казенное перо», «придворный публицист», в советской — «милюковцем», «идеологом буржуазной интеллигенции», «опасным классовым врагом», который должен быть «отброшен в сторону от великой стройки»³⁰. Свою роль сыграли оценки, данные в разное время советскими лидерами, — В.И. Лениным, Н.И. Бухариным, г.Е. Зиновьевым и И.В. Сталиным, а ленинский термин «устрялов-

щина» стал политическим ярлыком, ругательным термином в Советской России³¹.

Важной точкой в дальнейшей идейной эволюции Устрялова стал сборник статей 1934 г. «Наше время», о котором он писал: «Это будет моя собственная “Смена вех” нового, более зрелого издания»³². В нем Устрялов отрекся от всех своих прежних установок на «перерождение большевизма» и признал, что социализм победил: «Если генеральная линия укрепляет государство, налаживает хозяйство и открывает перспективы улучшения материальных, а за ними и всяческих условий жизни страны, — ее всемерная, беззаветная поддержка становится отрадным долгом всех и каждого»³³.

В этом сборнике Устрялов, в духе консерваторов XIX в., одобрял выбор страной не «анархической, своекорыстной свободы», а «всеобщего, прямого и равного, сурового жертвенного тягла», сравнивая Смуту XVII века и революцию 1917 г., которые закончились «победой государственного центра над вспышкой групповых своеволий»³⁴. Продолжая исторические аналогии и подчеркивая преемственность русской истории, Устрялов отмечал сходство Сталина и Петра Великого (оба совершили «революцию сверху») в «совпадении политического “тонуса”», методов политического мышления и стиля «политического действия»³⁵.

Сборник вызвал противоречивые чувства в эмиграции. Даже сочувствующие Устрялову люди нашли, что «Наше время» напоминает письма Сталину от кающихся коммунистов, как обязательное условие приема в партию. «Грустно, что люди “плюралистического” склада так податливо сдают перед соблазнительным “монизмом”», — отозвался о сборнике один из близких ему людей³⁶.

В 1935 г., когда встал вопрос о продаже КВЖД и возвращении советских граждан в СССР, Устрялов, как и пятнадцать лет назад, оказался перед проблемой выбора. Он не был наивным человеком и прекрасно понимал, что в СССР его примут настороженно, что «доверие нужно заслужить», и «иллюзии здесь неуместны»³⁷. Еще в 1934 г., за год до отъезда, он позаботился о своем архиве — перепечатал его в четырех экземплярах, один из которых

переправил в США, другой — в Чехию³⁸. Но в мае 1935 г. он вместе с женой и детьми выехал из Маньчжурии в СССР, объясняя свой выбор «диктатурой иррациональных фактов».

Замечательным документом недолгого пребывания в стране победившего социализма стал дневник, начатый еще в поезде по дороге в Москву и оборвавшийся арестом в июле 1937 г.³⁹. В этом дневнике — разнообразная палитра чувств и впечатлений, от восторга встречи с новой преобразившейся родиной до осознания своей чуждости и ненужности. Здесь и апологетика Сталину, и терпкая горечь одиночества.

После возвращения Устрялов пытался порвать с «проклятым прошлым», подтвердить свою полную лояльность власти. 28 сентября 1935 г. Устрялов написал письмо на имя своего бывшего начальника — управляющего КВЖД Ю.В. Рудого — с просьбой показать его Л.М. Кагановичу. В письме говорилось о завершении «перестройки сознания» автора в направлении генеральной линии партии⁴⁰. Последняя запись в дневнике была сделана 4 июня 1937 г. (6 июля его арестовали): «Как хорошо бы не думать! Разумеется, это вздор. Это равносильно иному: “как хорошо бы не жить!” Ибо — cogito ergo sum. Значит, остается: Света, больше света!»⁴¹.

Еще в 1932 г. г.П. Федотов написал: «К смелому опыту Устрялова я отнесся с уважением и интересом. Эта смелая игра проиграна. Не Устрялов использовал большевиков для национальной России, а большевики использовали Устрялова (как и Савинкова)»⁴². Попавшись в диалектическую ловушку и уверовав в преобладание интеллектуального начала над этическим, Устрялов стал рабом своих идеологических построений. Ценными и для сегодняшнего дня остаются мысли Устрялова о преемственности и единстве истории России, об органичности революции. Он многое предвидел, многое верно прочувствовал. Но для харбинского профессора великая цель — сохранение и укрепление государства — освящала любое средство. Он пошел дальше, оправдывая террор, ложь, насилие и преступления власти. Как и многие интеллигенты своего времени, Устрялов не смог разделить понятие «власти» и понятие «родины»⁴³. Произошла своеобразная трансформация души. Это был

тот самый случай, когда «свобода для» (по И. Берлину) легко становится инструментом в руках тоталитарных режимов⁴⁴.

«Инстинкт государственного могущества» привел его к последовательному отрицанию безусловной ценности человеческой личности, ее достоинства и духовной свободы. Это было его роковой ошибкой, которую он, к сожалению, не успел осознать. Более того, наследие Устрялова, которое сегодня весьма востребовано, используется для оформления т.н. «русской идеи», о которой так скептически писал А.И. Солженицын⁴⁵.

Пестрая идейная биография Н.В. Устрялова — глубоко поучительная и актуальная история постепенной эволюции личности от либерализма к конформизму, от компромисса с авторитарной властью — к полной апологии тоталитаризма. Она подводит нас к пониманию природы сталинизма, причудливой трансформации либеральных идей на российской почве.

---

¹ П.Б. Струве называл его «фантастической фигурой среди российской эмиграции» (*Струве П.Б. Дневник политика (1925—1935)*. М., Париж, 2004. С. 672); А.В. Карташев — «ультрафиолетовым кадетом» (*Дневник П.Н. Милюкова. 1918—1921*. М., 2005. С. 648).

² Из Curriculum vitae проф. Устрялова: РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 5480. Л. 27.

³ *Устрялов Н.В. Былое-революция. 1917 г. (1890-е гг. — 1919 г.)*. Воспоминания и дневниковые записи. М., 2000. С. 31.

⁴ ГАРФ. Ф.5783. Оп.1. Д.312. Л. 108 (из письма Н.В. Устрялова П.П. Сувчинскому).

⁵ *Устрялов Н.В. Белый Омск (дневник колчаковца)* // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 324.

⁶ Там же. С. 326.

⁷ ГАРФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 143. Л. 238.

⁸ *Устрялов Н.В. В борьбе за Россию*. Харбин, 1920. С. 5.

⁹ *Устрялов Н.В. Иркутск-Харбин. Клочок автобиографии* // Устрялов Н.В. Былое-революция. С. 239.

¹⁰ И.В. Сталин в декабре 1926 г. на VII пленуме ИККИ заметил: «Статьи Устрялова с похвалой по адресу Ленина известны всей нашей партии» (*Сталин И.В. Сочинения*. М., 1953. Т. 9. С. 71). На XVI партийной конференции в апреле 1929 г. Ломинадзе зачитал «одно место из чрезвычайно интересной статьи Устрялова, которая гуляет здесь по рукам» (Шестнадцатая конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1962. С. 319).

¹¹ *Ленин В.И. Полное собрание сочинений*. М., 1964. Т.45. С.411.

- ¹² Луначарский А.В. Смена вех интеллигентной общественности // Культура и жизнь. 1922. № 1. С. 7—8.
- ¹³ Квакин А.В. Между белыми и красными. М., 2006. С. 54.
- ¹⁴ Устрялов Н.В. Памяти Набокова // Новости жизни. 1922. 30 марта.
- ¹⁵ Устрялов Н.В. Фрагменты (из записной книжки) // Наше время. Шанхай, 1934. С. 183.
- ¹⁶ Мирский Б. Примирение и примиряющиеся // Последние новости. 1921. 26 февраля.
- ¹⁷ Устрялов Н.В. С того берега // На новом этапе. Шанхай, 1930. С. 43.
- ¹⁸ Федотов Г. В плену стихии // Новый град. 1932. № 4. С. 13—18.
- ¹⁹ «Не остановиться ли?» Из переписки Н.В. Устрялова с кн. Л.В. Голицыной // Грани. 1999. №192. С. 216.
- ²⁰ Вопросы истории. 2000. №2. С. 140 (письмо Цурикова Н.А. Устрялову Н.В. от 22 декабря 1926 г.).
- ²¹ Устрялов Н.В. Из записных книжек 1926—1927 гг. // Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М., 2003. С. 548—549.
- ²² Там же. С. 557.
- ²³ ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 312. Л. 108 (из письма Н.В. Устрялова П.П. Сувчинскому).
- ²⁴ Устрялов Н.В. Зарубежная смена // Утверждения. 1932. №2. С. 118.
- ²⁵ Устрялов Н.В. Россия (у окна вагона). Харбин, 1926. С. 42.
- ²⁶ Цит. по: Литературное зарубежье России. Энциклопедический справочник. М., 2006. С. 46.
- ²⁷ Дмитриевский С. Против пассивности // Утверждения. 1932. №2. С. 127.
- ²⁸ Квакин А.В. Указ. соч. С. 227 (из письма Н.В. Устрялова В.В. Ламанскому от 17 сентября 1933 г.).
- ²⁹ Исторический архив. 1999. №1. С. 208 (из письма Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому от 1 февраля 1931 г.).
- ³⁰ См. об этом: Зайцев А. Об Устрялове, «неонэпе» и жертвах устряловщины. М.; Л., 1928; Мещеряков Н. Мечты сменовеховства и их судьба // На идеологическом фронте борьбы с контр-революцией. Сб. ст. М., 1923; Шапурин С. Н. Устрялов. «На новом этапе» // Большевик. 1930. № 10. С. 179—184.
- ³¹ См.: Бухарин Н. Цезаризм под маской революции. М., 1925; Зиновьев Г.Е. Философия эпохи. Л., 1925. Наиболее известна реплика Сталина на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г.: «Я думаю, что ежели он <Устрялов> хорошо служит, то пусть мечтает о перерождении нашей партии. Мечтать у нас не запрещено, товарищи. Пусть себе мечтает на здоровье. Но пусть он знает, что, мечтая о перерождении, он должен вместе с тем возить воду на нашу большевистскую мельницу. Иначе ему плохо будет». (Сталин И.В. Сочинения. М., 1953. Т. 7. С. 342).
- ³² ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 78. Л. 15 об.
- ³³ Устрялов Н.В. После 17 съезда // Наше время. Шанхай, 1934. С. 9.
- ³⁴ Устрялов Н.В. О революционном тягле // Наше время. Шанхай, 1934. С. 53, 56.

---

³⁵ Устрялов Н.В. Пятнадцать // Наше время. Шанхай, 1934. С. 48.

³⁶ Квакин А.В. Указ. соч. С. 231 (из письма В.В. Ламанского Н.В. Устрялову от 30 августа 1934 г.).

³⁷ Исторический архив. 1999. №3. С. 161 (из письма Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому от 22 апреля 1935 г.).

³⁸ Сейчас эти копии хранятся в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира (США) в коллекции Н.В. Устрялова, а также в Литературном архиве Чешской республики в фонде «Fjodogoviana pragensia».

³⁹ «Служить родине приходится костями». Дневник Н.В. Устрялова 1935—1937 гг. // Источник. 1998. №5/6.

⁴⁰ Там же. С. 19.

⁴¹ Там же. С. 86. 6 июля 1937 г. Устрялов был арестован. Ему было предъявлено обвинение в сотрудничестве с японской разведкой (ст. 58 УК РСФСР, пп. 1а, 8, 10, 11). 14 сентября 1937 г. Устрялов был расстрелян, его прах покоится на кладбище Донского монастыря в Москве.

⁴² Федотов Г. В плену стихии // Новый град. 1932. №4. С. 20.

⁴³ См. у В.В. Набокова: «С каких это пор / понятие власти стало равно / ключевому понятию родины?» (Набоков В.В. Собр. соч. в 5-ти т. СПб., 2003. Т. 5. С. 427).

⁴⁴ См.: Берлин И. Два понимания свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа. М., 2001.

⁴⁵ А.И. Солженицын писал в 1973 г. о сути и опасности национал-большевизма: «Мы не пережили никакой потери нравственной высоты и потому не испытываем необходимости совершенствоваться; <...> ленинско-сталинское решение идеально; коммунизм даже не мыслим без патриотизма; <...> писать Бог с большой буквы совершенно необязательно, но Правительство надо писать с большой. Все это вместе у них называется *русская идея*. (Точно назвать такое направление: национал-большевизм)» (Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Из-под глыб: Сб. ст. М., 1992. С. 101).

Татьяна Георгиевна ПЕТРОВА
кандидат исторических наук
Институт научной информации
по общественным наукам РАН, Россия

П.Н. МИЛЮКОВ О РУССКОЙ КЛАССИКЕ И СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Выдающегося историка, блестящего публициста, видного политика П.Н. Милюкова трудно назвать еще и литературным критиком. Его журналистская и литературная деятельность была тесно слита с политической.

Почти изо дня в день П.Н. Милюков — лидер левого крыла эмиграции, главный редактор наиболее влиятельной эмигрантской газеты «Последние новости»¹ — писал для этого издания передовые статьи. Под его руководством «Последние новости» стали большой газетой европейского типа, продолжавшей в то же время лучшие традиции дореволюционной русской печати — не только ежедневно сообщать новости, но и давать «духовную пищу», уделяя большое внимание вопросам публицистическим, просветительским и литературно-критическим. На страницах газеты выступали практически все выдающиеся русские писатели, оказавшиеся в эмиграции². Печатались и молодые прозаики и поэты. О литературе писали В.Ф. Ходасевич (до его перехода в газету «Возрождение»), г.В. Адамович, В. Вейдле, М. Осоргин, г. Лозинский, а иногда и сам П.Н. Милюков.

Постоянное внимание в газете уделялось классическому наследию русской литературы. В своей речи 1927 г. на ежегодном празднике Русской Культуры Милюков так выявил культурную задачу эмиграции: «Будем, как бы то ни было, помнить одно. Поддержать преемственность и вновь завязать надорванную нить традиции, — это есть и наш здешний удел: даже, пожалуй, в этом — наша специальная миссия. Мы для нее более приспособлены, чем большинство тех, кто остался по ту сторону границы» (1927. 17 июня). Рас-

смотрим и другие газетные публикации Милокова на литературные темы, выявленные нами в 20-летнем комплекте «Последних новостей»: он написал проблемную статью о личности и исторической роли М.В. Ломоносова (1935. 15—17 июня), откликнулся большой юбилейной статьей на 125-летие со дня рождения А.И. Герцена (1937. 6, 16, 23 и 25 апр.). Им была написана статья к 50-летию со дня смерти И.С. Тургенева, в которой он сравнивал его с другими писателями – «великанами русской классической литературы» Л. Толстым и Ф. Достоевским и назвал Тургенева «русским европейцем» (1933. 3 сент.). «Европеизм» Тургенева был близок «западнику» Милокову, поклоннику английской демократии.

В совершенно другом, мемуарном жанре Милоков обратился к памяти Л.Н. Толстого («Толстой и наука». 1928. 9 сент.), где рассказал об одной из своих встреч с писателем в его московском доме в Хамовниках. В заметке «Дочь Толстого об отце» (1927. 18 июня), сообщая о докладе Т.Л. Сухотиной на «Толстовском вечере» в Сорбонне, Милоков заметил: «У редкого из наших крупных деятелей идеологические и литературные мотивы были так тесно переплетены с личными и биографическими, как у Толстого». И далее повторил свою излюбленную мысль, высказанную ранее в книге «Очерки по истории русской культуры» (М., 1896—1903): «Пушкин и Толстой — две грани целого периода русской культуры, — самого смелого и незабвенного периода всей нашей истории».

Внимание Милокова привлекла книга Сергея Перского, писателя и переводчика, посвященная женам трех великих русских писателей, «участницам так или иначе трех тяжелых трагедий» — Н.Н. Гончаровой (Пушкиной), С.А. Берс (Толстой) и А.Г. Сниткиной (Достоевской)³. В своей рецензии, положительно оценив книгу, как простой рассказ, изложенный словами «подлинных документов, о неразрешимых и неразрешенных жизненных противоречиях, сокративших жизнь трех достойнейших представителей русской души», Милоков, однако, отметил, что книга оставляет «тяжелое впечатление» о трех жизнях, «исковерканных в русских условиях». «Контраст великих начинаний гениального поэта, гениального провидца, гениального про-

рока с окружающей чуждой средой становится особенно ощутительным, перенесенный в семейную обстановку», — заключает Милюков (1929. 12 сент.).

Однако наибольшее его внимание всегда было сосредоточено на личности А.С. Пушкина. В речи «Историческая роль Пушкина», произнесенной в Сорбонне по случаю 125-ой годовщины рождения поэта, где эта речь стала одним из центральных событий пушкинских торжеств, Милюков высказал мысль о том, что для своего времени поэт был «не столько жив, сколько для будущих времен» (1924. 17 июня), здесь же появляется понятие «живой Пушкин», отрицается революционность поэта и констатируется неудача его политических амбиций: «В этот исторический ряд между Радищевым и Рылеевым, — вы Пушкина не вставьте», — утверждал Милюков. Полемизируя с речью Ф.М. Достоевского на открытии памятника поэту в Москве в 1880 г., когда тот, по мысли Милюкова, «спасовал перед этой задачей — объяснить Пушкина» и заговорил о русской «всечеловечности» поэта, Милюков настаивал: «Нет, Пушкин не только “всечеловечен”. Пушкин — русский, давший классическую форму и выражение первой эпохе расцвета нашей самостоятельной национальной культуры. Поэтому он так и неотделим от своей формы». Удивительное чувство меры, простота, прозрачность формы, ее равновесие с идеей, заставляющее забывать о форме, как бы она не была совершенна и прекрасна, — все это есть у Пушкина. Классическая эпоха, им начатая, завершилась и теперь стоит перед нами, как законченное целое, заключает Милюков.

В юбилейном 1937 г. вышел в свет его историко-биографический очерк «Живой Пушкин». В течение полугода книга, отрывки из которой публиковались предварительно в газете «Последние новости», выдержала два издания, став заметным явлением в истории русского зарубежья. Основным содержанием жизни поэта, согласно Милюкову, была его постоянная борьба за личную свободу, за «самостоянье». По отношению к своей среде поэт рос быстрее своего времени, и в этом исследователь усматривает личную роль Пушкина и его трагедию. Поэт становится «основателем русской классиче-

ской школы, соединившей туманное романтическое понятие "народности" с направлением художественного реализма, в котором русская народность впервые получила возможность выразить себя в литературном творчестве»⁴. Через «внешнее обличье народности» Пушкин стремится проникнуть во внутреннее ее содержание. После «примирения» с правительством беспокойство духа поэта выражается в перманентном стремлении «куда-то» вырваться, завершающемся «побегом в историю». В истории же его интересует личность, а остальное должно служить лишь фоном для ее изображения. И в первую очередь поэта интересует личность преобразователя России. Основная идея поэмы «Медный всадник», по Милюкову, в том, что «это как бы бунт против попытки возвеличить деспота — бунт отдельной беспомощной личности против тяжелой поступи реформатора-тирана». Потеряв интерес к истории царя, поэт энергично занялся другой темой из истории народных низов, давно его интересовавшей (от «Братьев разбойников» к фигурам Стеньки Разина и наконец Емельяна Пугачева). «Капитанская дочка», где Пушкин развернул яркую, живую картину, в центре которой в благоприятном освещении предстает фигура Пугачева, — «гораздо больше история, чем "История пугачевского бунта"..."»⁵. Три «крепкие нити круто затянули узел на Пушкине: его взаимоотношения с семьей, с Двором и с обществом. Новым и основным элементом этого сплетения были семейные отношения: они определили остальное», — делает свой вывод П. Милюков, анализируя драму последних лет жизни поэта, когда «не приобретя Двора, Пушкин потерял и либеральную часть публики»⁶. Дуэльную историю поэта исследователь трактует как целенаправленное искание смерти. На «гордой вере в исполненное — несмотря ни на что — призвание» Пушкин «строил уверенность в вековой прочности своего "памятника"», и «народная тропа» не заросла к нему потому, утверждает П. Милюков, что, «вопреки Достоевскому, он не унес с собой в могилу никакой тайны. Мистика великих "миссий" и "всечеловеческих" проблем была ему чужда. Он прост и ясен в своем величии — и потому он велик»⁷.

Откликнувшись на книгу П.Н. Милюкова, г.Адамович («Последние новости». 1937. 20 мая) писал, что автор восстанавливает ужасную истину о том, что важнейшим в гибели Пушкина стало, по словам А. Блока, «отсутствие воздуха». Пушкин «дорог Милюкову ясной уверенностью своего государственного сознания», чего были лишены «почти все виднейшие после-пушкинские писатели». Критик отметил оригинальность истолкования поэмы «Медный всадник», внушенную характерным для автора исследования «жизненным», а не «отвлеченным» восприятием и ощущением пушкинского творчества. Возвращаясь к возражению автора книги словам Достоевского о пушкинской «тайне», унесенной с собой в могилу, г. Адамович утверждал: «Никогда не будет окончательно решено, кто прав, потому что каждый находит и вычитывает у Пушкина свое, в соответствии со своей склонностью к "тайнам", "взлетам" и "безднам" или наоборот — с отталкиванием от них».

П.Н. Милюков, конечно же, обращался и к современной ему литературе. И здесь идеологичность и публицистичность — эти важные черты литературной деятельности в эмиграции — проявились особенно ярко в его критико-публицистической деятельности.

Под пристальным вниманием Милюкова находился лучший журнал эмиграции «Современные записки». В 18 книге журнала рецензент прежде всего отметил полемическую статью З.Н. Гиппиус «Полет в Европу», вошедшую в дискуссию о литературе эмиграции и метрополии. Там она утверждала, что «русская современная литература (в лице главных ее писателей) из России выплеснута в Европу. Здесь ее и надо искать, если о ней говорить»⁸. Вступившись за несправедливо обиженного М. Горького, который, по словам Гиппиус, «отравлен безнадежной любовью к культуре» «при полной к ней неспособности», П. Милюков иронически писал: «Так сама собой “политика”, в оценке Антона Крайнего, создает классификацию русских писателей на два лагеря. Одни — “изъятые” и “очистители”. Они кладут яйца, из которых “вылупились непристойные гады”. Этим можно всех сразу вымазать одной краской. Другие — свои писатели, требуют осторожного обращения. Они “носят в себе ощущение умершей или умирающей России”» (1924. 31 янв.). В

дальнейшем Милюков предпочитал рецензировать только политику этого журнала, посвятившего себя «защите и развитию демократических идей», политику, которая ведется на страницах журнала «со своей собственной точки зрения — социализма» (1926. 6 мая). «Сродство наших политических душ теснее наших разногласий», — констатировал Милюков в рецензии уже на 50-ый, юбилейный том единственного «толстого» журнала эмиграции, стоящего «на грани партии и беспартийности» (1932. 6 окт.).

9 ноября 1933 г. И.А. Бунину была присуждена Нобелевская премия, а 16 ноября вышел специальный бунинский номер газеты. Присоединяясь к многочисленным поздравлениям, Милюков отметил «основную тему», развиваемую в статьях о творчестве лауреата — «о любви к отечеству и народной гордости» (говоря старым «карамзинистским» стилем). Но сегодняшняя мысль эмиграции, писал Милюков, не о нем в первую очередь и не о его творчестве (за это он просит Бунина всех извинить): «Мы в самом деле преисполнены сегодня чувства народной гордости: один из наших лучших и первейших писателей получил наконец международное признание и формально перешагнул ту черту, которая отделяет репутацию писателя национального от писателя мирового», и «мы приветствуем его в новом звании поэта-лауреата – и вместе с тем, приветствуем самих себя с его помощью». Так критик констатировал важнейшую особенность этих торжеств — эмиграция праздновала не только национальную победу, но и политическую: именно «литература» и писатель эмиграции получили наиболее влиятельную мировую премию. Милюков также отметил и «запоздалость» этого пути к мировой славе. «...Будем довольны, что признанная иностранцами, бесспорная личная заслуга, оказалась, наконец, заслугой русского писателя, составляющего славу нашей современной литературы».

В юбилейной статье о творчестве Б.К. Зайцева, приуроченной к 25-летию его литературной деятельности, Милюков акцентировал внимание на «простоте стиля» писателя — «гармонии негромких слов», «ясности», «свете прозрачном и ровном» — как «естественном выражении всего его существа». Зайцев, по мысли Милюкова, воспринимает в русском характере — «смоли-

стость севера России, здоровый и крепкий ее тип», запечатленный в ее национальном святом, Сергии Радонежском (1926, 12 дек.).

Обратил внимание Милюков и на историческую повесть «Царевна Софья» Елены И. Булгаковой⁹, отметив, что наиболее существенно в произведении описание быта разных слоев русского общества, «сделанное с большим знанием доступных автору источников», герои же повести говорят «стилем того времени». Рекомендую «Царевну Софью» преимущественно для юношеского чтения, он обосновывает это тем, что книга «необыкновенно честная», «какие не часто появляются в наше время» (1933. 22 дек.).

«Изольда»¹⁰ — второй роман И. Одоевцевой — вызвал недовольство Милюкова-критика. Не отрицая «несомненный талант рассказчицы», какой обнаружила писательница уже в первом своем романе «Ангел смерти» (1928), рецензент заметил, что новый роман хотя и «шире по замыслу», но «центральная идея» его схожа: «Перед нами опять все та же девочка, та же игра на чувственности, наполняющая все душевное содержание этой полудетской жизни» (1929. 31 окт.). Роман, по мнению критика, напоминает кинематографическую пьесу, где «сцена действия поминутно меняется». Однако остается впечатление «кинематографического шаблона и газетной уголовной хроники», а «полное неправдоподобие фабулы портит даже и удачные изображения характеров». Заключение рецензента: «Это — тупик. Идти тут дальше некуда. Надо переменить дорогу». Необходимо сказать, что этот роман Одоевцевой был замечен эмигрантской критикой. Мнения были разными. «Страшной книгой» назвал его Кирилл Зайцев («Россия и славянство». 1929. 19 окт.), неприятно удивлен романом был и В. Сирин («Руль». 1929. 30 окт.). На новизну и самобытность женской прозы Одоевцевой обратил внимание В. Вейдле («Числа». 1930. №2/3), а г. Адамович сочувственно назвал роман «утонченно-поэтическим» («Иллюстрированная Россия». 1929. №44).

Большую пространную рецензию написал Милюков на 2/3 номер парижского журнала «Числа» (1930—1934. №1—10), стремившегося объединить «молодое» литературное поколение. Редактор и издатель журнала —

Н.А. Оцуп — заявил в первом номере: в «Числах» «не будет места политике, чтобы вопросы сегодняшней минуты не заслоняли других вопросов, менее актуальных, но не менее значительных» (№1. С. 6). Это новое начинание эмиграции, как признавался в своей рецензии Милюков, было ему непонятным, хотя против намерения издания быть, по преимуществу, литературным журналом, возражений у него не возникает, ибо «из него мы узнаем гораздо лучше то, что не могли бы узнать из других изданий». Другое дело, каково то новое, что журнал раскрывает. Пытаясь найти это новое, что отличает молодых писателей, выступавших на страницах «Чисел», Милюков подчеркивает «расшатанность их мировоззрений», болезненность, нарочитость («маска загадочности»), странную «моду» «выходить на сцену переодетыми королями». И заканчивает рецензию с того, чем ее начал — он «Чисел» не понимает.

На непонимание Милюковым современной ему литературы указал А.Л. Бем в своей рецензии на юбилейное издание «Очерков по истории русской культуры». Прежде всего, внимание критика привлек раздел литературы, особенно новые части по сравнению с прежним изданием¹¹. Речь шла об эпохе литературного развития, предшествовавшей революции; Милюков называл этот промежуток «упадочным периодом девяностых и девятисотых годов». Это его определение и оспаривал Бем, подчеркивавший, что Милюкову кроме реалистической литературы все другие направления казались менее ценными, потому, что он исходил из неверного критерия — «проследить усиление влияния литературы “на постепенно расширявшиеся круги читателя в результате последовательного сближения литературы с русской действительностью и ее художественного изображения”»¹². Ошибочным представляется Бему и понимание русского декадентства как упадочнического литературного течения. Критик подчеркивал — «несмотря на все видимые связи с западом», оно «выросло на русской почве» и «явилось протестом против зашедшего в тупик реалистического искусства предшествующей эпохи, в нем ярко сказалось сознание необходимости преодолеть окаменевшие литературные формы и стремление обновить литературный язык новыми средствами

художественного воздействия»¹³. Вся декадентско-символистская полоса русской поэзии, продолжает Бем, является для Милокова «печальным эпизодом русской литературы», для него «не существует иной прозы, кроме реалистической». Все это вполне понятно, «если вспомнить, что перед нами типичный представитель русского позитивизма, выросший на преклонении перед литературой 60-х и 70-х годов, которая по его убеждению “с избытком выполнила те обещания и надежды, которые были даны в первой половине 40-х и 50-х годов — «натуральной школой» Гоголя”»¹⁴, — писал Бем. Неудивителен и вывод, к которому приходит Милоков — «если и было что положительное в литературе этого времени, то заслуга этого падает на долю тех писателей-прозаиков старшего поколения, которым “удалось пронести через упадочный период 90-х и девятисотых годов художественный реализм классической русской литературы”. О поэзии этого сказать нельзя, особенно эмигрантской. Она “сохранила надолго и упадочную форму, и упадочное настроение”»¹⁵. Бем выделил еще одну черту в историко-литературных суждениях Милокова — социологизм, который сближал его с господствовавшими течениями в советской критике (искать социальные корни литературных явлений). Милокову оказалась понятнее и ближе современная литература, с ее возвращением к реализму, чем вся ее предшествующая эпоха. И поэтому он так много внимания в «Очерках» уделил советской литературе, но и в ее оценку, по мнению Бема, автор внес «субъективизм современника, не желая в ней видеть ничего, кроме реалистического отражения действительности».

Другой эмигрантский критик — Марк Слоним — писал о том, что Милоков сумел «понять и оценить большинство писателей советской России. Он подошел к ним без политических предвзятых идей, так искажающих суждения большинства эмигрантских критиков»¹⁶. Однако характеристика литературы советского периода как целое не удалась Милокову, полагал и Слоним; его волновал вопрос — прервана ли русская культурная традиция революцией, и в чем она. Милоков усматривал ее в художественном реализме, поэтому считал, что она не прервана.

Необыкновенную широту научных интересов отмечали многие, знавшие Милюкова. Так, В. Мякотин подчеркивал, что «пытливый взгляд исследователя» останавливали очень многие дисциплины, среди которых история политической мысли, культуры, литературы, искусства, философии. И «во всех этих областях он являлся не случайным гостем, а хозяином, всюду охватывал все, что сделано было исторической наукой до него, и стоял на высоте современных ее достижений»¹⁷.

---

¹ Ежедневная газета «Последние новости» (Париж, 1920. 27 апр. — 1940. 11 июня. №1 — 7015) с 1 марта 1921 г. издавалась под редакцией П.Н. Милюкова.

² Подробнее см. об этом: *Петрова Т.Г.* «Последние новости» // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918 — 1940. / Гл. ред. А.Н. Николюкин. Т. 2. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 319—329.

³ *Persky Serge* Nathalie Pouchkine. Anna Dostoievsky. Sophie Tolstoi. Paris, 1929.

⁴ *Милюков П.* Живой Пушкин (1837—1937): Историко-биографический очерк. Париж, 1937; М., 1997. С. 104.

⁵ Там же. С. 178, 182—183.

⁶ Там же. С. 213, 251.

⁷ Там же. С. 281, 279.

⁸ *Крайний А.* Полет в Европу // Современные записки. Париж, 1924. Кн. 18. С. 123.

⁹ *Булгакова Е.* Царевна Софья. Историческая повесть. Париж, 1933.

¹⁰ *Одоевцева И.* «Изольда: Роман». Париж; Берлин, 1929.

¹¹ *Милюков П.Н.* «Очерки по истории русской культуры»: Юбилейное издание: В 3 т. Париж, 1930—1937; М., 1993—1995. Т. 1—3. Впервые книга вышла в 1896—1903 гг.. В эмиграции «Очерки» были дописаны, в частности, раздел литературы доведен до современности (обзор до и послереволюционной литературы).

¹² *Бем А.Л.* Об «упадочном» периоде русской литературы // Руль. 10 сент.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Слоним М.* П.Н. Милюков о русской литературе // Воля России. 1931. №1—2. С. 110.

¹⁷ *Мякотин В.* П.Н. Милюков: Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. 1859—1929. Париж, С. 39, 40.

Подписано в печать с оригинал-макета 24.03.2010.
Формат 148x210. Печать цифровая. Усл. печ. л. _____.
Тираж _____ экз. Заказ № _____.
Отпечатано в сервис-бюро «InCode».
ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»,
Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 60, лит. «У».
Тел.: (812) 333 2659, 331 6214.